

**АНАТОЛИЙ
ДРОЗДОВ**

**Не плачь,
орчанка!**

2017

Будущее Антону Ильину представлялось простым и ясным. Старшина срочной службы, отличник боевой и политической подготовки, секретарь комсомольской организации КПП, кандидат в члены КПСС, он считал дни до дембеля. В родном Минске его ждали отец и сестра. Он вернется домой и заживет счастливо. Счаз! Бой, взрыв гранаты — и здравствуй другой мир! Привет вам, орки и живущие здесь нелюди! Советский пограничник пришел. Он научит вас ходить строем и любить Родину.

Анатолий Федорович Дроздов

Не плачь, орчанка!

Пролог

Граната, кувыркаясь, летела в воздухе.

Антон видел ее отчетливо — цилиндрическую, выкрашенную в защитный цвет РГ-42, формой похожую на консервную банку из стандартного армейского пайка. Формой, но не содержанием. Внутри РГ-42 находилась не гречневая каша с мясом, а сто десять граммов тринитротолуола и металлическая лента с насечками. Спустя считанные секунды эта лента превратится в десятки осколков, которые вопьются в его тело. И тогда...

"Машина! — мелькнула в голове мысль. — У нее стальной кузов, а внутри ящики. Они защитят!"

Окончание этой мысли Антон додумывал на бегу. Тело сообразило раньше, чем мозг. Стремительными прыжками он преодолел расстояние, отделявшее его от "УАЗа", рванул на себя дверцу и вцепился внутрь. Вернее, вбросил себя. Даже успел захлопнуть за собой дверцу. И только затем сообразил: внутри машины — ящик с такими же РГ-42, вдобавок с вкрученными запалами. И "УАЗ" — последнее место, где надлежит прятаться от взрыва. Все-таки мозгу следует доверять больше, чем телу. Однако пожалеть об этом Антон не успел.

Сбоку грохнуло. В следующий миг пространство за стеклами "УАЗа" затопило багровое пламя. Антон ощутил, что куда-то летит. "Пиз...ц!" — мелькнула мысль, и все исчезло...

Жизнь Антона резко изменилась в январе 1971 года. После ужина, в ходе которого он похвастался отцу и сестре полученными отметками — повышенная стипендия в кармане! — отец пригласил его к себе в комнату. Выглядел при этом Ильин-старший строго. "Это он с чего? — думал Антон, шагая вслед за отцом. — Все ж нормально". Недоумение его разъяснилось скоро.

— Каким ты видишь свое будущее? — спросил отец после того, как они расположились в креслах.

Антон осторожно пожал плечами. Вопрос был странным. Какое будущее у студента третьего курса института иностранных языков? Ему еще учиться и учиться. Так и сказал.

— А конкретнее? — не отстал отец.

— Окончу институт, получу диплом, пойду работать.

— Куда?

— На распределении скажут.

— А куда распределят?

Антон задумался. О распределении в группе говорили не раз — все-таки третий курс. Мечтой многих было попасть на работу в МИД. Но такая перспектива выглядела призрачной — в министерстве иностранных дел Белоруссии работала пара десятков человек. Про МИД СССР и мечтать нечего — в Москве свои институты имеются. Неплохо устроиться в "Интурист" или хотя бы в "Спутник": они работают с иностранцами, поэтому переводчики нужны. Теоретически. Практически — не вщемиться. Желающих в разы больше, чем вакансий. Остается работа в издательствах, торгово-промышленной палате — там специалисты-переводчики востребованы, в худшем случае можно преподавать иностранный язык в школе. Последнее не желательно, зато есть шанс остаться в Минске. Он отличник, уверенно движется к красному диплому. Таким на комиссии дают возможность выбрать место распределения.

Все это Антон и сообщил отцу. Тот удовлетворенно кивнул.

— А чего ты хотел бы сам?

— Поездить по миру, побывать в разных странах, — вздохнул Антон.

— Такая возможность есть, — сказал Ильин-старший. — Если пойдешь по моим стопам.

Антон на мгновение выпал в осадок. Ильин-старший был полковником запаса, и не каким-нибудь, а КГБ. О своей службе он рассказывал мало. Но Антон знал, что отец начал в знаменитом ИНО (иностранном отделе) НКВД. Много раз бывал за границей. Зачем туда ездил, догадаться не трудно — фильмы про советских разведчиков показывали в кинотеатрах. В Отечественную войну сотрудник "Смерша" Ильин ловил вражеских диверсантов, при этом был ранен. Антон видел на его теле отметины от пуль и осколков. У отца пять орденов и масса медалей. Так что своим "предком" Антон гордился. Но идти в КГБ? Репутация этого ведомства в советском обществе никакая. По мнению интеллигентных людей, а Антон считал себя таковым, порядочный человек в "контору глубокого бурения" не пойдет.

— Знаю, о чем думаешь, — сказал отец, — и что дружки твои говорят. Все это падла лысая! — отец сжал кулаки. Хрущева он ненавидел люто. — Разоблачил "врагов", клещ

кукурузный! Теперь нужных людей в Комитет не звать. Лезет всякая шваль. А нужны люди умные и образованные, такие, как ты.

Антон с удивлением посмотрел на отца. Тот усмехнулся.

— У тебя отменная память и блестящие способности. Ты свободно говоришь на двух языках. Учишь третий. К диплому освоишь и его. Этот раз, — отец загнул палец. — Два — ты не рохля. Умеешь постоять за себя и дать сдачи.

Антон кивнул. Стойкости его научил отец. Когда маленький Антоша прибежал жаловаться на дворовых обидчиков, Ильин-старший спрашивал: "А ты дал сдачи? Нет? Вот, поди и дай!" И, не обращая внимания на возражения матери, выталкивал сына за порог. Приходилось возвращаться и выполнять приказ. Не раз Антону разбивали в кровь нос, вешали синяки, но его это не останавливало. Со временем дворовые хулиганы оставили его в покое. Приятно, когда тебя боятся. А если сразу дают сдачи? Ну, его, малявку бешеную...

— И еще у тебя мой характер, — загнул третий палец отец. — Сидеть в издательстве или торговой палате ты не сможешь. С тоски умрешь. Поэтому КГБ для тебя неплохой вариант. И за границей побываешь, и мир увидишь, и пользу Родине принесешь. Согласен?

Антон подумал и покрутил головой. К его удивлению отец усмехнулся.

— Молодец, имеешь свое мнение! Но все равно завтра пойдешь в деканат и напишешь заявление о переводе на вечернее отделение. В связи с тяжелым материальным положением в семье.

Антон вздохнул. После смерти матери достаток семьи упал. Не сказать, чтобы сильно. У отца хорошая пенсия, сестре платят пособие в связи с утратой кормильца, и получать его она будет до окончания института. У Антона — стипендия. В сумме на троих набирается двести восемьдесят рублей. Не мало. Другие и на меньшие деньги живут. Но если отец считает иначе...

— Ты не правильно понял, — покачал головой Ильин-старший. — Денег хватает. Но для того чтобы ездить по миру или работать с иностранцами, нужна биография. Абы кого не подпустят. Поэтому пойдешь на завод. В трудовой книжке появится запись "рабочий". У нас это ценится. Затем тебя призовут на военную службу...

Антон похолодел. В институте он занимался на военной кафедре и рассчитывал, как и другие студенты, по получению диплома пройти двухмесячные курсы и стать офицером запаса. Военным переводчиком. А тут на два года! Рядовым солдатом!

— Служить будешь в пограничных войсках, — сказал отец, не заметив волнение сына. — Насчет этого я постараюсь. Пограничники относятся к КГБ СССР — это второе плюс в твою биографию. Третий добудешь сам. Служи так, чтобы на дембель уйти кандидатом в члены КПСС. Если сумеешь, дело, считай, в шляпе. По возвращении восстановишься на дневном отделении. Вступишь в партию, проявишь себя на общественной работе. И мир для тебя открыт.

Ильин-старший улыбнулся. "Не хочу!" — хотел крикнуть Антон, но промолчал. И в ответ на вопрошающий взгляд отца обреченно кивнул.

Уйдя на вечернее отделение, Антон устроился учеником слесаря на завод. Наставника ему определили из бывших фронтовиков. Тот сунул студенту железяку, протянул напильник и указал на тиски.

— Пили! Нам опилки нужны.

Антон "пил" три дня. На четвертый наставник осмотрел почти сточенную железку, вытащил ее из тисков и зашвырнул в урну.

— Молодец! — сказал, улыбнувшись. — Терпение есть. Без него хорошим лекальщиком не станешь. Буду учить.

И научил. Через три месяца Антон получил второй разряд слесаря и первую полноценную получку — 78 рублей. Но порадоваться этому не успел — пришла повестка из военкомата. Как и обещал отец, призвали его в пограничные войска. Поезд привез новобранцев в молдавский город Унгены. Там Антона мигом выделили из общей группы. Студент иняза, высокий, приятной наружности — идеальный кандидат в школу контролеров. Тех, которые первыми встречают прибывающих в СССР иностранцев. В школе курсантов знакомили с образцами заграничных паспортов, учили распознавать подделки, сличать фотографии в документах с оригиналами, определять нервничающих и странно ведущих себя туристов на предмет их дальнейшей более глубокой проверки. Отучившись шесть месяцев, Антон получил распределение на автомобильный пункт пропуска Леушены.

Служить было трудно. В летний сезон поток транспорта вырастал в разы. Автобусы, легковые авто, грузовики ехали днем и ночью. На сон оставалось не более пяти-шести часов в сутки. Но Антон не роптал. Тяжело, но интересно. Иностранцы, туристы из всех уголков огромного СССР, люди, лица, разномыслиякая речь... Антон совершенствовал свою разговорную практику, между делом выучил молдавский язык, добавив его к английскому, немецкому и французскому. Это принесло ему уважение со стороны персонала пограничного КПП. Молдаванам нравилось, что студент из Белоруссии разговаривает с ними на родном языке. Довольно было и начальство. Службу Антон тянул добросовестно. Стал отличником боевой и политической подготовки, вскрыл несколько попыток пересечь границу по поддельным документам. Комсомольцы КПП избрали его своим комсоргом — без всякого давления со стороны начальства. Грудь старшего контролера украсили знаки "Отличник погранвойск" I и II степеней. Его имя занесли в Книгу Почета погранотряда, фотография появилась на Доске Почета округа. Неудивительно, что желание Антона вступить в партию встретило горячий отклик со стороны старших товарищей. Кандидатом в члены КПСС его приняли единогласно. План отца выполнялся, и Антон с нетерпением ждал дембеля. Родных он не видел давно — отпуска пограничникам практически не давали.

Все было готово. В каптерке ждала своего часа отглаженная "парадка" с погонами старшины — звание Антон получил в марте. В заезжей лавке военторга куплена новая зеленая фуражка. Перецепить знаки с повседневной формы на парадную — пара минут. Дырочки уже проколоты. Осталось переодеться, попрощаться с друзьями — и в Кишинев. Отличник боевой и политической подготовки, кавалер двух знаков "Отличник погранвойск" Антон Ильин уйдет на дембель в первой партии. Пограничников в запас отправляют поздно, когда "дембеля" из других войск успевают отгулять возвращение. На Антона это не распространяется. Для него будет торжественное построение на плацу, прощание со Знаменем части, оркестр... "И под музыку "Славянки" прямо с плаца на гражданку — демобилизация..."

И тут черт принес этих дезертиров.

Заставу и КПП подняли "в ружье" затемно. Полусонные пограничники выстроились во дворе. Перед ними топтались офицеры. Даже в предрассветных сумерках было видно, что лица у них хмурые. Вперед вышел командир заставы капитан Псарь.

— Этой ночью в одной из воинских частей в Кишиневе дезертировали двое солдат, — объявил он. — Перед этим они убили часового, открыли склад и завладели оружием и боеприпасами. Погрузили его в автомобиль УАЗ и скрылись в неизвестном направлении.

Идут поиски. Есть основание полагать, что дезертиры попытаются прорваться через государственную границу. Поставлена задача эту попытку пресечь. В связи с чем объявлена усиленная охрана границы. Обращаю внимание: преступники вооружены и очень опасны. Они убили часового, терять им нечего. Командованием отряда отдан приказ: в случае вооруженного сопротивления преступников открывать огонь на поражение. Это ясно?

Капитан обвел строй взглядом. Пограничники молчали, охренивая. Правила несения пограничной службы предусматривают открытие огня в случае вооруженного сопротивления нарушителей. Но сами командиры настойчиво советовали этого избегать, в крайнем случае, стрелять в воздух или по ногам. Это западная граница СССР, с сопредельной стороны располагается дружественное социалистическое государство. Нарушителя, буде тому посчастливилось миновать кордон, задержат и вернут в Советский Союз. Здесь выяснят, почему он решил изменить Родине, и кто его этому научил. А с мертвого какой спрос?

— Приказываю заступить на охрану государственной границы! — Псарь вскинул ладонь к козырьку фуражки. — Виды нарядов...

Антон с приданным в помощь пограничником высадили на тыловой дороге. Вид наряда — заслон. Задача: отслеживать движение транспорта и людей, проверять документы на право нахождения в пограничной зоне, в случае появления дезертиров принять меры к их задержанию. Последнее, как понял Антону, будет вряд ли. Заслон высадили на проселочной дороге. Ездят тут только местные, да и то не часто. До линии границы далеко. В противном случае в наряд поставили бы опытных "дедов" с заставы. А так пристегнули к контролеру КПП молодого пограничника, закрыв строчку в боевом расчете. Торчат им здесь, пока не сменят. В случае усиленной охраны границы продолжительность пребывания в наряде может составить восемь часов. Хорошо хоть сухой паек выдали, и вода во фляге есть.

Антон покосился на напарника. Молодых солдат с заставы он знал плохо — не успел толком познакомиться. Прибыли они в феврале, а сейчас апрель. Да и служба не дает возможности пересекаться. У заставы свои обязанности, у КПП — свои. Но всем каждый день — на ремень. В смысле с автоматом на плече. Правда, контролеры их не носят, дабы не пугать иностранцев. Восемь часов службы в сутки — это по правилам. Только кто их соблюдает, особенно, на КПП летом? Приходишь после службы, умылся, поел — и спать. В свободную минут надо постирать и отгладить форму, подшить свежий подворотничок, почистить сапоги... Где время на разговоры брать?

Напарник Антона выглядел жалко. Худой, тонкая шея торчит из явно большого ему воротника кителя, в голенища кирзовых сапог еще две таких ноги всунуть можно. Не то, что у Антона. Форма подогнана по фигуре, хромовые сапоги плотно обтягивают икры. Откуда у пограничника срочной службы хромовые сапоги? Так он первым встречает иностранцев на советской земле. Поэтому обмундирование у контролеров офицерское, полушерстяное, а сапоги хромовые. Есть у них и солдатское "хабэ" с кирзачами, только они в каптерке. Антон, вскакивая по тревоге, натянул, что лежало на тумбочке. Переодеться возможности не дали. Зато укомплектовали как на войну. В подвеске на ремне два магазина с боевыми патронами, по 25 в каждом. Почему 25, а не 30? Чтобы подающая пружина не ослабевала. С левой стороны на ремне — штык-нож в ножнах, на правом бедре — малая саперная лопатка в чехле. Нахрен, спрашивается, им лопаты? Где тут окопы рыть? Но прапорщик буркнул: "Положено!", пришлось нацепить. Зато сухпай в вещмешок накидал щедро. Из последнего следовало, что торчат им в наряде долго.

Антон поправил ремень автомата. Напарник повторил жест. Ствол его АКМ виднелся

над погоном. А вот у Антона — автомат со складным прикладом, поэтому висит стволом вниз.

— Как звать? — спросил Антон.

— Володя, — ответил солдат и шмыгнул носом. — Богомоллов.

"Дите!" — подумал Антон. Его возраст позволял подобное отношение. 22 года это вам не хуры-мыхры. Самый старший из срочников на заставе и КПШ. Пацану, наверное, лет 18...

— Не будем стоять столбами, Володя! Пройдем, осмотримся. Нам тут долго куковать.

— Есть, товарищ старшина! — пограничник принял стойку "смирно".

— Вольно! — усмехнулся Антон. — Не тянись. Здесь тебе не плац, а мы не строевой подготовке. Это наряд. Идем так. Я — по левой стороне дороги, ты — по правой. Смотрим внимательно каждый в свою сторону, ищем следы машины. Понятно?

Богомоллов закивал. Антон вздохнул и зашагал по грунтовке. Позади бухал сапогами Богомоллов. На самом деле Антон не собирался ничего искать. В задачу заслона это не входило. Но стоять на одном месте скучно. Почему б не размяться?

Шагая, он поглядывал по сторонам. Ничего интересного. Виноградники, взбегающие по склонам холмов, распаханые и засеянные поля, кусты, рощица в отдалении. Обычный молдавский пейзаж.

За поворотом на грунтовку выходила дорога. Отсыпанная гравием и накатанная. Наверняка ведет в деревню. Вернее, в село. В Молдавии они большие и многолюдные, но чужому человеку затеряться трудно. Все друг друга знают. Стоит там появиться незнакомцу, как воспоследует звонок на заставу. Пограничная зона, народ здесь бдительный.

Они миновали перекресток, прошли еще с полкилометра. Антон собирался вернуться назад, как сзади окликнули:

— Товарищ старшина! Следы.

Антон оглянулся. Богомоллов стоял у обочины, показывая на нее рукой. Антон подошел. С грунтовки сворачивал автомобиль. Колея бежала по небольшому лужку и терялась в недалеких развалинах. Старый коровник или заброшенный дом. Даже удивительно видеть его здесь. Молдаване — люди трудолюбивые, земли у них ухоженные. Почему не восстановили или не разобрали на стройматериалы? Странно.

Антон присмотрелся к колее. Следопытом он не был, но в отпечатках протекторов разбирался. У отца имелся "москвич", который они ремонтировали в гараже, заодно общаясь с другими автомобилистами. Здесь проехал не "москвич" и не грузовик. А вот на УАЗ очень похоже. Дезертиры? Антон осмотрелся по сторонам.

— Возвращаемся! — приказал Богомоллову.

Тот глянул недоуменно, но возражать не стал. Они прошагали обратно с сотню метров. У подступивших к дороге кустов, Антон снял с плеча АКМС, откинул приклад. Извлек и: подсумка магазин и присоединил его к оружию. Затем сдвинул вниз рычаг предохранителя, и передернул затвор.

— Делай как я! — велел Богомоллову.

Тот, путаясь в застежках подсумка, достал магазин и дрожащими руками повторил действия старшего наряда.

— На предохранитель поставь! — велел Антон. Не хватало еще, чтобы "салабон" со страху пальнул ему в спину.

Солдат подчинился.

— Сейчас, прячься за кустами, пройдем к развалинам, — пояснил Антон. — Держись за

моей спиной. Если начнут стрелять — падай на землю. Ответный огонь по моей команде.

— Они там? — сиплым голосом спросил Богомолов.

— Не знаю, — пожал плечами Антон. — Может, и нет. Но проверить надо.

Антон не верил, что в развалинах дезертиры. Что им тут делать? До границы километров пять — да и то, если идти по прямой. Место достаточно открытое, трудно спрятаться. Не дураки же они. В наглуую съехать с дороги, оставив след... Наверняка кто-то из местных. Но прокрасться к развалинам — это ведь интересно! Куда лучше, чем тащиться по пустынной дороге. Несмотря на свои 22 года, в душе Антон оставался мальчиком, которому нравится играть в войну.

Таясь за кустами, они двинулись к развалинам. Заросли подходили к ним практически вплотную. Миновав их, Антон понял, что насчет коровника он ошибся. Некогда здесь стояло поместье, обнесенное оградой из кирпича. Сейчас та местами обвалилась, поросла кустами и молодыми деревцами. За оградой виделись стены дома с осыпавшейся штукатуркой, но с уцелевшими фронтонами. Крыша или рухнула или же ее разобрали.

Антон забросил автомат на плечо и полез в пролом. За стеной оказался заросший травой двор. На ней отчетливо виднелась автомобильная колея, бежавшая от широкого проема в стене, где раньше стояли ворота. Колея убегала за дом. Антон повел взглядом и увидел выглядывавший из-за угла капот машины. УАЗ, защитного цвета. С военными номерами...

От неожиданности Антон застыл столбом. В себя его привело сопение за спиной. Богомолов.

— Ложись! — зловещим шепотом приказал Антон. Они упали в траву.

— К бою!

Щелчок предохранителя. Два ствола направлены в сторону автомобиля. И ничего в ответ. Некоторое время пограничники лежали, напряженно прислушиваясь. Было тихо. Не слышалось шагов, лязга оружия, команд или разговоров. Спустя несколько минут Антон понял, что других людей, кроме них, здесь нет.

— Прикроешь меня! — приказал Богомолову и вскочил. Пригибаясь и двигаясь зигзагами, он подскочил к УАЗу и глянул в салон через лобовое стекло. Пусто. В смысле людей нет. Держа автомат наизготовку, Антон обошел автомобиль, затем заглянул в проем в стене. Там, где некогда были полы, виднелись поросшие травой и кустарником ямы. Судя по уходившим вниз кирпичным стенам — бывший подвал. На одной из такой стен Антон увидел большой каменный круг с какими-то фигурами или знаками. Герб владельца, наверное.

Воротившись во двор, он осмотрелся. Следы, оставленные сапогами в высокой траве, исчезали за оградой. Антон заглянул в проем. Следы пересекали вспаханное поле и терялись за ним.

Антон поставил автомат на предохранитель, закинул его на плечо и вернулся к автомобилю. Возле него обнаружился Богомолов, заглядывавший внутрь. "Вот ведь пацан! — зло подумал Антон. — Велел же прикрывать!"

Заметив его, Богомолов отпрыгнул от автомобиля и вытянулся.

— Товарищ старшина!

— Не дергайся! — махнул рукой Антон. — Ушли они. К границе.

— А это точно они?

— Сейчас узнаем.

Антон потянул на себя заднюю дверь автомобиля. Она легко поддалась — в дверях армейских "УАЗов" нет замков. В следующий миг Антон присвистнул. Багажник УАЗа был заставлен покрашенными в защитный цвет ящиками. Антон потянул вверх защелки ближнего и откинул крышку. Ох, не фигу себе! Ручные пулеметы Калашникова, две штуки. Новые, в смазке. Тут же набросаны коробчатые магазины. Похоже, что груз комплектовали в спешке. Антон закрыл большой ящик и откинул крышку соседнего, меньшего по размеру. Гранаты РГ-42, запалы вкручены. Нескольких штук не хватает. "Они что, на войну собрались?" — мысленно охнул Антон.

За его спиной сдавленно вскрикнули. Антон оглянулся — Богомоллов.

— Слушай меня! — сказал Ильин. — Сейчас берешь ноги в руки и чешешь в село. Видел гравейку?

Богомоллов кивнул.

— Она ведет к селу. Там найдешь сельсовет и позвонишь на заставу. Сообщи, что мы нашли. Скажешь, что дезертиры ушли к границе. Пусть высылают наряды на перехват. Ясно?

— А вы, товарищ старшина?

— Покараую тут. Вдруг вернутся?

— Их же двое, с оружием. А вы один.

"Хороший парень! — подумал Антон. — Не трус".

— Справлюсь. Да и вряд ли они вернутся. Рассвело, побоятся. Беги!

Богомоллов кивнул и ломанулся к пролому, через который они вошли. "В ворота беги!" — хотел крикнуть Антон, но не успел. Богомоллов скрылся из глаз. Антон пожал плечами и вернулся к УАЗу. Открывать другие ящики не стал — кому нужно разберутся. Закрыл заднюю дверь и заглянул в салон. Ключ торчал в замке зажигания. Антон вытащил его и сунул в карман бриджей. Если что, выбросить успеет. Не уйдут.

Он вернулся к пролому, через который ушли дезертиры. Присел на обломок стены и глянул на циферблат часов. Восемь двадцать две. До села километра два. Богомоллов будет там минут через пятнадцать-двадцать. Пока найдет сельсовет, пока позвонит... До заставы отсюда километров десять, ГАЗ-66 ехать минут пятнадцать. Если, конечно, машина окажется под рукой. В любом случае самое позднее в десять часов здесь будет наряд. Не так много ждать. Вот и хорошо.

Антон погрузился в мечты. За то, что проявил инициативу и обнаружил угнанный дезертирами автомобиль с оружием, его обязательно наградят. Медалью "За отличие в охране государственной границы СССР" — это как пить дать. И Богомоллова не забудут. Медаль до дембеля вручить не успеют, но это к лучшему. Антон вернется в институт, там по этому случаю соберут преподавателей и студентов. Награды в СССР принято вручать в торжественной обстановке. Под восхищенными взглядами студенток Антон выйдет на сцену... Он даже зажмурился от предвкушения.

...Черные фигурки Антон заметил боковым зрением. Он насторожился и развернулся к пролому. Дезертиры возвращались. Они шли развалинам, настороженно сжимая автоматы в руках.

"Сходили к С-100^[1] на разведку и решили прорываться ночью, — догадался Антон. — Идиоты. На что надеются? Наследили же вокруг. Здесь уже к обеду будет не протолкнуться. Что делать?"

В голове мелькнула мысль последовать за Богомолловым. Дезертирам в любом случае не уйти. Но Антон вспомнил об арсенале в автомобиле. Дезертиры вооружатся и дадут бой —

терять им нечего. Погибнут отличные парни. И все из-за его трусости...

Антон снял с плеча автомат и отщелкнул предохранитель. Он даст бой. У него выгодная позиция и преимущество внезапности. Справится.

Тем временем дезертиры приблизились метров на пятьдесят. Антон отчетливо видел их лица — потные и усталые. На вид обычные парни. И что заставило их убить товарища? Антон вскинул автомат к плечу.

— Стоять! Руки вверх! Бросай оружие!

Дезертиры рухнули на землю. Спустя мгновение пули ударили в ограду, запорошив проем красной пылью.

"Ах, так! — подумал Антон. — Ну, гады!

Он прицелился. Стрелял Антон отлично, а с такого расстояния — и говорить нечего. Противники его пока не видели — лупили наугад длинными очередями. Антон затаил дыхание и потянул спусковой крючок. АКМС коротко вздрогнул. Одиночный выстрел. Готовясь к бою, Антон нажал на переводчик огня слишком сильно, зафиксировав его в крайнем нижнем положении. Но левому дезертиру этого хватило. Он выронил автомат и сунулся лицом в землю. Второй прекратил стрелять.

— А ну бросил оружие! — крикнул Антон. — А и тебе пиз...ц.

— Не стреляй!

Дезертир отбросил автомат и встал.

— Руки вверх и шагай сюда!

Дезертир подчинился. Опустив голову, он понуро затапал к развалинам. Антон следил за ним сквозь прорезь прицела. Не дойдя до ограды шагов двадцать, дезертир внезапно запнулся и упал. Затем завозился, вставая.

"Чмо неуклюжее! — подумал Антон. — И он еще собирался перейти границу! Там забор из колючей проволоки, МЗП^[2] на опасных направлениях, да и Прут переплыть надо".

Дезертир, наконец, встал и вдруг отвел руку назад. Взмах — в воздух взлетела граната. Антон инстинктивно нажал на спуск. Дезертир упал, а Антон метнулся к машине. Кстати, совершенно зря. Мелькнув над оградой, граната скользнула в проем дома и упала в подвал. Там она подкатилась к стене, на которой Антон усмотрел странный знак и взорвалась. Осколки ушли вверх и стены. Пограничника во дворе они бы не зацепили. Зато произошло другое.

Антон не знал, что развалины, куда они забрели с Богомоловым, пользовались у местных дурной славой. Ходить сюда они избегали — смельчаки из развалин не возвращались. Скажи это кто Антону, он бы посмеялся. Советские люди не верят в сказки. А зря. Суеверия не возникают на пустом месте...

Интерполяция первая

— Наставник!

Встревоженное лицо практикантки возникло на голоэкрane.

— Чего тебе, Ел? — буркнул Гнур.

— Пробой в секторе 14.

— Уверена? — насторожился Смотрящий.

— Да, наставник!

— Сбрось запись.

— Слушаюсь!

Лицо Ел на голоэкрane сменили строчки из цифр и букв. Некоторое время Смотрящий скользил по ним взглядом, механически выделяя ключевые параметры. Закончив, мысленно выругался. И надо же было случиться! Сектор 14, самый заброшенный в галактике — потому и определили наблюдать за ним практикантку — вдруг выкинул фокус. И что делать? Гнур подумал и сделал движение пальцами. На голоэкрane возникло лицо Ел.

— Зайди!

— Слушаюсь, наставник!

Спустя пару минут практикантка возникла в кабинете начальника.

— Садись! — Гнур кивнул на кресло. Ел подчинилась.

— Что будем делать? — Гнур придал голосу тон мудрого учителя.

— Доложить по инстанции! — отрапортовала Ел. — В соответствии с пунктом 2.6 инструкции.

— Знаешь, — одобрил Гнур. — А теперь подумай. Что сделают на Мериде, получив наше сообщение?

— Снарядят экспедицию для устранения нарушения.

— То есть потратят миллионы кредитов с целью вернуть аборигена с Сигмы-2 на планету А-Зет? Других проблем у империи нет?

— Но ведь это нарушение Равновесия! — не согласилась практикантка. — Обитатель планеты с уровнем развития "икс-восемь" переместился в мир с "икс-три".

— И что? — в голосе Гнура звучал сарказм.

— Как обладатель знаний на пять ступеней превосходящих существующие на Сигме-2 он внесет разлад в развитие цивилизации этой планеты.

— Уверена?

— Да, наставник!

— Кто преподавал вам историю Галактики?

— Достопочтенный Крил.

— Знаю, — кивнул Гнур. — Романтик и сказочник.

Ел насупилась. Гнур сделал вид, что не заметил.

— Он рассказывал вам об экспериментах, которые проводились в этом направлении?

— Нет, — удивилась Ел.

— Разумеется, — хмыкнул Гнур. — Кому приятно приводить факты, противоречащие излагаемой теории? А это было. Примерно сто циклов тому назад, когда не только тебя, но и твоих родителей в проекте не было (лицо Ел приобрело бурый оттенок), наши научные головы сумели пробить в правительстве финансирование эксперимента по ускоренному

развитию отстающих цивилизаций. Уверяли, что таким путем мы сможем поднять их уровень хотя бы для восприятия основ существующего миропорядка и наших технологий в основных сферах. Скептиков, утверждавших, что это невозможно, что каждая цивилизация должна пройти свой путь самостоятельно, слушать не стали. Схема эксперимента была проста. Обитателей планеты с более высоким уровнем развития перемещали на более отсталую. При этом разрыв в достижениях цивилизаций не должен был превышать четыре ступени. Считалось, что этого достаточно для комфортного вживания представителей более развитого общества в среде, стоящей на более низком уровне. Научные головы нашли подходящие миры-доноры и миры-реципиенты. Среди первых была А-Зет, вторых — Сигма-2. В ту пору разрыв в технологиях у них не превышал трех ступеней. Помнишь третий Закон развития общества?

— Чем выше уровень развития технологий, тем скорее цивилизация проходит последующий этап, — процитировала практикантка.

— Вот-вот! — кивнул Гнур. — За сто циклов А-Зет поднялась на две ступени, а вот Сигма-2 осталась на третьей. А теперь представь: тебя высадили на планете, где общество пребывает, скажем, на четвертой стадии. Что из наших технологий ты сможешь внедрить? В мире, где основным источником энергии является мускульная сила людей и животных? Где едва научились обрабатывать металлы?

— Ничего, — согласилась Ел. — Но у нас с этим миром разрыв в десять ступеней. А вот если четыре...

— В мире "икс-девять" из тебя первым делом вытянули бы военные технологии. После чего государство, овладевшие ими, развязало бы бойню, которая отбросила бы общество на несколько ступеней назад. Пятый Закон развития: уровень технологий должен соответствовать нравственному развитию общества. Преобладание первого над вторым ведет к катастрофе.

Гнур умолк. Ел поерзала в кресле и не удержалась.

— Чем кончился эксперимент?

— Провалом, — пожал плечами наставник. — Обитатели планет с более высоким уровнем развития ничего не смогли. На отсталых не восприняли их знания и умения. Для этого необходимо находиться на соответствующей ступени развития.

— Четвертый Закон, — вздохнула практикантка.

— Именно! — поднял палец Гнур. — Он как раз и возник после провала эксперимента. После чего работы по нему свернули, результаты положили в архив. Обстоятельства забылись, из-за чего вновь стали возникать приверженцы ускоренного развития цивилизаций вроде distinguished Крила. Только все это болтовня. Никто более не выделит и кредита на подобные эксперименты.

— Но как обитатель планеты А-Зет переместился на Сигму-2?

— Законсервированный портал, — хмыкнул Гнур. — Они остались на планете. Демонтаж и перевозка вылились бы в круглую сумму. И без того пустили на ветер миллионы кредитов. Проще было списать.

— Абориген смог активировать портал?

— Ты невнимательно изучила параметры, — Гнур сделал движение пальцами. На голоэкрane возникли строки. Гнур указал на одну из них.

— Аварийное срабатывание?

— Правильно. В случае возникновения обстоятельств, угрожающих жизни находящихся

в зоне действия портала разумных, программа дает команду на их экстренное перемещение по последнему маршруту, после чего портал самоликвидируется, дабы исключить преследование эвакуируемых враждебно настроенными объектами. Перед этим, естественно, посылает соответствующий сигнал.

— Военные действия?

— Да.

— А это? — Ел указала на другую строчку. — Отчего масса объекта такая большая?

Причем, другой параметр свидетельствует, что абориген был один.

— Скорее всего, он укрылся в одном из имеющихся в мире А-Зет средств передвижения, поэтому и переместился вместе с ним. Масса соответствует. Портал не мог извлечь его оттуда.

— Такое тяжелое?

— В мирах "икс-восемь" средства передвижения изготавливают из металлов.

Применение композитов — это уже уровень "икс-девять".

Ел вновь побурела. Наставник уличил ее в незнании элементарных вещей.

— Как мне поступить? — спросила мгновение погодя.

— Внеси данные о происшествии в журнал и сделай заключение. Я наложу резолюцию: "Принято к сведению".

— И все?

— Да.

— А как быть с перемещенным аборигеном?

— Никак. Если ему повезет, он освоится в новом мире. Если нет... — Гнур развел руками.

— Жалко! — сказала Ел.

— В мире уровня "икс-восемь" ежедневно гибнут в войнах тысячи аборигенов. Такова особенность их цивилизации. Помочь нельзя — во избежание нарушения Равновесия. Они сами должны понять: война не устраняет противоречия, возникающие в ходе развития общества.

— Жестоко, — вздохнула Ел.

— Да, — кивнул Гнур, — но необходимо. Нам понадобились три всепланетных войны и одна галактическая, чтобы прийти к этому выводу. Зато теперь любой призыв к войне, если это не связано с вторжением врага из-за пределов галактики, обернется для его инициатора пожизненной каторгой на астероидах. Будь даже он император.

Ел кивнула. Этот Закон им довели уже в первом классе. Но несчастного аборигена все равно жалко.

Очнулся Антон от удара. УАЗ с размаху рухнул на четыре колеса, отчего его внутренности жалобно закрипели, а содержимое салона подпрыгнуло и опустилось обратно. В числе содержимого оказался и Антон. Но если советская техника, собранная для нужд армии, удар благополучно перенесла, то человеку пришлось хуже. Его ведь произвели не на оборонном заводе. Антон приложился лбом в руль, коленом — в рычаг переключения передач, вдобавок саперная лопатка впиалась ему в ягодицу. Боль в трех местах тела и привела его в себя.

"Жив!" — пришло осознание. Антон потер лоб, затем — колено, а вот ягодицу чесать не стал. Просто поерзал, высвобождая ушибленное место от жесткого металла. После чего нашарил ручку двери и вывалился из салона.

Некоторое время он стоял, разглядывая УАЗ. Автомобиль не пострадал. Он красовался на всех четырех колесах, как будто говоря: "А что мне сделается? Я ведь военная машина. Можно сказать, "пиративная". Антон, не поверив, обошел автомобиль. Ни на стальном кузове, ни на брезентовом верхе не было ни единой отметины от осколков. Антон опустился на колени и заглянул под днище, благо высокий клиренс УАЗа это позволял. Следов от осколков и здесь не наблюдалось. "Странно, — подумал Антон, вставая, — если граната не взорвалась под УАЗом, тогда с чего нас так подбросило?"

Ответа на этот вопрос не было, поэтому Антон встал и оглянулся по сторонам. И вот тут ему стало плохо. Ни старого дома, ни окружавшей его ограды не было. УАЗ, а вместе с ним и Антон, находились посреди небольшой овальной поляны. Вокруг высился лес — густой и могучий. Стволы приступавших к поляне сосен отливали медью и даже на скорый взгляд были размером в охват человеческих рук. Или больше.

Антон на заплетающихся ногах проковылял к открытой дверце автомобиля и опустился на водительское сиденье боком к лобовому стеклу. Некоторое время сидел, собираясь с мыслями. В то, что его перенесло вместе с автомобилем, он понял сразу. Но куда? В Молдавии нет таких дремучих лесов. Их даже в Белоруссии поискать. Где же он? И почему тут оказался?

Ответов на эти вопросы не было. Будь Антон человеком из нашего времени, то сообразил бы сразу. Но он не читал книги про попаданцев. В Советском Союзе такого жанра не существовало, как и самого этого слова. В бога Антон, как комсомолец и кандидат в члены партии, не верил. Предположить, что он оказался на том свете, не позволяли убеждения. Хотя на всякий случай Антон ущипнул себя за мочку уха, и та отозвалась болью. Значит, жив.

Последняя мысль вернула Антону хорошее настроение. Как любой молодой человек, он не привык долго задумываться над сложными категориями. Он уцелел после взрыва гранаты? Замечательно! Его забросило в непонятное место? Ученые разберутся, как это произошло. Советская наука самая передовая в мире. Возможно, об этом случае напишут в газетах, и Антон прославится. Станет знаменитым, как космонавт. Остается только выбраться к людям и сообщить командованию о происшествии.

Приняв такое решение, Антон начал действовать. Первым делом снял с плеча АКМС и положил его на сиденье. Не забыв, естественно, поставить оружие на предохранитель. Затем стащил вещевой мешок, из которого извлек сухпай. Есть хотелось немилосердно. Вскрыв

шпик-ножом банку с гречневой кашей, Антон опустошил ее, орудуя все тем же ножом. Зажевал это куском хлеба и запил водой из фляги. Другой бы после этого закурил, но Антон не имел такой привычки. Родители внушили ему отвращение к табаку. Особенно мать-врач...

Сложив остатки провизии в мешок и затянув горловину, Антон уложил его на сиденье и отправился ревизовать доставшееся ему имущество. А его хватало. Помимо багажника ящики обнаружались и в салоне машины. Вытащив их наружу, Антон расставил трофеи на траве и, откинув крышки, занялся подсчетами. Спустя полчаса, ошавев от увиденного, он сидел на одном из ящиков, пытаясь понять, что делать дальше.

Подумать было над чем. В багажнике оказались:

1. Ручные пулеметы Калашникова калибра 7,62 мм — 2 штуки.
2. Автоматы Калашникова модернизированные с деревянными прикладами того же калибра — 2 штуки.
3. Снайперская винтовка Драгунова с оптическим прицелом — 1 штука.
4. Пистолет Стечкина в деревянной кобуре-прикладе в комплекте с четырьмя магазинами каждый — 2 штуки.
5. Ящиков с патронами разного вида и калибра по два цинка в каждом — 8 штук. Из них с патронами к автоматам и пулеметам — 6, для снайперской винтовки и пистолетов по одному.
6. Ящик с гранатами РГ-42 с вкрученными запалами (четыре штуки не хватает) — один.
7. Магазины к автоматам и пулеметам вместимостью 30 и 40 патронов соответственно — два десятка. Магазины свалены в ящики и не снаряжены.

"Охренеть!" — так оценил результаты проведенной ревизии Антон. Если быть честным, то слово он употребил более грубое, относящееся к абсценной лексике. Несмотря на незаконченное высшее образование, Антон употреблял ее наряду с другими представителями славных пограничных войск. Увы, но армия не является местом, где людей учат изящной словесности. В оправдание следует сказать, что подобное характерно для всех армий мира.

Что делать со свалившимся на него арсеналом Антон не представлял. Хотя на его месте наш современник станцевал бы джигу или, как минимум, гопака. Потому на Антона свалился "рояль". Или "орган". Но в представлении Антона рояль и орган были музыкальными инструментами и ничем более. Поэтому он не стал хлопать в ладоши и вминать траву каблуками сапог. Просто сложил ящики обратно в автомобиль. Но не сразу. Найденной в багажнике монтировкой из инструментального набора сорвал упаковочную ленту с двух ящиков с патронами. Затем специальным ножом, который нашелся под крышкой, вскрыл цинки. Достал картонные пачки. Снарядил патронами два магазина к автомату и забросил их в свой подсумок. То же проделал и с магазинами к пистолету, после чего один вставил в рукоять АПС, а второй сунул в карман. Спрятав пистолет в кобуру, он перебрал ремешок через плечо. Затем прицепил к ремню брезентовый подсумок для гранат, который нашелся в одном из ящиков, и поместил в него две РГ-42. Теперь он готов.

Зачем Антон все это проделал, он не смог бы объяснить даже себе. Врагов поблизости не наблюдалось, и вступать с ними в бой нужды не было. Но вы помните, что наш герой в душе мальчик? А те любят оружие. И неважно, сколько им лет — 22 или 60. Мальчишество не возраст, а состояние души.

Вооружившись, Антон захлопнул дверцы УАЗа. Оставлять автомобиль с оружием было,

конечно, опасно, но и сидеть возле него неправильно. Хорошо бы поехать, тем более что водить машину Антон умел. Но окружавший поляну лес не давал этой возможности. Следовало разведать пути, обнаружить людей и привести помощь.

С одной стороны поляны лес выглядел реже, и Антон двинулся в этом направлении. Идти было легко. Устланная иглицей земля мягко пружинила под подошвами. Ни бурелом, ни упавшие сучья не попадались под ноги, из чего следовал вывод, что за лесом следят. Следовательно, люди неподалеку. От этой мысли Антон пришел в хорошее настроение. Тем более что стоял ясный день, пахло хвоей и разогретой смолой, а в кронах деревьев верещали птицы. Или пели. Антон в этом слабо разбирался, поскольку человеком был городским.

Направление он взял верное, потому что лес вскоре расступился и выпустил пограничника на обширный луг, вернее огромную поляну. Трава здесь была скошена, высушена и сложена в стожки. Люди неподалеку явно жили. Это добавило Антону оптимизма. Пройдя опушкой, он наткнулся на тропинку и пошел ею, пересекая луг. Но, приблизившись к кромке леса, замер.

На тропинке, преграждая дорогу, стоял волк. Серый, со светлыми ногами и грудью и темной, почти черной полосой шерсти вдоль хребта. Зверь стоял и, не мигая, смотрел на человека.

Антон сдвинул фуражку на затылок и вытер вспотевший лоб. Он не боялся волков. Его отец-охотник не раз брал сына-подростка "в поле". Там Антон наслушался рассказов у костра. Волки редко нападают на человека, да и случается это происходит зимой. В теплое время года звери избегают людей. Но этот чего-то хотел. Спрашивается, чего? Антон вдруг вспомнил мультфильмы про Маугли, которые показывали по телевизору.

— Здравствуй, Серый Брат! — сказал он волку. — Мы одной крови: я и ты.

Волк, к его удивлению, тряхнул головой, повернулся и затрусил по тропинке. Отбежав с десять метров, повернулся и посмотрел на Антона.

— Мне идти за тобой? — догадался пограничник.

Волк снова тряхнул головой и затрусил дальше. Антон подумал и зашагал следом. Его разбирало любопытство. Следуя за волком, он углубился в лес, вышел на натопанную зверьем тропу, которая привела их на небольшую поляну. Внезапно его проводник встал. Впереди послышалось рычание. Причем, рычал явно не Серый Брат. Антон подошел ближе. Возле веток, набросанных на тропе, стоял второй волк. Такой же масти, но чуть меньше его проводника. У ног зверя, оскалившись и вздыбив шерсть на холке, застыл щенок. "Волчица!" — догадался Антон.

Серый Брат рявкнул, волчица схватила детеныша за шкуру и отбежала в сторону. Волк посмотрел на Антона и направился к веткам. Встал возле них и посмотрел вниз. Из-под земли раздался скулеж. Антон подошел и сапогом отбросил ветки в сторону. Все ясно. Яма, ловчая, глубиной метра в полтора. Была прикрыта ветками. Взрослые волки ее почуяли и обошли стороной, а вот волчата провалились. Двое. Сейчас они смотрели вверх и жалобно скулили.

— Вели им отойти к той стороне, — сказал Антон волку и указал куда. Серый Брат что-то прорычал. Волчата отбежали к противоположной стороне ямы и прижались друг к другу. Антон стащил с плеча автомат и положил его обочь. Туда же отправилась и кобура с АПС. Затем он расстегнул ремешок чехла лопатки. Пригодилась.

Несмотря на свой привилегированный статус, рыть окопы Антон умел. Боевая подготовка одинакова для всех — будь ты рядовой пограничник или старшина-контролер.

Поплевав на ладони, Антон сжал в руках черенок и вонзил штык в землю. Тяжелые комья земли посыпались вниз. Волчата встретили их рычанием.

Антон не думал, что поступает неправильно. Его учили, что волков нужно уничтожать. Охотники находили логова, вытаскивали из них волчат, которых убивали. Об этом даже снимали фильмы. Но сейчас Антон видел перед собой попавших в беду детенышей и их родителей. Им следовало помочь, чем он и занимался.

Земля на тропе оказалась мягкой, но пронизанной корнями деревьев. Антон рубил их боковой, остро заточенной кромкой штыка. Копая, он постепенно отступал, формируя пологий спуск к яме. По которому можно спуститься и забрать волчат.

С непривычки было тяжело. В последний раз он рыл окоп прошлым летом. Ладони горели. Махать лопатой — это не документы у туристов собирать. Не закончив работу, Антон отложил лопатку, шагнул в сторону и снял с пояса флягу. Не успел поднести ее к губам, как мимо метнулась серая тень.

Волчица, вскочив в яму, схватила за шкуру одного из волчат и по еще не готовому, по мнению Антона, спуску вынесла его на поверхность. Бросив щенка неподалеку, вернулась за вторым. Достав и этого, глухо прорычала и устремилась в лес. Трое волчат, смешно перебирая короткими лапками, устремились следом. Серый Брат остался. Антон глотнул из фляги, закрутил пробку и пристроил ее на поясе. После чего убрал лопатку в чехол.

— Ну? — спросил застывшего волка. — Доволен?

Серый Брат поднял верхнюю губу, обнажив кончики клыков. То ли улыбнулся, то ли угрожал. Подумав, Антон решил, что все же первое.

— Тогда услуга за услугу. Отведи меня к людям.

Волк к его удивлению тряхнул головой и затрусил по тропе. Антон подобрал автомат, кобуру с АПС и устремился следом. Двигались они споро. Время от времени волк оглядывался, будто укоряя человека за медлительность, и Антон наддавал. Он не заметил, как лес кончился, и они оказались на просторном лугу с копнами сена, как две капли воды похожие на те, что Антон уже видел. Только здесь за копнами стояла деревня. Небольшая, в два десятка домов, которые облепили возвышенность. Было в них что-то неправильное, и Антон не сразу сообразил, что. Но потом понял. Дома стояли слишком близко друг к другу — это раз. На крышах не было шифера. Его заменяло нечто темное — то ли солома, то ли тростник. Это два. И три: холм с деревней опоясывал частокол. Даже с опушки были видны торчащие к небу заостренные концы бревен.

— Это куда ж меня занесло? — сказал Антон и почесал в затылке.

"Там двуногие, — раздался в голове голос. — Будь осторожен, брат! Они злые".

От неожиданности Антон икнул и посмотрел на волка. Тот стоял, глядя на человека в упор.

— Это ты, что ли? — спросил Антон, чувствуя себя дураком.

Волк вновь показал зубы, повернулся и порскнул в лес. "Не фигу себе у них тут дела! — подумал Антон. — Волки с людьми разговаривают". Подумав с минуту, он решил, что ему почудилось. Утомился. День выдался непростой. Сначала бой с дезертирами, затем его перенесло вместе с автомобилем неизвестно куда, а тут еще волк, понимающий речь человека. У любого крыша поедет. Правда, этого выражения Антон не знал, поэтому решил: "Галлюцинация. Вот приду в деревню, объясню людям ситуацию, свяжусь с командованием и отдохну. Хватит с меня на сегодня приключений!"

Он даже не представлял себе, насколько заблуждается...

Частокол Антон элементарно перелез. Обходить его и искать ворота было в лом. Тем более что ограждение оказалось невысоким — Антону до бровей. Для чемпиона КПП и заставы по силовым выходам на турнике — семечки. Антон снял и повесил на один колов автомат и АПС, затем ухватился за острия двух других, подтянулся и легко перебросил тело через ограду. После чего вооружился вновь.

С внутренней стороны частокола имелся вал, по которому бежала натоптанная тропинка. Антон двинулся ей, по пути разглядывая дома. Выглядели они непривычно. Пять-шесть венцов над землей (полуземлянки, что ли?), двускатные, низкие кровли, накрытые потемневшей соломой. Последнюю прижимали к стропилам жерди, привязанные (!) веревками. Стены, выходящие к частоколу, были глухими, но на других Антон рассмотрел маленькие окошки. Рам и стекол в них не наблюдалось. Это что за хрень? Где в Советском Союзе подобное сохранилось? Бабка Антона жила в глухой белорусской деревне, и, будучи школьником, он гостил у нее. Там многое было из прошлого. Самодельный ткацкий станок — "кросны", прялки, светец под лучину, жернова для размола зерна. Летом жители деревни ходили в лаптях. Но не потому, что другой обуви не имелось: в лаптях было удобнее. Бабушка сплела их Антону, и он с удовольствием в них бегал. Но даже в той деревушке дома стояли высокие, крытые шифером или дранкой, а окна имели рамы со стеклами. А здесь что?

Тропинка вывела Антона на улицу — узкую и кривую. Пограничник двинулся ею, рассматривая дома. Стояли они тесно, но в каждом имелись дворы. Их ограждали невысокие плетни. С улицы без труда просматривались входные двери, сделанные из жердей и обтянутые шкурами. Каменный век.

Деревня как вымерла. На улице и во дворах не было видно людей. Бродили куры, в сарайчиках кто-то похрюкивал, а в одном из дворов Антон заметил козу с козлятами. И это все. Куда подевались жители?

Внезапно от дома слева послышался крик. Кричала женщина — истошно, надрывно. Крик оборвался. Антон подошел ближе. Дверь дома распахнулась, из нее вылетела и упала на землю фигура в мешковатом платье. Это была женщина, судя по седым волосам, пожилая. Она завозилась, пытаясь встать. Следом из распахнутой двери вылетела вторая женщина. Эта, как успел разглядеть Антон, была молодой — считай, девочка. Она бросилась к старухе и, причитая: "Бапця! Бапця!", стала ее поднимать. Затем из дома один за другим выбралось двое мужчин. Антон замер. Это были не люди! У существ имелись ноги и руки, одежда, состоявшая из штанов и рубахи, какие-то чуни на ногах и кожаные шлемы на головах. Но сами головы... Представьте жабью морду на человеческом торсе. Добавьте клыки, торчащие из огромного рта. Плюс выпученные глаза и две дырочки вместо носа. А теперь подумайте, к какой из трех существующих на Земле рас можно такое отнести?

В руках жабьеголовые держали короткие копыя с листовидными наконечниками. На поясах висели длинные тесаки в кожаных ножнах. Жабьеголовый, стоявший по левую руку от Антона, указал на старуху наконечником копыя и, повернувшись к напарнику, что-то проклекотал, двинув ребром ладони у своей шеи. Или того, что под его мордой должно быть. В ответ напарник ослабил, открыв рот, полный мелких зубов, и, в свою очередь, проклекотал. Указав на девочку, он сделал неприличный жест обеими руками,

свидетельствующий о его намерениях. В ответ ослабил первый.

Антон нахмурился. Ситуация не вызывала сомнений. Некие неизвестные ему существа собирались совершить насильственные действия в отношении мирных граждан. Как советский человек и пограничник, он не мог пройти мимо. Антон сорвал с плеча АКМС откинул приклад и сдвинул вниз рычаг предохранителя. Затем вскинул оружие к плечу и шагнул во двор.

— Руки вверх!

Появление неизвестного защитника если и смутило жабьеголовых, то на миг. Левый что-то проклекотал правому, затем перехватил копьё поудобнее и двинулся к Антону. По пути он, словно пушинку, отбросил в сторону седую женщину.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул Антон.

В ответ на предупреждение жабьеголовый вскинул копьё. Антон надавил на спуск. АКМС коротко дернулся (Антон опять слишком сильно надавил на предохранитель). Жабьеголовый выронил копьё и ткнулся мордой в землю. Второй, на удивление, ситуацию просек сразу. Отбросив копьё, он метнулся к застывшей девочке и сгреб ее за волосы. Затем выхватил тесак и закрылся заложницей от неожиданного врага, приставив ей лезвие к горлу. Заклекотал что-то угрожающее.

К счастью для Антона он не видел американских боевиков. Поэтому не знал, что в такой ситуации следует положить оружие на землю и сдаться на милость террориста. Который с удовольствием перережет непрошенному защитнику горло. Поэтому Антон тщательнее прицелился и надавил на спуск. Пуля вошла жабьеголовому в глаз. С тыльной стороны его головы вылетел кровавый фонтан, и террорист рухнул на девочку, придавив ее к земле.

Не отнимая приклад от плеча, Антон закрутил головой. Других жабьеголовых поблизости не просматривалось. Об этом свидетельствовало и поведение женщин. Мелкая, выбравшись из-под убитого насильника, подняла старушку, и теперь они в четыре глаза рассматривали неожиданного спасителя. Антон опустил автомат.

Женщины выглядели странно. Обе в мешковатых, длинных платьях, сшитых из явно домотканой материи. Непривычный облик. Обе невысокие, коренастые, с крупными, несколько тяжеловатыми чертами лица. Глаза маленькие, веки с короткими ресницами. Носы — пуговками. Надбровные дуги мощные, лбы низкие, волосы густые. У старухи седые, у мелкой — каштановые. У обоих волосы заплетены в косы. За них, кстати, и хватал мелкую жабьеголовый.

— Что здесь происходит? — спросил Антон.

Выражение лиц женщин показало, что его не поняли. Антон, помедлив, повторил вопрос по-английски, затем по-немецки и по-французски. Ответом было то же выражение.

— Деспре че есте ворба? — произнес Антон.

Молдавский язык поняли. Обе женщины заговорили, наперебой тыча пальцами в поверженных врагов. Их речь была непривычна, но Антон разобрал. На деревню напали некие "зурги", которые, судя по поведению женщин, были теми еще тварями. В этом отношении Антон был с ними солидарен. Старуху зурги собирались убить, а мелкую — изнасиловать, после чего увести в рабство. В доказательство седая плюнула на мертвого зурга, а молодая пнула его сапожком в бок. Ясно.

— Чине сынтець, думнеавоастрэ?^[3] — спросил Антон, указав на самих женщин.

Они переглянулись, после чего мелкая, хлопнув ресницами, произнесла:

— Орки.

Антон завис. Об орках он знал. Ходила по рукам в их группе книга "Властелин колец", привезенная из-за границы отцом одной из студенток. Естественно, на языке оригинала. Студенты читали ее, совершенствуя английский, заодно знакомясь с миром Толкина. Антон осилил роман полностью и хорошо помнил облики созданных писателем рас. Стоявшие перед ним женщины на орков не походили совсем. Скорее на гномов. Орками следовало назвать убитых зургов. Но Антон решил, что разберется позже.

— Каре есте пренумеле, думнеавоастрэ?^[4] — спросил, указав на молодую орчанку.

— Нулорк, — ответила та и потупилась.

— Груорк, — подхватила старуха, ударив себя кулаком в грудь.

— Антон, — представился пограничник.

Женщины вновь переглянулись, и Антон понял, что они ждали нечто другое.

— Еще зурги в деревне есть? — спросил он, указав на труп.

Нулорк закивала, затем указала в сторону рукой и что-то выпалила.

— Веди! — приказал Антон и взял автомат наизготовку. С зургами следовало разобраться до конца.

Нулорк кивнула и метнулась в дом. Обрато явилась, перепоясанная ремешком, на котором болтался нож. Старуха попыталась ее остановить, что-то причитая, но Нулорк решительно тряхнула косами, затем склонилась и подобрала с земли тесак убитого "зурга". "Молодец, девчонка!" — одобрил Антон.

Они вышли из двора и двинулись пыльной улицей. Та поднималась в гору. Нулорк шагала рядом с Антоном, сжимая в правой руке тесак. Как успел заметить Антон, оружие было грубое, выкованное из обычного железа. Зато остро отточенное. Рукоять деревянная. Не успели они миновать пары домов, как впереди послышался крик. Затем показался орк. Он бежал к ним, размахивая зажатым в руке ножом. Следом поспешал зург. В руках жабьеголового было копье, которым он то и дело пытался ткнуть беглецу в спину. Но орк, оглядываясь, уворачивался.

Антон встал на колени и вскинул АКМС к плечу. Подождал, пока орк уйдет с линии огня и нажал на спуск. Треснул выстрел. Зург сунулся мордой в землю и пробороzdил ею дорожку в пыли. Беглец остановился, оглянулся и метнулся к поверженному. Подскочив, с размаху воткнул ему нож в спину — раз, другой...

— Телорк! — окликнула его спутница Антона.

Орк вытер лезвие о рубаху зурга, подхватил его копье и подошел к ним. Теперь Антон смог его рассмотреть. Телорк выглядел пацаном лет четырнадцати, не более. Встав перед ними, он заговорил, тыча рукой назад. Из его путанной речи Антон не понял ничего. Помогла спутница. Она стала переводить, медленно выговаривая слова. Ситуация прояснилась. Молодой орк, как и женщины, прятался в доме. Там его обнаружили двое зургов. Пытались схватить. Телорк ударил одного ножом. Зург упал, парень воспользовался замешательством второго и кинулся наутек. Зурги, несмотря на неуклюжий вид, бегают хорошо. Быть парню убитым, если бы не неожиданная помощь. При этих словах Телорк поклонился Антону.

— Ладно, — кивнул пограничник. — Веди к остальным.

Его не поняли, но тут подключилась Нулорк. Выслушав, юный орк что-то сказал. Быстро, и непонятно.

— Зургов там не менее десяти, — перевела Нулорк. — Они у общинного дома, где

заперлись наши. Зурги пытаются выломать дверь. Телорк видел это перед тем как спрятаться. Сам он к дому не успел, как и мы с бабушкой. Живем на краю, рог не сразу слышали. Телорк говорит, что зурги хорошо вооружены. У них — луки, копья, у некоторых — железные шлемы и рубахи. Мы с ними не справимся.

— Я убил трех, даже не вспотев, — хмыкнул Антон. — Пусть ведет.

Нулорк перевела. Телорк глянул на пограничника с уважением и сделал приглашающий жест. Они втроем поднялись на горку, спустились вниз и двинулись к возвышавшемуся в отдалении большому деревянному зданию. Антон при этом не забывал поглядывать по сторонам. Кто их знает, зургов? Вдруг где шарят по домам? Однако врагов не было. Видимо, главарь шайки, а именно так определил Антон это формирование, выслал для проверки домов две пары разбойников. Значит, личного состава у него не так много, заключил Антон.

К большому дому они пробрались дворами. Так предложил Телорк, и Антон одобрил: противника нужно застать врасплох. Спустя пять минут они были на месте и, прячась за плетнем, познакомились с диспозицией. А она выглядела так. В стороне, на улице, привязанные к забору, стояли лошади. Как понял Антон, на них и приехали зурги. А вот прямо перед Антоном и его спутниками, посреди обширного двора стоял дом, очертаниями и размерами походивший на коровник. Вход в него закрывала тяжелая дверь, которую зурги рубили топорами. Другие, сжимая копья и тесаки, за этим наблюдали. Еще трое с луками держали на прицеле окошко над дверью. Как понял Антон, оно предназначалось для того, чтобы приласкать желающих ворваться в здание чем-нибудь тяжелым. Об этом свидетельствовали и пара камней, валявшихся у входа. Но сейчас в окошке никого не было. Пара стрел, торчащих в стене по его сторонам, объясняли почему. Антон пересчитал количество нападавших. Одиннадцать морд. Среди разбойников выделялся зург в железном шлеме, кольчуге и с мечом в руке. Явно главарь. Он стоял, покрикивая на тех, кто рубил дверь. Похоже, что поторапливал.

Сгоряча Антон едва не полоснул очередью по этой мерзости. Но передумал. Кто-то из лучников мог уцелеть. В исторических книгах Антон читал, что стрела, выпущенная из мощного лука, пробивала доспех рыцаря. Что говорить о пограничнике в "пэша"? Правда, в книгах писали об английских лучниках, но кто их знает, зургов? Вдруг не хуже? Действовать предстояло наверняка. Антон оценил расстояние до противника. Метров двадцать-двадцать пять. Ерунда. Он бросает гранату на пятьдесят.

— Ложитесь! — велел он спутникам.

Телорк попытался возразить, но девчонка дернула его за рукав. Молодые орки залегли за плетнем, при этом посматривая на Антона. Его это не тревожило. Антон повесил автомат на плечо и достал из подсумка обе гранаты. Аккуратно разогнул усики чеки на запалах. Поставил одну гранату на столбик ограды, у второй прижал ладонью рычаг и выдернул кольцо. После чего с размаху зашвырнул РГ-42 во двор с зургами. Затем, не медля, отправил и вторую. После чего плюхнулся на землю рядом с молодыми орками.

Разрывы грохнули один за другим. Дико заржали кони, во дворе кто-то завопил. Антон вскочил и с автоматом наизготовку метнулся к большому дому.

Наш современник, знающий о войне из фильмов, уверен, что гранаты рвутся красиво. Огромная вспышка и разлетающиеся по сторонам тела врагов. На деле все выглядит не так. Сто граммов тротила не в состоянии подбросить в воздух даже одного человека. Большой вспышки тоже нет. А вот дыма, как и осколков, много.

Когда Антон ворвался во двор, дым рассеивался. Зурги валялись на земле, некоторые

пытались встать. Антон пресекал эти попытки короткими очередями — в этот раз переводчик огня он выставил правильно. Крутясь волчком, он замечал малейшее движение, отправляя в ту сторону по три пули калибра 7,62 мм. Стрелял, пока автомат не умолк. Антон сменил магазин, отправив пустой в подсумок, дернул за рычаг затворной рамы и осмотрелся по сторонам.

Живых зургов не было — по крайней мере, на первый взгляд. Пока Антон размышлял, как поступить дальше, во двор ворвались Телорк с девчонкой. Они разошлись и стали обходить тела поверженных зургов. Паренек тыкал в них копьем, а Нулорк деловито пилила глотки тесаком. Судя по воплям, живые среди зургов были. Не долго. От зрелища Антона замутило, но он взял себя в руки. Советский пограничник должен быть стойким.

Покончив с зургами, молодые орки подошли к побитой топорами двери и что-то прокричали. Им ответили. В голосе защитника слышалось недоверие. Телорк с девочкой стали горячо убеждать. Пацан при этом размахивал руками. В окошке над дверью показалась бородастая рожа. Она некоторое время обзревала поле битвы, после чего исчезла. Заскрипела исклеванная ударами топоров дверь, и в проем протиснулась коренастая фигура с ножом в руке. Окинув двор взглядом, орк повернулся и сказал несколько слов тем, кто оставался в доме. После чего стал рассматривать тела зургов.

Из дома высыпала и растеклась по двору толпа. В ней были мужчины, женщины и очень много детей. Они бросились к убитым. Мальчики хватали оружие, которое у них тут же отбирали взрослые, женщины стаскивали с зургов одежду и обувь.

Антон поставил автомат на предохранитель и сложил приклад. Забросил оружие на плечо и отошел в сторону. Его участия более требовалось. Он стоял, размышляя над тем, что произошло. В горячке боя думать было некогда. По всему выходило, что он вляпался в историю. Последствия вряд ли будут добрыми. Расстрелять полтора десятка человек! И пусть это не люди, а какие-то зурги, к тому же охотники на рабов, но приказа на их уничтожение Антон не получал. Самоуправство в СССР не приветствуется. Не ясно, как отреагирует на это командование, хотя догадаться можно. Из кандидатов в члены КПСС его исключат, из комсомола — тоже. Так что о карьере можно забыть. Хорошо, если не посадят. Надо же, как не повезло!

— Думнеавоастрэ!^[5]

Перед Антоном стояла Нулорк с каким-то кряжистым орком в синей рубашке и таком же колпаке. В бороде орка виднелась обширная седина. Темные, почти черные глаза смотрели на Антона с настороженным любопытством. Орк посмотрел на девчонку и что-то длинно произнес.

— Староста Зулорк благодарит тебя, господин, за помощь, оказанную нашему селению, — перевела Нулорк. — Он хочет знать твое имя, дабы вознести за тебя молитвы богам.

— Старшина Ильин, — пожав плечами, ответил Антон.

Глаза у старосты едва не вылезли из орбит.

— Иль? Ин? — задыхающимся голосом переспросил он.

— Ильин, — подтвердил Антон. — Это моя фамилия. А зовут Антон.

— Иль! — завопил Зулорк, бухаясь на колени. В одно мгновение гул голосов во дворе стих. А затем орки, словно горох, посыпались на колени. Антон растерянно посмотрел на Нулорк. Та тоже стояла на коленях, склонив голову к его ногам.

— Ты что? — Антон тронул ее за плечо.

— Прости мне, высокородный, — пролепетала девочка. — Мне сразу следовало понять, что ты иль, и приветствовать надлежащим образом. Но я никогда ранее не видела высокородных, потому и не узнала. Не наказывай меня строго.

— Да что тут у вас, бл...дь, происходит?! — возмутился Антон.

Поскольку спросил он это по-русски, ему не ответили.

Болела голова...

Как часто книги про попаданцев начинаются с этой фразы! В представлении их авторов попасть в другой мир можно лишь в состоянии глубокого наркоза, то есть нажравшись до поросычьего визга. Или до положения риз. Последнее выражение, правда, не в ходу, поскольку непонятно читающей публике. В попаданченском жанре все должно быть просто. Нажрался, стукнулся головой в камень — и ты в другом мире. Вариант: тебе врезали по голове добрые люди. Таковых в нашем Отечестве много, и они всегда рады оказать услугу будущему попаданцу.

В этом отношении Антону не повезло. По голове его не били, и выпить накануне перемещения не удалось. В пограничных войсках сухой закон. Нельзя сказать, что его не нарушают, тем более в Молдавии, где вино пьют вместо воды. А если учесть, что ты служишь на КПП, где работает местное население, которое к тебе по-доброму относится... Молдаване научили Антона разбираться в винах. Он пробовал молодое и выдержанное, "гибрид"^[6] и марочное, даже крепленое. Последнее в Молдавии производят исключительно для себя, поэтому в качестве напитка можно не сомневаться. Разумеется, процесс дегустации проходил втайне от командования и не превращался в пьянку. Да и вино — это не спиртное, а продукт питания. Это вам любой молдаванин подтвердит. А также — француз, итальянец или испанец.

После столь удивительной реакции на представление спасителя орки устроили праздник. Перед этим тела раздетых догола зургов погрузили в телеги и увезли. Кровь на земле и черные пятна от разрывов гранат присыпали песком. Затем из общинного здания вытащили столы и лавки, которые расставили буквой "П". Антона, как почетного гостя, усадили в самом центре перекладки. Он тут же подгреб Нулорк и примостил ее рядом. Девчонка смущалась, уверяя, что ей не по чину почетное место, но Антон это пресек — ему требовался переводчик. Молдавский в деревне, как выяснилось, знала только Нулорк и ее "бапця". Он был, как объяснили Антону, языком "пришлых", некогда живших в этих краях. Нулорк и "бапця" были их потомками. Антон на них удачно вышел.

Гуляла деревня от души. Нападение зургов завершилось для нее удачно. Мало того, что врагов уничтожили, так еще никто не погиб. Одного селянина ранило стрелой — и все. Нулорк заверила, что "бапця" поставит его на ноги. Она у нее знахарка и травница. Так что деревня праздновала. Антону-освободителю поднесли лучшие блюда. Жареную курицу, томленную в горшке свинину, ржаной хлеб, какие-то вареные корнеплоды, вкусом напоминавшие картошку, и разнообразную зелень. При этом староста извинялся, сокрушаясь, что не может угостить высокородного гостя соответственно его статусу. Но по глазам Нулорк Антон понял, что подали ему самое лучшее, а сама девчонка такие деликатесы если и вкушала, то очень редко. Поэтому Антон навалил ей полную миску мяса, велел не стесняться. Уговаривать не пришлось. Набросилась так, что только кости на зубах захрустели. Вторую миску с деликатесами Антон велел отнести Телорку. Как-никак воевали вместе. Паренек засиял и принял угощение с поклоном. Расправившись с едой, он, размахивая руками, стал рассказывать односельчанам о состоявшемся сражении. Звучало оно, как понял Антон, примерно так: "Тут я ему — тыц! А он мне — бах! Я — вжик! А он за мной — скок!..." Затем Телорк вскинул к плечам ладони, свел их в линию и произнес: "Тр-р-

р!". Антон понял, что молодой орк рассказывает о нем, поскольку немедленно поймал восхищенные взгляды селян.

Угощение подавали в глиняных мисках. Вилки не имелось, а ложки были деревянными. Да и теми почти не пользовались — ели руками. Антон — тоже. Каждый орк, включая женщин, носил на поясе нож, которым и разделял угощение. Запивали еду каким-то мутным напитком из ягод. На вкус тот оказался неплох. Кисленький, прохладный — видимо, из погреба достали — он хорошо утолял жажду и пощипывал язык. Градус в нем имелся, что Антон вскоре почувствовал. Придя в благодушное настроение, он подзвал старосту и принялся расспрашивать. Нулорк бойко переводила. И вот тут пограничника ждал облом. Именно так можно было расценить его впечатление от услышанного.

Он находился не в СССР. Староста о такой стране никогда не слышал, что было невероятно. На Земле о Советском Союзе знали даже полярные медведи. Предположение заставившее Антона вздрогнуть, немедленно подтвердилось. Мир, в котором он оказался, носил имя Нимей (слова "планета" орк не знал), а государство — Рум. Во главе его стоял король Архиль. Деревня, которую Антон защитил, звалась Гаць, и находилась она в лофстве Горсей. Это все, что смог поведать староста. Цепляясь за последнюю надежду, Антон расспросил его об окружающем мире. Тут надежда рухнула окончательно. Бой с дезертирами случился весной, в Нимее заканчивалось лето. Названия времен года, конечно, могли быть другими, но что делать с копнами сена, которые видел Антон? Откуда они весной? А встреченный им выводок волчат? Те появляются только летом — это Антон знал от охотников. Он спросил, слышали ли здесь о людях, которые приходят из других миров? Староста ответил, что такое бывало, но очень давно. В подтверждение ткнул в Нулорк, объяснив, что девочка и ее "бапця" — потомки пришлых. Потому и язык их знают. В семьях его хранят, как реликвию. Возвращались ли пришлые обратно в свои миры? Староста сказал: "Нет!", и вновь указал на Нулорк. Пришлые оставались в Нимее. Заводили здесь семьи, рожали детей. К пришлым и их потомкам отношение почтительное. Они много знают и умеют. Иметь такого в селении — великая честь. Особенно, если гость — иль. При этих словах староста встал и поклонился Антону.

Пограничник не стал спрашивать, кто такой этот "иль". На него накатила тоска. Недавняя печаль о карьере, казалась смешным. Будущего у него нет. Он никогда более не увидит отца и сестру, друзей-товарищей. Даже грозное командование, которого он ранее боялся, осталось на Земле. Сейчас Антон готов был сесть на "губу", быть разжалованным в рядовые, исключенным из кандидатов в члены КПСС и ВЛКСМ — лишь бы вернуться домой. Однако приносить эти жертвы было некому.

И он напился...

* * *

Застонав от прихлынувшей боли, Антон сел. В маленькое окошко в стене вливался дневной свет. Антон осмотрелся. Он лежал в остели, прикрытый одеялом из грубой шерсти. Та ощутимо покалывала тело. Сама постель представляла матрас, брошенный на топчан без спинок. Судя по ощущениям, матрас, как и подушку, набили сеном. Рядом с топчаном стояла лавка. На ней, аккуратно сложенная, покоилась форма Антона. Здесь же стояли сапоги с обернутыми вокруг голенищ портянками. Это говорило о том, что разделся Антон сам.

Пограничник стал вспоминать вчерашнее. Сначала он мрачно пил. Заметив его состояние, орки решили развеселить гостя. Стали бить в бубен и танцевать. Получалось у них это, по мнению Антона, плохо. Он вышел в круг и врезал цыганочку с выходом. Танцевать Антон умел — в школьном кружке научили. Орки пришли в восторг: хлопали в ладоши и свистели в дудки. Распалясь, Антон вытащил в круг Нулорк и отжег с ней. Поначалу та смущалась. Но, подбадриваемая сородичей, оттаяла и пустилась в пляс. Получалось у нее это ловко. Антон сплясал с ней русского и полечку. Затем подозвал Телорка и стал учить соратников петь "Сегодня ночью все спокойно на границе..." Слова песни он переводил на молдавский, а Нулорк — на оричьий. Не пошло. Орки многое не понимали. Например: "А на плечах у нас зеленые погоны". Или: "В любой момент ракета может в небо взвиться, в любой момент приказ "В ружье!" разбудит нас". Объяснять было долго. Антон решил не мучиться и предложил спеть "Не плачь девчонка!". Эта песня пошла, пришлось только слегка переделать текст. Скоро вся деревня голосила:

*— Не плачь, орчанка! Пройдут дожди!
Твой орк вернется, ты только жди.
Пускай далеко твой верный друг.
Любовь на свете сильнее разлук!*

В финале Антон разошелся настолько, что спел скабрёзные частушки:

*Манька Ваньку тянет в лес.
Ванька упирается:
В магазине мяса нет,
Хрен не поднимается.
И еще эту:
Все картошка да картошка
И с водою молоко.
От картошки хрен — гармошкой,
И не лезет далеко.*

Здесь следует пояснить, что столь вредные для советской власти песнопения Антон выучил отнюдь не по вражеским "голосам". И даже не в институте, где, как водится в интеллигентной среде, к советской власти относились скептически. Частушкам его научили в рабочей среде. Той самой, которая, по мнению КПСС, была ее надежной опорой. Что, однако, не служило Антону оправданием. Советский человек за границей должен вести себя достойно. И не важно, куда он попал: в капиталистическую страну или фэнтезийный мир. Стыдно!

Осознав это, Антон вздохнул и попытался вспомнить, переводил ли он слова частушек местному населению. Этого не удалось, поскольку вслед за их исполнением в памяти следовал провал. Антон вновь вздохнул — на этот раз громко. В ответ занавесь, ограждавшая его закуток, колыхнулась, и в образовавшемся проеме появилась лукавая мордочка Нулорк.

— Вы проснулись, высокородный Иль?

— Проснулся, — подтвердил Антон и пожаловался: — Голова болит.

— Сейчас!

Лицо исчезло. Скоро Нулорк появилась вновь на этот раз с глиняным кувшином в руках.

— Выпейте, высокородный!

Антон взял кувшин и приник к влаге. Это был рассол! Настоящий, капустный. Видимо такой овощ в этом мире водился. Антон опустошил кувшин и, чувствуя, как затихает боль в висках, вернул его девочке. Та не ушла, застыв в ожидании приказаний.

— Вот что, Нулорк, — начал Антон, чувствуя, как горят уши. — Я там вчера не позволил себе ничего лишнего?

— Что вы, высокородный! — закрутила головой девочка. — Всем так понравилось! Особенно песня про мясо, — она хихикнула. — Если его не есть, то какой прок от орка в постели?

"Значит, слова все же перевел", — уныло понял Антон. Уши запылали.

— А вот про "картошку" не поняли, — продолжила Нулорк. — Но женщины решили, что это тап. Его вы вчера ели. Он урожайный, зимой им спасаются от голода. Но если есть только тап, женщину не захочешь.

Нулорк захихикала. Антон почувствовал себя мерзко.

— Вот что, — сказал решительно. — Принеси мне какую-нибудь ненужную тряпицу.

Нулорк подхватила кувшин и убежала. Антон встал, натянул бриджи и обулся. Куртку надевать не стал, чтоб не испачкаться. В углу, прислоненный к стене, стоял нечищенный АКМС. Позор! Оружие следует обихаживать сразу после стрельбы, Антон об этом забыл. И вообще распустился.

Быстро разобрав автомат, Антон пропустил в прорезь шомпола полоску чистой ткани, макнул ее в оружейное масло и стал чистить канал ствола. Где он взял масло и ткань? В подсумке. Там есть специальный кармашек, в котором у солдата хранится алюминиевый пузырек с маслом и тряпица. К возвращению Нулорк канал ствола сиял. Взяв принесенную ею тряпку, Антон разорвал ее на части и быстро довел другие части автомата до надлежащего состояния. Затем собрал его. Нулорк следила за его действиями, приоткрыв рот.

— Это ваш магический посох, высокородный? — спросила, не удержавшись.

— Просто автомат, — буркнул Антон. — И вот что. Не называй меня высокородным.

— А как?

Антон задумался. По имени? Получится панибратски. Да и девчонка слишком мелкая, чтобы звать его так. Товарищ старшина? Слишком официально. К тому же придется объяснять, кто такой старшина, и почему обращаться к нему надо "товарищ". По имени-отчеству? Смешно.

— Я могу звать вас господином, — пришла на помощь Нулорк.

Антон кивнул. Господин так господин. В западных странах это обычное обращение. В СССР оно не в ходу, но здесь другой мир. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Покончив с автоматом, Антон достал из кобуры АПС и почистил его. Вернее, снял лишнюю смазку. Заодно разобрался с устройством пистолета. Прежде Антону не доводилось держать его в руках — только видеть на плакатах в оружейной комнате. Но разобрался, ничего сложного.

— Это тоже автомат? — полюбопытствовала Нулорк.

— Да, — ответив Антон, решив не пускаться в объяснения. Он пристегнул АПС в

деревянной кобуре и вложил его в руки девчонке. — Прижимай его к плечу и смотри вон туда. Палец клади сюда. Теперь нужно поймать врага в прорезь прицела и потянуть за крючок. Ну!

Сухо щелкнул курок. Патронов в обойме пистолета, естественно, не было. Правила обращения с оружием Антон знал назубок. Взгляд Нулорк, вернувшей ему оружие, был полон обожания. Антон сунул пистолет в кобуру и положил ее на лавку.

— Мне бы умыться, — сказал, глянув на испачканные руки.

— Сейчас! — Нулорк словно вихрем смело.

Вернулась она с деревянной шайкой, кувшином и домотканым полотенцем, переброшенным через плечо. Затем принесла плоску с какой-то серой массой. Щелок. В деревне у бабушки Антон видел такой и умел им пользоваться. Поэтому быстро отмыл руки, ополоснул лицо, вытерся, после чего надел куртку. Застегнул пуговицы и опоясался ремнем. Обвешиваться оружием не стал.

— Там вас староста дожидается, — сообщила Нулорк.

Антон кивнул и отвел рукой занавесь. Спать его уложили в общинном доме, завесив закуток. Сейчас перед глазами Антона была огромная комната, заставленная лавками и столами. У ближнего топтался уже знакомый ему коренастый орк в синей рубахе. Увидев Антона, он низко поклонился.

— Как почивали, высокородный иль?

— Хорошо! — буркнул Антон. — Здравствуй, Зулорк!

Нулорк перевела. Староста улыбнулся, показав желтые зубы.

— Высокородный иль проявил милость, пожелав здоровья бедному орку.

— Вот что, — сказал Антон, — ты эти ужимки брось. Я про высокородного и поклоны. Называй меня господином.

— Как скажете, господин! — кивнул Зулорк. — Желаете завтракать?

— Желаю! — согласился Антон.

Нулорк принесла им миски с капустой, нарезанным салом и хлебом на дощечке. Небогато, но сытно. А сало для пограничника — деликатес. Его ночным нарядам дают, чтоб вы знали. Антон со старостой позавтракали. Причем, по лицу орка было видно, что он доволен оказанной ему честью. Антон хотел усадить и Нулорк, но та ответила, что уже ела. Однако из комнаты не ушла, присев на лавку неподалеку. Из чего Антон сделал вывод, что предстоит разговор. Так и вышло. После того, как Антон запил завтрак ягодным морсом (от спиртного он отказался), староста отряхнул крошки с бороды и хитро глянул на гостя.

— Могу я спросить господина?

— Валяй! — разрешил Антон.

— От зургов осталась богатая добыча. Кони, оружие, обувь, одежда. И вот это, — орк протянул пограничнику кожаный мешочек.

Антон взял, распустил ремешок на горловине и вытряхнул содержимое на стол. На доски упали кусочки металла. Белые, вытянутой формы. Антон взял один. Похоже на серебро. На металле просматривалось какое-то изображение, но разобрать его вследствие потертости не представлялось возможным.

— Деньги?

Орк кивнул.

— Что можно за них купить?

— За это, — орк ткнул пальцем в один кусочек, — трех куриц. За все — дойную корову

или двух телок.

Антон задумался. Не густо. Но деньги пригодятся. В его кошельке имелись советские рубли, но смешно думать, что в Руме они в ходу. А ему здесь жить.

— Это я забираю, — он ссыпал монеты в мешочек. — Остальное раздай жителям. Одежду и обувь — тем, кто нуждается. Оружие — мужчинам. Кони пусть будут в общей собственности.

— Ты щедр, господин! — приложил руку к груди Зулорк. — Благодарю от имени всех жителей. Особенно, за оружие.

— Я заметил вчера, что у вас его мало, — сказал Антон.

— Железо дорогое, — сообщил Зулорк, проводив взглядом исчезнувший в кармане гостя мешочек. — А мы живем бедно.

— Почему? — удивился Антон. — Земли вокруг много. Можно растить урожай, пасти скот. Лес рядом.

— Половину урожая и скота забирает лоф.

— Почему?

— Он защищает нас от зургов.

— Так ведь не защитил! — возмутился Антон.

— Это так, господин! — согласился орк.

— Вот и нечего отдавать!

— Заберет силой.

"Феодал", — понял Антон. В школе он учил историю, поэтому о феодализме знал. В учебниках утверждалось, что феодалы угнетали крестьян, забирая у них последнее. Антону это казалось дикостью. И вот пришлось столкнуться воочию. "Порядки у них!" — мысленно вздохнул Антон.

— Если только господин не возьмет Гаць себе, — внезапно сказал орк.

— Это как? — удивился Антон.

— По законам Рума тот, кто защитил селение от врагов, вправе объявить его своим, — сообщил староста.

— А как посмотрит на это лоф?

— Ему не понравится, — вздохнул староста. — Но высокородный Иль-Ин — сильный маг. Убил пятнадцать зургов.

— Четырнадцать, — уточнил Антон. — Одного зарезал Телорк.

— Пусть четырнадцать, — согласился Зулорк. — Но все равно много. Думаю, что и с воинами лофа господин справится.

— Сколько тех?

— Три десятка.

"Не так много!" — удивился Антон. В его представлении войско феодала выглядело многочисленнее.

— Как вооружены?

— Примерно как зурги. Только у каждого есть броня, копьё и меч. И все на конях.

"Тридцать всадников, — размышлял Антон. — Взвод, вернее, эскадрон. Броня и копьё — ерунда. Для пуль они не помеха. И гранаты ещё есть..." Он задумался. Устраивать войну не хотелось. Бог весть, как к этому отнесется местная власть. А ему здесь жить...

— Вчера господин пел про мясо, — сказал староста. — Мы едим его раз в году. Зимой, когда забиваем свиней и бычков, которые оставил нам лоф. Мясо быстро кончается. В

остальное время едим тап и хлеб. Но их не хватает до лета. Переходим на корешки и траву.

— А лес? — удивился Антон. — Там же есть дичь.

— Лоф запрещает охоту — это его леса. Деревья рубить тоже нельзя. Можно вывозить сухостой, собирать хворост, грибы и ягоды.

Антон вспомнил непривычно чистый лес, которым шел. Так вот кто его подмел! Затем на память пришла ловчая яма с волчатами. Староста явно темнил. Наверняка деревенские украдкой охотятся. Но все равно неправильно.

— Хвороста в лесах мало, — подтвердил его вывод орк. — Поэтому зимой в наших домах холодно, — он помолчал. — Если господин возьмет нас под свою руку, мы построим ему дом. Большой, просторный, в каком надлежит жить высокородному. У него будет все, что он пожелает. Он может взять себе любую женщину. Например, ее, — староста указал на Нулорк.

Та вспыхнула.

— Нулорк — ребенок! — возмутился Антон.

— Шестнадцать весен, — возразил староста. — Самое время выбрать мужа.

— Ты это брось! — нахмурился Антон. — Я сюда не за тем явился, чтобы соблазнять детей. А насчет остального...

Он задумался. Предложение старосты выглядело привлекательным. Он в этом мире чужак. А тут предлагают влиться в местное общество, да еще в привилегированном статусе. Правда, придется повоевать. Но Антон — солдат, который этому обучен. И еще он советский человек. Которому стыдно бросить людей на прихоть феодала.

— Сколько в деревне мужчин? — спросил старосту.

— Двадцать семь.

— Они заняты на работах?

— Сейчас нет. Урожай собрали.

— Пилы и топоры имеются?

— Да, господин! Хочешь приказать построить дом?

— Нет! — покачал головой Антон. — Для начала мне нужно забрать кое-что из леса. Для этого придется рубить просеку. Затем мы укрепим деревню. Сделаем вышку... Я объясню, как.

Он встал. Староста вскочил и поклонился.

— Слушаю твои приказания, мой господин!

Работать орки умели. Антон объяснил, что нужно сделать, мужчины наметили просеку и взялись за пилы и топоры. Работали споро и аккуратно. Сосны срезали у самой земли. С поваленных деревьев обрубали сучья, стволы распиливали на бревнышки. Все это грузили в телеги и отправляли в деревню. В результате оставался чистый проход. Антон только вдохнул, вспомнив захламленные советские лесосеки.

Его помощи не требовалось, и Антон решил погулять. Но, войдя в лес, наткнулся на Серого Брата. Волк встал перед ним, словно материализовавшись из воздуха. Антон не смутился.

— Здравствуй, брат! — сказал дружелюбно. — Ты оказался прав. В селении были злые двуногие. Но я их убил.

"А те?" — волк посмотрел в сторону, где слышался стук топоров.

— Эти хорошие.

"Они не станут разорять мое логово?"

— Я не позволю.

Волк мотнул головой, одобряя.

— Чем я могу тебя отблагодарить?

"Неподалеку пасутся свиньи. Они жирные".

Волк облизнулся.

— Сам не справишься?

"Вожак большой и сильный. У него клыки".

— Веди! — согласился Антон, снимая с плеча автомат.

Волк затрусил впереди. Сосняк вскоре закончился, они вступили в дубраву. В отдалении послышалось хрюканье. Антон загнал патрон в ствол и двинулся за волком. Тот крался, неслышно ступая по редкой траве. Вскоре замер. Антон подошел к толстому дубу и выглянул из-за ствола.

Под деревьями паслось стадо диких свиней. Здоровенный секач, три свиноматки и с десяток полосатых поросят — уже достаточно крупных. Свиньи рыли пяточками землю, разыскивая желуди.

— Тебе которого? — шепотом спросил Антон.

"Самого большого, — раздалось в голове. — Волчата едят много".

— А я возьму себе поросенка, — сообщил Антон.

Серый Брат мотнул головой, будто говоря: "Да хоть двух!". Антон прицелился и нажал спуск. Поросянок рухнул на землю. Свиньи завизжали и вместе с выводками ринулись прочь. Секач остался. Неуклюже ворочаясь всем телом, он стал оглядывать лес, разыскивая обидчика. Антон прицелился ему в лопатку. Отец учил, что диких свиней нельзя стрелять в лоб. Череп у кабанов прочный, пуля может соскользнуть. А вот в лопатку — самое то. Если и не убьешь, то зверь упадет. Добить легко.

Треснул выстрел. Ноги секача подкосились, он сел на зад, затем повалился на бок. В тот же миг к нему метнулась серая тень. Волк впился в горло зверю и сжал пасть. Секач перестал дергаться и застыл. Антон забросил на плечо автомат, подошел к убитому поросенку. Взял того за задние ноги.

— Прощай, Серый Брат!

Волк не отозвался. Расположив резцами живот кабана, он погрузился в него с головой. Антон пожал плечами и отправился в обратный путь. Тащить трофей оказалось тяжело. Поросенок весил килограммов двадцать. Брать его на плечи Антон не хотел, чтобы не пачкать форму. Другой у него не было.

Подумав, он бросил добычу и пошел к лесорубам, вернее, к их женам. Орчанки жгли костры, готовя обед.

— Я убил свинью, — объяснил Антон. — Нужно забрать.

Подскочившая Нулорк перевела. Новость вызвала радостное оживление. Посмотреть на добычу отправилась толпа женщин. Увидев поросенка, они зацокали языками.

— Освежите его и бросьте в котел! — распорядился Антон. — Мужчинам нужно есть мясо.

Повеление встретили довольными возгласами. В четыре руки поросенок был доставлен в лагерь, где вскоре, разделанный, пошел в котел. Антон присел на траву, грызя травинку. Неожиданно перед ним возникла Нулорк.

— Я видела подле тебя волка, господин, — произнесла тихо. — Ты с ним разговаривал.

"Глазастая, — подумал Антон. — И любопытная. Подглядывала".

— Это Серый Брат. У него здесь логово и волчица с волчатами. Серый Брат отвел меня к стаду свиней, где я подстрелил поросенка.

— Ты понимаешь язык зверей?!

— Этого волка — да.

В глазах Нулорк пыхнуло обожание... "Так и рождаются сказки", — подумал Антон. А вслух сказал:

— Пошли обедать!

Орчанки у костров уже сзывали мужчин. Нулорк наверняка послали за ним, а та решила почесать язык. Антону поднесли глиняную миску с кашей. В ней виднелись куски мяса. Антон подцепил один деревянной ложкой и забросил в рот. Вкусно!

Обедая, он посматривал на орков. Было видно, что едят они с удовольствием. Проголодались, да и каша вкусная — с мясом. Обычные люди. Сейчас они не казались Антону странными. Да, выглядят несколько необычно, но назвать их некрасивыми... На земле хуже встречаются. В журнале "Вокруг света" Антон видел фотографии бразильских индейцев, папуасов, бушменов и прочих диких народностей. Те еще красавчики. Что папуасы? На КПП Антон имел возможность лицезреть представителей европейских народов. Потрясением для него стало отличие среднестатистического европейца от образа, знакомого по кино. И француженки оказались не такими красивыми, какими он их представлял, и англичанки с американками. А уж немки с голландками... На их фоне орки смотрелись вполне приятно. Разве что низкорослые. Антон с его 180 сантиметрами выглядел среди них великаном.

По пути к лесу Антон расспросил старосту о набеге. Его удивило, что многочисленные орки не смогли отбиться от полутора десятков зургов. Зулорк и выдал расклад. Во-первых, у селян не было хорошего оружия. Идти с топорами и ножами против копий и луков... Во-вторых, орки не умели оружием владеть. Воин — это профессия, которой долго учат. Где взять на это время? Селянин работает от зари до зари. Поэтому защищались пассивно. В долине, которой зурги ходят в набеги, стоит дозор — подростки на лошадях. Заметив противника, они несутся к селению. По пути трубят в рог. По сигналу пастухи гонят стада в укрытия. Скот — сладкая добыча для зургов. Работающие в поле бегут в деревню.

Закрываются ворота, жители запираются в общинном здании. Оно сложено из толстых стволов и имеет крепкие двери. Пока враги подойдут, преодолеют ворота или частокол, выбьют дверь в общинное здание, пройдет время. Ведь подростки, подавшие сигнал, скачут в замок. Лоф придет на подмогу...

— Но он не пришел, — заметил Антон.

— Да, господин, — вздохнул Нулорк. — Поэтому мы обратились к тебе.

Несмотря на вздох, выглядел староста довольным. Антон подозревал, что дело не в защите. Он расспросил орка. Зурги наведывались в Гаць регулярно. Их земли неподалеку, сходить пограбить соседей сам бог велел. Основную ценность для зургов представляют скот и рабы. Сами они кочевой народ, к возделыванию земли не склонный. А вот хлеб и овощи любят. Поэтому угнанных пленников сажают на землю. Рабы ценятся, а это мощный стимул сходить в набег. Не случись Антона, увели бы селян. Стариков и малых детей при этом убили бы — не нужны. Спросом пользуются молодые рабы.

Услыхав это, Антон скрипнул зубами. Вот твари! Затем вспомнил уроки истории. И у них было. Вспомнить набеги крымчаков... Целый край жил рабовладением, пока Россия не вскрыла этот гнойник.

К вечеру просеку закончили. Антон сел в УАЗ и завел двигатель. Мотор заурчал, окружившие машину орки подались назад. Остались только Нулорк с Телорком. Антон поманил их. Подростки заколебались, но подошли. Антон усадил их на пассажирские места, и тронулся. УАЗ, переваливаясь на низко срубленных пнях, выбрался из леса и покатил к деревне. Ехал Антон медленно, но все равно на лицах подростков читались восторг. Самодвижущаяся повозка, да еще железная! И окна в ней есть...

К деревне они подкатили в сумерках. Антон загнал УАЗ за общинное здание и заглушил двигатель. Вздохнул, подумав, что покатушки кончились. Бензина в баке едва треть. Взять негде.

Антон вытащил из машины ящик с патронами, отнес его в дом. При свете лампы вскрыл второй цинк и пересыпал патроны из пачек в ящик. Расправил обертки, сложил их в стопки и сшил в тетрадь. Где взял иглу? Смешной вопрос. У любого солдата она с собой, причем, минимум две. Одна с белой ниткой — подшивать воротнички, вторая с защитной — залатать прореху или разошедшийся шов. Иголки с нитками Антон хранил в фуражке воткнутыми с обратной стороны околыша.

Приготовив тетрадь, Антон достал ручку. У контролера она входит в снаряжение. Ручка была шариковой, трехцветной, то есть с тремя стержнями, практически новая. Интурист подарил. Правилами запрещено брать, но ведь для дела? Пригодилась. Антон выдвинул красный стержень и вывел на титульной странице: "Словарь".

— Что это, господин? — поинтересовалась Нулорк.

— Тетрадь, — ответил Антон. — Я буду записывать в нее слова орков. Ты будешь меня учить. Согласна?

Щеки Нулорк вспыхнули, и Антон понял, что ответа не требуется...

* * *

Куворк с изумлением смотрел на деревню. Эта была та же Гаць, но (светлые боги!) как изменилась! Посреди селения возвышалось странное сооружение, походившее на башню,

только без стен. Площадку с крышей и оградой вверху поддерживали тонкие бревна, соединенные под углами. Наверх вела длинная лестница. Куворк не видел подобные сооружения, но его назначение оценил сразу. С площадки простреливались подходы к Гацци. Вокруг частокола появился ров, пусть неглубокий, но перелезть трудно. Нужна лестница — большая и тяжелая. Ее требуется сделать, во-вторых, поднести к частоколу. А если в тебя стреляют?

Но более всего поражал подъемный мост, которого не имелось даже в замке. Поднятый, как сейчас, он защищал ворота, подойти к которым мешал ров. Здесь он был шире и глубже. За частоколом по сторонам ворот возвышались помосты, прикрытые забором с бойницами. Можно стрелять из луков и бросать камни. Нападающим придется туго.

Куворк тронул коня и подъехал ближе. В бойницах виднелись лица.

— Эй! — крикнул Куворк. — Мне нужен староста. Позовите!

— Я здесь! — откликнулся голос.

— Что происходит, Зулорк? — Куворк придал лицу суровое выражение. — Я прибыл за податью, а ворота закрыты. Почему? Ты не узнал меня?

— Узнал, — сообщил староста. — Но мы более не принадлежим лофу.

— Это почему? — удивился Куворк.

— Он не защитил нас.

Куворк вполголоса выругался. Ведь говорил же лофу! Когда прискакал гонец, управляющий побежал в зал, где Гайорк пировал с воинами. Сообщил о нападении зургов. Лоф пьяно ухмыльнулся.

— Отсидаются! — сказал, рыгнув. — Общинный дом у них крепкий. Любую осаду выдержит. С чего нам скакать? Не видишь, мы кушаем?

Лоф показал наполовину обгрызенную кость. Воины заржали. Куворк поклонился и вышел. В душе он кипел. Как можно бросить селян в беде? Они тебя кормят. Но кто он такой, чтобы упрекать лофа? Куворк велел накормить гонца и отправить обратно. Передал, что подмоги не будет. Понятно, что в Гацци обиделись. А ему отдуваться.

— Зулорк! — сказал управляющий. — Я понимаю твою обиду. Лоф был занят, поэтому не пришел.

— Ага! — донеслось сверху. — Занят. Жрал и пил со своими воинами. Леня было встать.

"Откуда знает? — удивился Куворк. И тут же понял: — Гонец! Ему рассказали слуги. Плохо".

— Но вы уцелели, — сказал примирительно. — Даже укрепили деревню. Лоф оценит.

— Пусть отправляется к темным богам! — послышалось из бойницы. — У нас теперь другой защитник. Высокородный иль.

Куворк едва не рухнул с коня. Иль? Здесь? На границе с зургами? Ближайший знакомый Куворку иль жил в Оули и являлся наместником короля. Предположить, что тот прибыл в Гацц, нельзя было и во сне.

— Ты обманываешь меня, Зулорк! — сказал Куворк.

— А вот и нет! — раздалось со стены. — Высокородный пришел к нам в деревню, когда зурги ломали дверь в общинное здание. Он убил их, после чего взял нас под защиту. Если бы не он, нас увели в рабство. Поэтому мы не платим более подать лофу. Пусть убирается в зад. А если вздумает напасть на деревню, иль убьет и его.

Куворк почувствовал себя неуютно. Если он повернет назад, жди беды. Лоф его

прибьет. Или выгонит. Неизвестно, что хуже. Гайорк — баран, но жалованье платит. Найти другого хозяина сложно. Особенно, если тебя выгнали.

— Могу я поговорить с высокородным? — спросил Куворк.

— Я спрошу... — начал Зулор, но его перебил звонкий голос: — Можешь, почтенный!

Только вели своим воинам отъехать дальше. В деревню впустим только тебя.

Неизвестный произносил слова медленно, с акцентом. Явно чужак. Староста не соврал. Куворк долго не думал: выбора нет. Он повернулся к охране и отдал приказ. Лица воинов перекошились. После дороги они рассчитывали на обед и выпивку, а тут селяне ставят условия. Поворчав, охрана подчинилась. Заскрипел ворот, и мост медленно пополз вниз. Коснулся земли. В тот же миг приоткрылась створка ворот. Куворк дал коню шенкеля. Он въехал внутрь, и створка за его спиной закрылась. Заскрипел ворот. Двое селян вращали его, налегая на рычаги. Толстая веревка наматывалась на широкое колесо. Мост поднимали опять.

Куворк спешился и сунул повод подошедшему селянину. Пусть обходит коня. Они проскакали десять миль, Орлик устал.

— Я слушаю тебя!

Куворк от удивления застыл: перед ним стоял иль! Высокий, стройный, но очень странно одетый. Короткий камзол, перепоясанный широким ремнем с большой пряжкой из желтого металла. Странные круглые застежки на камзоле. Штаны, заправленные в сапоги из тонкой кожи. На плечах — погоны, но не металлические, прикрывающие от удара мечом, а тряпичные, зеленого цвета. Вдоль погон — широкая желтая лента. Одежда непривычного зеленовато-коричневого цвета. Но более всего удивлял головной убор. Круглая шапка с тонким, блестящим козырьком. Зеленый верх туго натянут, поднимаясь надо лбом. На темно-синем околыше спереди — странный знак: красная пятиконечная звезда в обрамлении золотых листьев. В центре звезды — скрещенные серп и молот. Куворк никогда не видел таких символов. Что они означают?

Управляющий присмотрелся и почувствовал облегчение. Перед ним был не иль. Лицо у незнакомца овальное, нос хоть и прямой, но небольшой. Губы пухлые, как у девушки. Подбородок круглый. У иль лица вытянутые с большими носами, острые подбородки и тонкие губы. Но, главное, глаза! У иль они травяного цвета. У незнакомца были голубые с зеленоватым оттенком. "Полукровка! — догадался Куворк. — Но не с орком — слишком высок. Значит, хумми. Откуда взялся?"

— О чем ты хотел говорить? — спросил незнакомец.

— Прости мне! — поклонился Куворк. — Я не ждал встретить высокородного в этой глуши. Откуда ты прибыл?

— Оттуда! — незнакомец ткнул пальцем в небо.

Куворк ощутил приступ паники: перед ним сумасшедший! Но виду не подал. Сумасшедших нельзя злить.

— Мы могли бы поговорить там? — Куворк указал на общинное здание.

— Идем!

Незнакомец повернулся и пошел к дому. Шагая следом, Куворк разглядывал его спину. На ней висел странный железный предмет, назначения которого управляющий не понимал. Предмет удерживал широкий матерчатый ремень, переброшенный через плечо полукровки. На правом бедре незнакомца, подвешенный на ремешке, болтался деревянный футляр с крышкой. Еще Куворк заметил на ремне хумми матерчатые сумки странного вида. Что в

них? Оружие? Но какое?

Они вошли в дом и сели за стол. Перед этим незнакомец снял с плеч странный предмет и деревянный футляр, положив их на лавку.

— Мое имя Куворк, — сказал управляющий. — А твое?

— Ильин.

— Иль-Ин? — удивился Куворк. — Никогда не слышал такого. Это родовое имя?

— Фамилия отца.

— А матери? — спросил управляющий, опустив непонятное ему "фамилия".

— Петрик. Выйдя замуж, она взяла фамилию отца.

"Полукровка! — утвердился Куворк в своем выводе. — Отец иль взял в жены хумми и ввел ее в род. Интересно, почему? Хотя, что тут думать? Достаточно посмотреть на лицо Иль-Ина. Он очень красив. Наверняка и мать такая. Вот иль и не устоял.

— Ты знаешь язык пришлых? — спросил полукровка.

— Да, — подтвердил Куворк.

— Тогда перейдем на него. Речь орков я знаю плохо.

— Бине^[7], — сказал управляющий. — Скажи, как ты отстоял деревню?

— Когда пришел, зурки рубили дверь в дом. Еще немного, и ворвались бы внутрь.

— Сколько их было?

— Пятнадцать.

— Ты убил их всех?

— Одного зарезал Телорк, остальных — я.

Куворк потер переносицу. Четырнадцать зургов в одиночку? Невероятно! Это под силу магу. Но у хумми нет медальона. Снял? Зачем? Маги никогда этого не делают, разве что ночью.

— Как ты их убил?

— Из автомата, — хумми поднял с лавки железный предмет. — Ну, и пара гранат.

Куворк не понял, но переспрашивать побоялся. Привстал и поклонился.

— Ты сильный маг, высокородный!

— Не называй меня так! — сморщился собеседник. — Не люблю.

"Точно хумми!" — решил управляющий.

— Как мне обращаться?

— В деревне зовут "господин".

— Мой господин — Гайорк.

— Говори "старшина".

— Что это означает?

— Старший над воинами, — хумми коснулся ленты на погоне.

"Так вот, что она означает", — понял Куворк.

— Зачем тебе нищая деревня, Иль-Ин? Ты сильный маг. Такому обрадуются в Оули.

— Меня попросили.

— Тупые орки?

— Они люди! — нахмурился старшина. — Имеют право на достойную жизнь. Они много работают, а твой лоф забирает половину выращенного ими урожая. При этом даже не пытается защитить селян. Скотина!

От неожиданности Куворк не нашел, что ответить. Хумми сказал то, что думал он сам. Именно "скотина". Но что делать?

— Лоф не оставит это без последствий, — произнес твердо. — Придет с войском.

— Пусть! — улыбнулся старшина. — Я убил зургов, даже не вспотев. Убью и лофа с его воинами. Так и передай!

— Я видел твои укрепления. Они могут остановить разбойников, но не мага с войском. Удар Кулака сметет их в миг.

— Какого "кулака"?

"Он не знает! — поразился Куворк. — Значит, не маг. Глупый хумми. Надо объяснить. Не то лоф вырежет деревню".

— Зулорк показывал тебе камни?

— Какие?

"Точно глупый!" — вздохнул Куворк.

— Зови его! Наверняка топчется за дверью.

— Зулорк!

Дверь в дом приоткрылась. В образовавшейся щели возникла бородатая физиономия.

— Неси камни, Зулок! — велел управляющий.

Староста подошел, полез за пазуху и вытащил кожаный мешочек. Кулорк взял его и распустил ремешок на горловине. Затем вытряхнул содержимое на стол. На грубо обтесанные доски посыпались камешки. Небольшие — размером с яйцо голубя и кроваво-красного цвета.

— Вот! — Куворк взял камешек. — В нем Сила. Маг забирает ее из камня и бросает во врага. За один удар Кулак сметает полсотни воинов. Многие не встают. Кулак вынесет ваши ворота вместе с мостом. Разбросает защитников. После чего в деревню ворвутся воины. Что будет после, рассказать?

Хумми взял со стола камешек.

— Он дрожит! — сказал изумленно. — Почему?

"Маг! — поразился Куворк. — Только не обученный. Где ж он рос, если не знает?"

— Ты просто почувствовал его Силу.

— Я же говорил, что он высокородный! — хмыкнул Зулок.

— Где ты взял эти камни? — спросил Ил-Ин.

— Возле деревни — Источник, — опередил старосту управляющий. — Орки добывают там камни и сдают лофу. Это их оброк помимо урожая. А лоф отвозит камни наместнику короля. На этих условиях ему и дали Гонсей. Другого Источника поблизости нет. Если лоф не сдаст камни, Гонсей отберут. Теперь ясно, почему лоф будет драться?

— Почему ты не сказал? — спросил старосту чужак.

Зулорк потупился.

— Рассчитывал продать их сам, — усмехнулся Куворк. — За один камень в канцелярии наместника дают два золотых. За них можно купить трех коней или десять коров. Стадо овец. Здесь... — управляющий подвигал камни по столешнице. — Десять. Ровно столько, сколько должна Гаць. Парочка розовых — они стоят меньше, но все равно можно выручить горсть золотых. Гаць бы разбогатела. Теперь видишь, кого защищаешь? Хитрых орков, которые не сказали тебе главного.

— Я собирался... — начал Зулорк, но управляющий поднял руку, призывая его к молчанию.

— Что скажешь, старшина?

Хумми не ответил. Некоторое время он двигал камни, то прикасаясь к ним, то

отдергивая пальцы. Затем поднял взор.

— С какого расстояния запускают Кулак?

— Сильный маг — с сотни шагов.

— А твой лоф?

— Где-то с пятидесяти. Но если надеешься поразить его стрелой, то зря, — Куворк хмыкнул. — Мага прикрывают щитами. Кулак он отправляет из-за них.

— Вот и хорошо! — Хумми собрал камни, ссыпал их мешочек и сунул в карман. — Слушай меня, Куворк! Гаць более не принадлежит лофу. Если он придет сюда с воинами, то умрет вместе с ними. Так и передай!..

"Точно сумасшедший! — думал Куворк, шагая к воротам. — Погибнет сам и погубит деревню". Странное чувство владело им. То, что он жалел Гаць, понятно. Не так много в лофстве деревень, чтобы терять работников. Удивительно, но и хумми Куворк жалел. В нем было... Где встретишь иля, пусть даже полукровку, который печется о селянах. Таких, если быть честным, Куворк не видел. "Убьют, дурака! — вздохнул управляющий. — И ведь не помочь..."

Странная мысль поразила его. Почему хумми не испугался, когда он рассказал о Кулаке? И спросил про расстояние, с которого его запускают. А что если?.. Нет, не может быть! Куворк даже затряс головой, отгоняя догадку. От Кулака нет спасения. Но мысль не ушла, крепко засев в голове. Если хумми убьет лофа и его воинов... Нет! Не нужно об этом думать!

Куворку подвели коня. Он вскочил в седло и выехал через приоткрытые ворота. Мысль не отстала. "Посмотрим! — решил управляющий. — Сначала сообщу лофу..."

Куворк происходил из богатой семьи. Его отец, высокородный маг, владел землями и замком. Из трех его сыновей двое унаследовали Дар, а вот Куворк — нет. Судьба его ждала незавидная. В королевстве Рум только маги вправе владеть землями, другим — путь в воины или купцы. Но этой участи отец сыну не пожелал. Нанял лучших учителей. К совершеннолетию Куворк знал все существующие в королевстве языки, его историю, законы, отлично писал и считал. Более чем достаточно для хорошего управляющего. Куворк им и стал. Десять лет вел дела Итиля. Старый лоф был доволен. Но он умер, а наследник привез своего управляющего. Пришлось искать место. Не вышло. Сыновей, лишенных Дара, у высокородных хватало. Управляющий в Руме — почетное занятие. Он второе лицо после лофа. К нему обращаются "достопочтенный", на пирах управляющие сидят рядом с высокородными. Служба позволяет им скопить денег. После чего можно купить дом в городе и жить в свое удовольствие. Не удивительно, что знатные орки использовали связи и положение, устраивая сыновей. Но отец у Куворка умер. Старшие братья отмахнулись — стыдились неодаренного. Пришлось ехать в отдаленное пограничье, где лофстве Гонсей нашлось место. Земли здесь были плодородными, селяне — работающими, имелся Источник. Великолепные условия, чтобы сделать край процветающим. Но этому мешал сам лоф — тупая и неграмотная скотина. Он орал на всех, в том числе на управляющего, обдирал селян, пил, жрал и пользовал служанок. В этом ему компанию составляли воины — пировать в одиночку лоф не любил. Доходы от земель он спускал в злых местах. Куворк только зубами скрипел, видя, как собранные им деньги уходят на девок и выпивку. Замку требовался ремонт, слуги ходили в лохмотья, но попытки обратить на это внимание высокородного, кончались одинаково.

— Ты управляющий, вот и займись! — отвечал Гайорк.

— Но вы истратили деньги!

— Ты будешь указывать?! — багровел лоф. — Знай свой место, орк! С высокородным разговариваешь!

И он клал руку на медальон с камнем. Куворк кланялся и уходил. Лоф был в своем праве. У него Дар. Что из того, что лоф не в состоянии прочесть послание от наместника, а считать умеет до ста? Зато создает Кулак и запускает им во врага. Потому и высокородный. А вот Куворку титул не светит, несмотря на все его знания. Его доля — терпеть.

Вот и сейчас он стоял перед разъяренным лофом, выслушивая льющиеся на него оскорбления.

— Глупая курица! Трусливый заяц! У тебя было десять воинов, а ты не сумел привести в чувство обнаглевших баранов! Да им бы и пятерых хватило! Вот кончится лето, поеду в Оули и найду другого управляющего. Мне не нужен трус!..

Куворк тоскливо молчал. С Гайорка станется. Пусть! Сбережения у Куворка есть, если жить скромно, хватит надолго. В тоже время Куворк понимал, что не хочет этого. Ему нравился Гонсей. Красивая земля! Леса, реки, добрые, работающие селяне. Хорошее место, чтобы встретить старость. Если бы не лоф... Куворк ощутил, как поднимается злость.

— Почему ты не наказал этих наглецов, а?

Гайорк упер руки в бока.

— Потому что они правы.

От неожиданности лоф подавился слюной.

— По законам королевства, если господин не сумел оборонить селение, жители вправе выбрать другого. Попытка наказать их подлежит разбирательству у наместника. А он спросит, почему ты не пришел на помощь? Потому что кушал? Что скажет по этому поводу наместник? Как думаешь, высокородный?

— Наместник не узнает, — отмахнулся лоф.

— Если не рассказать.

— Вот как?

Лоф посмотрел на Куворка, и тот прочитал в его глазах приговор.

— Иди! — сказал Гайорк. — Передай воинам, что я хочу с ними поговорить. Расскажут, что видели. На рассвете выступаем к деревне — всей дружиной. Тридцати воинов для нее много, но пусть парни разомнутся. Засиделись, — лоф хохотнул. — Ты едешь с нами. Понял?

— Да, высокородный! — ответил Куворк и вышел. Заглянув в казарму, он передал воинам повеление лофа и вышел во двор. Присел на скамью у крыльца. Значит, завтра. Смерти Куворк не боялся, но было обидно. За что? Добро погибнуть в бою, или от умереть от почтенной старости. Но быть зарезанным по приказу тупой скотины? Завтра... Убивать в замке его не станут — слишком много свидетелей. Потому лоф велел ехать с ними. Что может быть естественней смерти управляющего при штурме селения? Случайная стрела или нож в бок... Наверняка лоф сейчас отдает соответствующее повеление. Воины выполнят его, не задумываясь. Они преданы лофу. Им хорошо в Гонсее. Службой не отягощены, жалованье хорошее. Жри, пей и пользуй служанок. Не жизнь, а мечта. За такое любого зарежут. Дернуло же его спорить! В то же время Куворк понимал, что не мог молчать. Обрыдло. Что делать? Бежать? Не выйдет. Лоф прикажет за ним смотреть — на это у него ума хватит. Значит, смерть?

Внезапно перед взором Куворка возникло лицо странного хумми. Почему тот не испугался нападения? Чувствует за собой силу? Какую? И этот железный артефакт за его спиной... Как его хумми назвал? "Автомат"? "А ведь я не сказал о хумми, — вспомнил Куворк. — Лоф стал орать. И воины пришлого не видели: в Гаць впустили меня одного. Лоф считает: ему будут противостоять селяне. А там хумми, владеющий неизвестной нам магией. Почему он спрашивал, на каком расстоянии запускают Кулак? И ему явно понравился мой ответ. Так..."

Куворк осмотрелся. От сараев замка шла служанка с пустым ведром. Ясное дело — выносила свиньям помой.

— Нилорк! — окликнул ее управляющий. — Подойди.

Служанка подбежала. Усыпанное веснушками лицо выражало внимание. Страх в нем не было. Управляющего слуги не боятся. Он хоть и строг, но не наказывает без нужды.

— Ты родом из Гаць? — спросил Куворк.

— Да, господин, — поклонилась Нилорк.

— Давно видела родителей?

— Давно, господин, — Нилорк вздохнула.

— Ты старательная и послушная, — сказал Куворк. — Даю тебе два дня отдыха — прямо сейчас. Возьми мерина в конюшне и скачи. Конюхам скажешь: я велел. Но молчи, что я отпустил тебя к родным. Не то и другие захотят. Скажешь, что с поручением в Тумс.

Он улыбнулся.

— Спасибо, господин!

Нилорк поцеловала ему руку.

— Но-но! — Куворк погрозил ей пальцем. — Знаешь ведь, что не люблю. Передай старосте: завтра в Гаць прискачет лоф с воинами. Будет к полудню. Пусть организует достойную встречу.

— Поняла, господин!

Нилорк убежала. Собралась она быстро. Куворк видел, как служанка вывела из конюшни мерина, вскочила тому на спину и выехала за ворота. Стража, заигрывая, сделала вид, что не пустит, но Нилорк погрозила им кулаком. Воины заржали и расступились, что-то прокричав служанке вслед. Наверное, пообещали разобраться потом.

Куворк встал и отправился к себе. Надо отдохнуть. Завтра тяжелый день.

* * *

Антон любил и умел стрелять. Неподалеку от КПП находилось стрельбище. Там пограничники совершенствовались навыки и сдавали зачеты. Антона стрелял на "отлично". А вы думали, знаки доблести кому попало дают? Патронов пограничникам выделяли мало — десять штук каждому. На три очереди по три патрона на мишень, плюс один дополнительный как последний шанс. Но Антон был секретарем комсомольской организации, отличником боевой и политической подготовки. Он защищал честь отряда на окружных соревнованиях. Поэтому ему позволяли стрелять вволю. Из автомата, ручного пулемета, даже из снайперской винтовки. Снайпером он не числился, в соревнованиях для них участия не принимал, но командиры на это внимания не обращали. Штатный снайпер заставы показал Антону, как целиться, научил рассчитывать и вводить поправки. Результат вышел неплохой. Разумеется, штатный снайпер стрелял лучше, но и Антон был хорош. У него получалось лучше, чем у офицеров. Сказывались молодость, отличное зрение и твердая рука. Офицеры физической подготовкой себя не утруждали.

Управляющий дал понять: бой будет, и Антон решил подготовиться. Достал из ящика пулемет и снайперскую винтовку, освободил их от консервирующей смазки. Затем выехал в недалекий овраг, где пристрелял оружие. Мишени, сделанные из ветвей и обтянутые рогожей, ставил на расстоянии прямого выстрела. Слова Куворка о пятидесяти шагах его насмешили. Стандартное упражнение пограничника предполагает поражение грудной мишени из автомата на расстоянии ста метров, ростовой — двухсот. При этом последняя еще и движется. Пристрелка показала, что навыки он не растерял — от мишеней только щепки летели. Антон даже опробовал пистолет, хотя применять его не предполагал. Стрелял с руки и пристегивая АПС к прикладу. В первом случае результат вышел никакой, во втором — лучше. Антон дал зарок потренироваться еще, и пристрелку закончил.

За ним наблюдали набежавшие из деревни мальчишки. Прогнать их Антон не смог и, плюнув, велел держаться в отдалении. Те подчинились. После того, как он убрал оружие, мальчишки метнулись в овраг и стали подбирать гильзы. При этом они толкались и пробовали драться. Антон прикрикнул и велел разделить гильзы по-братски. Хватило всем, даже не по одной. Орчата вмиг догадались, на что гильзы годны. Овраг наполнился свистом. Орчата прикладывали гильзу к нижней губе и резко в нее дули. Свист получался глухой, но вполне себе басовитый.

Антон погрузил оружие в повозку и поехал в деревню. Там занялся обустройством

огневой точки. После раздумий он устроил ее на вышке. Возвышаясь над частоколом, та первой попадала под удар Кулака, но Антон помнил про пятьдесят шагов. От ворот вышка отстояла шагов на двадцать — Антон не поленился и промерил. Итого семьдесят. Вряд ли лоф подойдет ближе. Если попытается, Антон не позволит. Старшина слабо представлял себе действие Кулака, селяне этого тоже не знали. Антон решил, что Кулак — это вроде взрывной волны. А та, как известно, ослабевает на расстоянии. На всякий случай Антон попросил втащить на вышку несколько мешков с землей. Их выложили у обращенного к воротам ограждения. Его Кулак может снести, а вот мешки — преграда. Заодно бруствер для упора оружия получился. Антон решил использовать пулемет, но автомат с винтовкой взять. Кто знает, как сложится?

Оборудовав позицию, Антон устроил совещание. На нем присутствовали мужчины. Исключением стала Нулорк, выступавшая в роли переводчицы. Несмотря на способности к языкам, орков Антон понимал неважно, говорил и того хуже. Ну, так времени для изучения языка, считай, не было. Он руководил строительством укреплений: рисовал их на картоне, объяснял, что и как нужно сделать, контролировал. На занятия с Нулорк оставались вечерние часы. К тому времени Антон уставал так, что глаза слипались. Но язык учил. Тот был не сложным, но усилий требовал. Особенно произношение. Орки говорили гортанно, с большим числом звуков "р". Непривычно.

Совещание перешло в перепалку. Молодые орки, получившие оружие зургов, рвались в бой. Селяне постарше выражали сомнение в исходе битвы. Устоять перед магом и тридцатью воинами... Осторожные предлагали собрать все ценное, включая скот, и уйти в лес. Спрятаться там и переждать гнев лофа. Тот одумается: ему нужны подать и камни. Ну, прикажет высечь мужчин и сменит старосту. Не в первый раз. Вытерпят.

В ответ молодые орки обозвали осторожных слизняками. Те их — тупыми волами. Спорщики вскочили и схватились за ножи. В этот миг староста грохнул кулаком по столу.

— А, ну, тихо! Что себе позволяете в присутствии высокородного? Достопочтенный знает, что делать.

Орки посмотрели на Антона. Тот ответил не сразу. Перепалка его расстроила. В фильмах и книгах угнетенные классы дружно восставали против феодалов. А тут полдеревни против.

— Хотите прятаться, мешать не буду, — сказал Антон в наступившей тишине. — Но тогда я уеду. Сяду в повозку и отправлюсь в Оули. Управляющий сказал: там обрадуются. А вы подставляйте зады под палки. Отдавайте лофу половину урожая, голодайте, отбивайтесь от зургов. И в моем мире так было. Землей владели помещики, селяне работали на них, мерзли и голодали, в то время как хозяева купались в роскоши. Но нашлись люди, которые сказали: "Это неправильно! Почему тот, кто работает, ходит в лохмотьях? Почему ему нечего есть, а другие жрут в три горла?" Эти люди научили селян, что делать. Они восстали и прогнали помещиков. Была война, многие погибли, но народ победил. Он создал свое государство, в котором нет разделения по происхождению. Все равны. Сын селянина может выучиться и стать большим человеком. Это приветствуется. Наши руководители — выходцы из простых семей. Мы не знаем голода, сыты и одеты. Страну охраняет войско. Мы настолько сильны, что враги боятся на нас нападать. Со времени последней войны прошло почти тридцать лет. Все эти годы мы живем мирно. Богатеет страна, богатеют люди.

Антон помолчал.

— Из моего оружия можно убить не тридцать, а сотни воинов. В том числе магов. Если

вы не верите мне, то вот... — Антон достал из кармана мешочек с камнями и бросил его на стол. — Отдайте их лофу. Он продаст их наместнику и заберет золото. А я думал купить на него плуги. Чтобы распахать больше земель и получить дополнительный урожай. Еще — племенной скот. Чтобы у вас было мясо и молоко. Чтобы вы были сыты, ходили в доброй одежде и не мерзли зимой. Это дико: жить у леса и иметь дров.

Он обвел взглядом присутствующих. Орки смотрели на него и молчали.

— Сытная жизнь не дается легко. Ее надо завоевать — так, это сделали в моей стране. Со своей стороны могу обещать, что вам не придется идти в бой. Справлюсь сам. Но вы должны поддержать. В моей стране говорят: "Один в поле не воин".

Антон умолк. Орки переглянулись и посмотрели на старосту. Тот встал и прокашлялся.

— Приказывай, господин!..

* * *

На рассвете выехать не получилось. Совещание лофа с воинами перетекло в пьянку. Пока похмельные пробудились, пока привели себя в порядок и позавтракали, Светило встало над горизонтом. Ехали молча. Похмелье не способствовало разговорам, да и дело ждало грязное. Предстоящая расправа воинов не радовала. Одно дело рубить зургов, другое — убивать своих. Куворк ловил на себе хмурые взгляды. Почему-то именно его воины сочли виновником происшедшего.

Управляющий ехал в центре колонны, окруженный со всех сторон. Это укрепило его в подозрении, что приказ отдан. Сознание затопила паника, но управляющий сжал зубы и усилием воли прогнал ее. Чтобы не произошло, он не покажет страх.

Гаць их ждала. Поля стояли пустынными — ни стад, ни работников. Куворк понял, что Нилорк предупредила орков, и ощутил радость. А вот лоф испытывал ровно противоположные чувства. Остановив отряд в сотне шагов от деревни, он с мрачным лицом стал рассматривать укрепления. Затем подозвал Куворка.

— Воины донесли: Гаць взял под защиту высокородный иль. И ты с ним разговаривал. Это так?

— Да, высокородный.

— Почему не сказал?

— Ты не дал мне такой возможности. Стал кричать. Затем прогнал.

— Мог подойти потом, — буркнул Гайорк.

— Ты совещался с воинами. Меня не звал.

— Вот что, Куворк, — сказал лоф. — Вижу, что ты обижен. Я погорячился. Сам знаешь, почему. Но не нужно таить обиду. Согласен?

Речь лофа звучала примиряющее, но Куворк не обольщался на этот счет. Гайор хоть и туп, но скотина хитрая. Расправа последует все равно. Но молчать нельзя — убьют прямо сейчас. Куворк кивнул.

— Расскажи об иле.

— Это хумми, — сказал управляющий.

— Уверен?

— Да, господин. В нем нет черт высокородного.

— Почему орки признали его илем?

— Назвался им.

— Он маг?

— У него нет медальона.

Куворк отвечал односложно, старательно выбирая слова. Врать магу нельзя — тот чувствует ложь. Но и всю правду говорить не обязательно. Ведь так?

— Какое он произвел впечатление?

— Сумасшедший.

— Почему? — сощурился лоф.

— Говорит, что прибыл оттуда, — Куворк показал пальцем в небо.

Лоф хмыкнул.

— Однако этот сумасшедший неплохо постарался, — Гайорк указал на вышку. — Не видел такого.

— Я тоже, — сказал Куворк. — Но это лишь подтверждает мой вывод, что хумми не маг. Тому укрепления не нужны.

— Пожалуй! — согласился лоф. — Ладно. Вижу, что хозяева нам не рады. Никто не вышел встречать, не вынес браги промочить горло с дороги, — последние слова Гайорк произнес явно для воинов. — Придется напомнить о гостеприимстве. Всем спешиться, коней отвести в сторону!

— Выделить коноводов? — спросил десятник.

— Перебросьте поводья через головы, не убегут. Вот он присмотрит, — лоф ткнул пальцем в управляющего. — И еще Седлорк. Он вчера повредил ногу, от хромого при штурме толку мало.

Лоф подмигнул десятнику. "Значит, Седлорк", — понял Куворк. Утром он видел сборы и не заметил, чтобы Седлорк хромал.

Приказ лофа воины выполнили мгновенно. Коней отогнали в сторону и перебросили им поводья через голову. У табуна остались управляющий и Седлорк. Они встали у обочины и стали наблюдать за приготовлениями к штурму. Причем, Седлорк не обращал на управляющего внимания. Было видно, что он не опасается своей жертвы. С чего? Куворк не воин. Он носит на поясе нож, как и все орки, но пользуется им исключительно за столом. С воином ему не справиться. Тем более (так думал Седлорк), жертва не знает о приговоре. Куворк не собирался его разубеждать. Просто встал чуть позади и правее.

Тем временем на дороге выстроился клин. На его острие стоял лоф, прикрытый щитом. Тот держал один из воинов. Его самого прикрывал другой, одновременно закрывая и себя. Чтобы не думал Куворк насчет лофа и его воинов, но дело они знали. Вот и сейчас, повинувшись команде, строй ударил сапогами в землю, и, прикрытый щитами, поблескивая шлемами и наконечниками копий, рушил к деревне.

— Красиво идут! — воскликнул Седлорк. В его голосе звучало восхищение. Сейчас он хотел быть в строю с товарищами. Куворк промолчал. Только опустил ладонь к рукояти ножа.

Клин прополз по дороге с полсотни шагов и встал. На помосте над воротами возник орк.

— Кто это? — удивился воин.

— Староста, — процедил Куворк. — Помолчи! Хочу слышать, что он скажет.

Седлорк глянул неприязненно, но смолк. Куворк прислушался.

— ... Высокородный предупреждает, — кричал староста. — Еще шаг, и он убьет вас

всех. Уходите! Немедленно!

"Все-таки этот хумми глупый! — подумал Куворк. — Зачем предупреждать? Лоф не отступит".

Староста, прокричав слова, исчез со стены. Управляющий увидел, как впереди строя взметнулась вверх рука Гайорка. Лоф отдал команду, и клин двинулся к воротам. И тут будто застучали палкой по дереву — часто-часто. Над ограждением странной башни возник и затрепетал огонек. Строй стал никнуть, как трава под косой. Воины падали, словно поленья, тесно поставленные на торцы и сбитые ловким ударом. Один за другим они валились лицом вперед. Над строем возник и опал кровавый туман. Все произошло так быстро, что никто не успел отбежать в сторону. Последний ряд повалился на тела товарищей, и дорога за ним вскипела фонтанами пыли. Потом и они исчезли. Наступила тишина.

— Что это? — потрясенный Седлорк повернулся к управляющему. Эти слова стали последними в его жизни. Лезвие с ножа с хрустом вошло ему в шею. У Куворка были хорошие учителя. Воспитанника они обучали не только законам. Вырвав нож, Куворк отступил. Кровавый фонтан ударил из шеи воина. Седлорк попытался зажать рану рукой, но кровь брызнула между его пальцев. Воин покачнулся, опустился на колени, затем повалился на бок. Рука, зажимавшая рану, упала. Фонтан превратился в родник, выплескивавший кровь толчками. А скоро и он утих.

— Староста вас предупреждал! — сказал Куворк, как будто убитый мог его слышать. Затем вытер кровь с лезвия о рубаху трупа и сунул клинок в ножны. Выпрямился и посмотрел вперед. У ворот деревни опускался мост. Вот он коснулся земли, отворились створки. Из них вышел хумми со своей странной железкой наперевес. Следом валили вооруженные селяне. Хумми обошел побоище, не сводя с трупов настороженного взгляда. Шедшие следом селяне бесцеремонно ворочали тела воинов, время от времени кто-то из них тыкал в них копьем или бил ножом. Хумми закончил обход, забросил свое непонятное оружие за спину, посмотрел на Куворка и направился к нему. Управляющий поспешил навстречу. Они встретились на половине пути.

— Они не послушались, — хрипло сказал хумми, ткнув пальцем себе за плечо. — А ведь я предупреждал. Спасибо что прислал Нилорк. Она передала твои слова. Я догадался, зачем ты отправил ее в Гаць.

Их стали окружать подходившие селяне. Один из них протянул хумми снятый с лофа медальон на золотой цепи. Антон глянул с удивлением.

— Надень его, старшина! — попросил Куворк.

Антон поколебался, но подчинился.

Куворк опустился на колени. Его примеру последовали окружившие их орки.

— Замок Гонсей ждет тебя, господин! — провозгласил Куворк...

Учиться Антон любил. Прекрасная память, усидчивость и неумная тяга к знаниям позволили ему стать лучшим, как в школе, так и институте. Школу контролеров он окончил в числе первых. Это дало ему возможность выбрать местом службы КПП "Леушены". Во-первых, Антон любил машины. Во-вторых, служить на автомобильном КПП легче и интереснее. Всего-то отделение пограничников, из начальства — майор и его заместитель лейтенант. А вот на железнодорожном КПП в Унгенах офицеров полно, как и пассажиров в вагонах. Пока проверишь паспорта... Автобус тоже не подарок, но их много только в туристический сезон. В другое время прибывает два-три в сутки, да и то с румынами. Те едут в Кишинев затариться барахлом. Обрато везут пылесосы, другую бытовую технику. В Румынии она стоит дорого. Кстати, румын молдаване почему-то не любили, называя их "цыганами". Антона это удивляло. По сути один народ, и язык у них общий. Разница в алфавите. У румын — латиница, у молдаван — кириллица. Язык, к слову, простой, запоминается влет. Корни — латинские. Румын легко поймет итальянца, отчасти — француза. Правда, с грамматикой сложнее.

Антон считал себя образованным человеком, но в Руме выяснилось, что это не так. В этом мире его языки ни к чему. Не нужна история КПСС, марксистско-ленинская философия и научный коммунизм. Каким боком их пристроить к Средневековью? Поэтому предложение управляющего образовать пришельца встретил радостно. Куворк знал много и рассказывал интересно. Антон записывал. Конспект для студента — лучшее средство запомнить. Про экзамены и говорить нечего, хотя сдавать их некому.

Первым делом Антон изучил историю Рума. На лесистых равнинах королевства испокон веков жили орки. Так утверждал Куворк. Многочисленные племена враждовали между собой за земли и выпасы. Вожди, как водится, мерились пискьями. Из-за этого шла резня. Наиболее мудрые из вождей пытались это остановить, предлагая выбрать единого правителя. Не получилось. Каждый из вождей видел себя во главе страны. С этим категорически не соглашались другие. Сколачивались коалиции, шли войны. И тогда наиболее здравомыслящие из вождей решили пригласить короля из-за границы.

К северу от орков жил немногочисленный, но воинственный народ иль. Их гористые земли были скудны и не давали достаточных урожаев. Из-за этого иль повышали свое благосостояние путем грабежа. Пробовали нападать на орков, но получили по зубам. Северяне владели магией, но орков было в разы раз больше. При нападении они забывали о распрях. В результате иль с орками стали торговать. Сбывали им военную добычу — оружие, медь, олово, золото и серебро. Орки металлы добывать не умели. Железо — еще туда-сюда, но прочие... Взамен северные соседи гнали к себе скот, везли кожи, ткани, зерно, мед. Кому первому из вождей пришла в голову мысль звать иль на царство, история умалчивала. Скорее всего, решение было коллективным. С кандидатурой правителя не мудрили. Дружившее с орками племя возглавлял дед нынешнего короля, вождь Кургиль. Его и пригласили.

Кургиль подошел к делу ревностно. Первым делом издал законы и довел их до сведения общественности. Отныне селяне вносили в казну королевства десятую долю урожая и скота. Еще столько же — в пользу местного правителя. Ремесленники — соответствующую часть выручки от продажи произведенных товаров. Остальное оставалось в распоряжении орков. Владеть землями в королевстве мог орк или иль, наделенный магическими способностями,

независимо от происхождения. В этом отношении Кургиль не придумал нового. В землях иль действовали аналогичные правила. Только маг, являясь ударной силой войска, мог защитить племя. Исключение Кургиль сделал для вождей, согласившихся принять его власть. Для них наличия магических способностей не требовалось. А для их детей — уже да. На всей территории королевства провозглашается свободная торговля. Никто не вправе был требовать мзду за проезд по своим землям.

Простым оркам законы понравились. Их собственные вожди забирали половину урожая и скота. Могли и больше, если желание возникло. Управы-то нет. А устранение платы за проезд по землям... Да это же мечта купца! Но часть оркских вождей затаила подлость в душе. Мало того, что подати ограничили, так еще отказали чадам в наследовании отцовских земель. А потеря мыта?^[8] В основе всех войн мира лежит корысть. Не важно, в чем она выражается: захвате земель, торговых преференциях или доступе к полезным ископаемым. Людей во все времена и в любом мире убивают за бабло. Вожди вспомнили, что некогда они били северян, и собрали войско. Только в этот раз их мало кто поддержал. Зато много орков влилось в войско короля.

Две армии встретились на берегу реки Рум. По численности они были равны. Но в первых рядах королевских полков шли маги. Они в два счета вынесли передовые отряды противника. Остальных вырезали принявшие власть Куриля орки. Пленных не щадили. Законы королевства знал? Знал. Восстал, значит, мятежник. Так что получи и не жалуйся. Семьи восставших вождей продали в рабство. Битва на реке Рум поставила точку в создании королевства, заодно дав ему имя. Сами орки за века собственной истории с этим как-то не удосужились.

Все это походило на известную Антону норманнскую теорию. Правда, советскими историками она оспаривалась. Обидно, что править Русью позвали каких-то иностранцев. При этом историки замалчивали тот факт, что после Петра I во главе Российской империи стояли немцы — та же Екатерина II. В институте умный преподаватель объяснил студентам, что ничего зазорного в норманнской теории нет. И в Европе звали на трон чужаков. Если свои не в состоянии договориться, это лучший выход. Чужак примет обычаи государства и будет защищать их, как родные. Такова логика власти.

Кургиль это подтвердил. В Руме не было различий по происхождению. Обладающий Даром орк становился равным такому же илю. Государственным языком стал оркский. Иль считался средством общения знати — как французский среди дворян России. Не знать его — стыдно, но не зная — не пропадешь. Покойный Гайорк, к слову, иль не владел.

А вот Антона ему учили. Пришлось попотеть. Если язык орков давался Антону легко, то с иль были проблемы. В нем имелось так называемое "музыкальное ударение". Одно слово в зависимости от тональности произношения получало разный смысл. На Земле это характерно для японского и китайского языков. Хорошо еще, что до иероглифов иль не додумались. Правда, 48 букв алфавита... В оркском вдвое меньше.

Еще Куворк учил пограничника магии. Как забились сердца любителей фэнтези при этом слове! Кто из них, изнывая в офисе, не мечтал стать магом! После чего запустить файерболом в ненавидимого начальника. Зайти в его кабинет, вытащить из сейфа записку и спустить ту на Канарах. И вообще... Твоя фигура, испорченная гамбургерами и пивом, не привлекает взор девушек? Магия позволит трансформировать жир в пласты мышц, на которые так падки женщины. И никаких изнурительных занятий спортом! А еще можно увеличить мужское достоинство, выгнав его до потрясающих размеров. Гулять так гулять!

Оседлать дракона, уничтожить Темного властелина, стать императором Галактики, получить горы сокровищ и гарем красавиц — все может магия. Так утверждают авторы книг в жанре фэнтези, и читатели им верят.

На планете Нимей с магией обстояло не так. Здесь она подчинялась законам физики. Наделенные Даром аборигены заимствовали Силу из особого рода камней, после чего использовали ее в народном хозяйстве. Например, запускали Кулаком во врага. Как понял Антон, Кулак был вроде артиллерийского снаряда, разве что не давал осколков. Но эффект производил не худший. С помощью Силы можно было перемещать предметы или, скажем, зарастить раны. Последнее применялось редко. Причина проста — дефицит камней. Источников на территории королевства имелось мало, камней не хватало. К тому же расход большой. Красный камень позволял магу запустить два Кулака, розовый — один. После чего камень выбрасывали. Использовали их, как в таких случаях водится, преимущественно в военных целях. Врагов у королевства хватало. С востока — зурги, с севера — племена иль, с запада — государства хумми. Все точили зубы на богатства Рума. Врагов не имелось только на юге — там простирался океан. Камни считались стратегическим товаром. Их сдавали в казну, получая взамен деньги. Продажа другим каралась смертью. Все Источники были на учете. Королевские маги определяли их мощность, владельцу земель доводилась разрядка на размер добычи. Что сверх нее оставалось в личном пользовании. Но с этим худо. Королевские маги дело знали, мощность месторождений определяли точно. Источник в Гонсее, по словам Куворка, был мелкий, к тому же почти выработанный.

По этой причине применять магию Антона учили теоретически. В наследство от лофа ему досталось два камня. Один — в медальоне Гайорка, второй нашли в замке. Камни, добытые в Гади, подлежали сдаче в казну. Антон учился впитывать в себя Силу, формировать из нее Кулак или направлять на исцеление больного, поднимать в воздух предметы и тому подобному. Зачем это нужно, он не понимал. Ведь есть оружие, которым можно покрошить магов. Но Куворк объяснил: стать лофом возможно при наличии магических способностей. Наместник в Оули их проверит, после чего пошлет соответствующий доклад королю. А тот утвердит Антона в должности. При этих словах лицо Куворка становилось задумчивым. Из чего Антон делал вывод, что с назначением не все просто.

Помимо теории в обучении имелась практика, связанная с ведением хозяйства. Для Антона она стала откровением. Он знал, что продукты покупают в магазинах. В деревне у бабушки был огород, но Антон его не возделывал. В армии и того проще: довольствие для солдат привозят со складов. Теперь они объезжали поля, и Куворк объяснял, где и что следует посадить на будущий год. Что выгодней, даст лучший урожай и принесет больший доход. Как грамотно использовать селян. Выкладки управляющего подтверждались примерами. Не успел Антон перебраться в замок, как орки принялись его ремонтировать.

Замок стоял на холме у слияния двух рек. Подход сушей имелся только с одной стороны. Здесь имелись башни (деревянные, как и стены), надвратные укрепления над въездом. Куворк приказал вырыть у ворот ров и сделать подъемный мост. И вот теперь десятки селян махали лопатами, стучали топорами и звенели пилами. Повозки везли из леса бревна. Часть их распиливали на доски.

— Ты говорил, что у нас нет денег, — сказал Куворку Антон. — Чем же мы платим?

— Ничем, — ответил управляющий.

— Как? — изумился Антон.

— Став лофом ты повелел вернуть размер подати в рамки, установленные в королевстве. Ведь так?

Антон кивнул. Сделать это подсказал Куворк, пограничник согласился.

— В результате почти треть урожая селяне оставят для своих нужд. Ты разрешил им брать лес на дрова. Голодать и мерзнуть в эту зиму в Гонсее не будут. В деревнях славят твое имя. Это раз, — Куворк загнул палец. — Второе. Мы кормим работников. Тем самым сберегаем им часть заготовленных припасов. В-третьих, они работают инструментом, выданным из кладовых замка, не изнашивая свой. Так что они в выгоде. Мы — тоже. Во-первых, не тратим ни чешуйки серебра. Продукты на стол работникам идут из их же подати. Во-вторых, инструмент сделали деревенские кузнецы, поставив его в рамках повинности. Везти его на продажу смысла нет — в Оули кузнецы лучше. Так что выгодно всем. В этом и состоит умение хозяйствовать.

Куворк улыбнулся. Антон чувствовал в его словах нечто неправильное, но не смог понять, что. Решил не забивать голову. Селяне довольны — вот и замечательно.

— Раз уж они тут, пусть срубят баню.

— Баню?

Антон объяснил и даже нарисовал. Бань в Гонсее не имелось, из-за чего пограничник испытывал дискомфорт. Банный день для солдата — праздник. Нет, орки мылись. Грели воду в котлах, вливали ее в деревянные бадьи, в которых и плескались. Понятно, что лофу и его управляющему воду грели по первому требованию. Но это не то. Где пар, полук, березовый веник? Какой банный день без них?

Баню срубили в два дня. Печь сложили из камня. Кирпич в Руме производили, но стоил он дорого. Поэтому профессия каменщика здесь соответствовала названию. Трубы не было — вывести ее из камней сложно. Дым выходил в окошко под потолком. Это, впрочем, не сказалось на достоинствах бани. Антон оценил их первым. Поддал пару, полежал на полке, исхлестал себя веником (береза в Нимее росла), окунулся в бадью с холодной водой. С помощью щелока и мочала отмылся до скрипа кожи. После чего оросил это дело пивом с вяленой рыбкой. И то, и другое в замке имелось. Благодать!

Довольный вид молодого лофа привлек внимание управляющего. Антон предложил ему сходить в баню вместе. Куворк согласился. Поначалу орк кряхтел, порываясь выскочить из парной, но Антон это пресек. Отходил управляющего веником, окунул в бадью с холодной водой, увел на второй заход, после чего оба помылись, потеряв спины друг другу.

— И вправду хорошо, — признал Куворк, смакуя пиво. — Словно пять лет скинул.

— Еще баня помогает от болезней, — просветил Антон. — Так что пусть все в замке парятся.

— Пусть! — согласился Куворк.

Оставалось научить баней пользоваться. С мужчинами проблем не было: Антон позвал двух слуг и отходил их веником. Оркам процесс очень понравился, особенно пиво по его завершению. А как быть с женщинами? Они стесняются показаться голыми. Антон почесал в затылке и нашел выход. Из Гази он привез Нулорк. Та пожелала служить лофу. До Нулорк знахарки в замке не было, так что пришлось ко двору. Лечить девушка умела — научилась у бабушки, и Антон просветил. Его мать была врачом. Сын рос в окружении книг и разговоров о медицине. Мать хотела, чтобы Антон пошел по ее стопаи, но сын выбрал иную стезю.

Просвещая Нулорк, Антон рассказывал о строении человеческого тела, используя для показа свое или ее. Нулорк отнеслась к этому с пониманием. Так что Антон пригласил ее

баню, попарил, помыл, научил тереть ему спину, заодно потер ей. Нулорк понравилось.

— Можно я буду мыться с тобой? — спросила лофа.

Антон задумался. Баня не ассоциировалась у него с местом разврата. Но что подумают слуги? Куворк намекал, что женщины в замке готовы услужить господину во всем. Антон эти разговоры пресек. Уподобляться феодалу, заводя гарем... Он советский пограничник. Секретарь комсомольской организации и кандидат в члены партии. К тому же брезглив. Спать с женщинами, которые служили подстилками лофу? Тьфу!

— Нет! — отказал Антон.

— А спину потереть? — не отстала девушка.

— Спину можно, — согласился Антон. — Если нет Куворка.

На том и порешили. К обязанностям знахарки добавилась роль личной банщицы, что высоко подняло Нулорк в глазах слуг. Ей стали кланяться. Антон не обратил на это внимания — не до того. Случилось событие, резко изменившее его судьбу. Однако не будем забегать вперед.

В один из погожих дней осени Антон решил осмотреть Источник. Во-первых, интересно. Во-вторых, надоело торчать в замке и зубрить языки. Куворк не возражал: лоф вправе знать, что есть в его землях. Тем более что ремонт завершен, подать свезли в амбары, а до поездки в Оули есть время.

Выехали вдвоем. Лофу полагалась охрана, но где ее взять? Воины погибли, от селян проку толку. К тому же Антон мог отбиться от небольшого войска. Вьючная лошадь везла пулемет, снайперскую винтовку и боеприпасы. Еду и одеяла — само собой. Вдруг придется заночевать?

Кони шли трусцой. Ездить верхом Антон умел. Школьником он бывал в Ратомке, где имелся конноспортивный комплекс. Спортсменом не стал, но в седле держался. В Руме усовершенствовал навыки. Лоф ездит верхом — этого требует статус. Дорогой Куворк экзаменовал Антона по языкам. Задавал вопросы на орском и иль. Пограничник отвечал. Не всегда уверенно, но в целом правильно. Они преодолели треть пути, как внезапно Куворк умолк. Антон глянул на спутника. Управляющий смотрел вперед, Антон проследил за его взглядом. На дороге стоял волк. Серый, со светлыми ногами и грудью, и темной, почти черной полосой шерсти на хребте.

Почувяв зверя, лошади захрапели и стали беспокойно перебирать ногами.

— Не бойся! — сказал Антон. — Это мой знакомый. Он не причинит нам вреда.

Он спрыгнул с коня и пошел к зверю. Тот стоял, застыв.

— Здравствуй, Серый Брат! — сказал Антон по-русски. — Что, опять?

"Неподалеку пасутся лоси, — раздалось в голове. — Жирные. Волчата выросли, им нужно много мяса".

— А сам что? — поинтересовался Антон.

"У самца большие рога и копыта. Волчата еще не научились охотиться. Не справимся".

— Ладно, — сказал Антон.

Он вернулся к лошадям и вытащил из вьюка СВД. Куворк смотрел на него огромными глазами.

— Я скоро! — сказал Антон и двинул к волку. Тот скакнул с дороги и затрусил впереди.

Они прошли лесом и выбрались на поляну. Сбоку послышалось рычание. Антон повернул голову. У кустов стояла волчица. К ней жалась подросшие волчата. Все четверо вздыбили шерсть на затылках и скалили пасти.

Серый Брат грозно рыкнул в ответ. Волчица с детенышами сиганула в кусты.

— Где? — спросил Антон.

"Впереди", — раздалось в голове.

Антон присмотрелся. На противоположной стороне поляны паслось стадо лосей. До них было метров триста. Один из зверей отличался огромными рогами.

— Этого? — спросил Антон.

"Да, — послышалось в голове. — Если убить другого, вожак не подпустит к добыче. А так они разбегутся".

Антон вскинул винтовку к плечу. Прицел приблизил лосей. Несколько секунд Антон рассматривал вожака стада. Тот, как ни в чем ни бывало, ощипывал листья с деревьев. Красивый! Убивать его не хотелось. Но, с другой стороны, Антон знал: зверья в местных лесах расплодилось много. Прежний лоф запрещал охоту. В результате кабаны уничтожали урожай на полях, лоси съедали заготовленное селянами сено. Отгонять их непросто. Тронуть не могли!

"Серый Брат хитер, — подумал Антон. — Я убил вожака кабанов, пришел черед лосей. Они лишатся защиты. Волк с выводком примется их щипать. С другой стороны звери убивают ровно столько, сколько нужно для пропитания. Это не человек".

Антон вздохнул и нажал на спуск. Треснул выстрел. Лось прыгнул вперед, пошатнулся и стал оседать. Другие брызнули в стороны. В то же миг серая тень метнулась к противоположному краю поляны. За ней устремились остальные волки.

Антон поставил винтовку на предохранитель и забросил на плечо. Он больше не нужен.

Куворк ждал его на прежнем месте. Антон сунул винтовку во вьюк и забрался в седло. Некоторое время они ехали молча.

— Могу я спросить, господин? — не выдержал управляющий.

Антон кивнул.

— Звери говорят с тобой?

— Это волк понимает мою речь, — ответил Антон. — А его ответы я слышу здесь, — он коснулся лба.

— Я не слышал о таком, — сказал управляющий. — В твоём мире все умеют?

— Нет, — покачал головой Антон. — Это появилось здесь.

— Значит, тебя послали боги, — сделал вывод Куворк.

Спорить Антон не стал. Вести здесь антирелигиозную пропаганду... Переубедить искренне верующего человека трудно, если вообще возможно. Это дал понять отец. Ильин-старший провожал сына в армию. Городской военкомат располагался на площади Свободы в двух шагах от кафедрального собора. Стояло утро. К церкви тянулись прихожане.

— Видишь, сколько? — спросил отец.

— Старики! — заметил Антон.

— Ага! — хмыкнул отец. — Сколько им лет?

— Шестьдесят-семьдесят, — прикинул Антон.

— А советской власти?

Антон поплыл.

— Вот так, сын, — вздохнул отец. — Эти люди выросли в СССР. Их с детства учили, что бога нет. Но они верят. На фронте у меня бойцы молились, некоторые даже носили крестики. Мы, командиры, делали вид, что не замечаем. А некоторые и сами... Когда человек каждый день смотрит в глаза смерти, переубедить его трудно. Лучше и не пытаться.

Запомни это и относись с уважением.

К чему отец это сказал, Антон не знал, но совету последовал. На границе у иностранцев отбирали Библии. Их числили идеологически вредной литературой. Иностранцам разрешалось взять по одной Библии, но если книг несколько? И все на русском языке, в котором иностранец ни бум-бум? Так что изымали. Антон этого не любил — он не считал Библию антисоветской литературой. Поэтому вел себя вежливо. В ответ на возмущение иностранцев разводил руками и сообщал, что исполняет приказ. Однажды старик-иностранец протянул ему маленький томик.

— Почитай, солдат!

Антон сунул томик в карман и забыл о нем. Вспомнил вечером, когда изъятая литература оказалась под замком. Начальство ушло, он был в дежурной смене, машин на площадке не имелось. От скуки Антон стал листать томик. Это было Евангелие от Матфея. Антон проглотил его за один присест. От текста веяло мощью. Чеканные, безупречные по красоте фразы несли глубокий смысл. Антону стали понятны темные места в книгах классиков, сюжеты великих картин. Несколько дней после этого он ходил очумелый. Евангелие он, разумеется, сдал, подбросив томик в очередную партию изъятой литературы. Нашли бы у него — прощай карьера. Но текст книги помнил. После перемещения в Нимей приходил на память.

* * *

...Источник выглядел неприглядно. Пятно сине-зеленой земли размером с футбольное поле неподалеку от невысокого холма. Чахлая растительность по краям. Само поле сплошь изрыто. Сине-зеленая земля выбрана до слоя глины. Протекающий рядом ручей практически обвалован земляными кучами. Уныло.

— Землю в корзинах несут к ручью, — пояснил Куворк. — Здесь ее перебирают руками, растирая каждый комок. Ведь в нем может оказаться камень. Затем добычу промывают. Камней в грунте много, но среди них мало красных. Десять мужчин, проработав день, могут не найти и одного.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Антон покачал головой.

— Говорят, что таких местах бились между собой боги, — продолжил Куворк. — Капли пролитой ими крови и стали камнями.

Антон кивнул. Знакомая легенда. На Земле есть похожие. Он спрыгнул на землю и подошел к куче отбракованных камней. Размер ее впечатлял. Высотой куча была Антону до груди, в окружности — метра три. Он присмотрелся. Основу кучи представляли собой камни размером с кулак и меньше, неправильной формы или гладко обкатанные. Преобладающий цвет серый — от светло-пепельного до графитового. Накануне прошел дождь, который омыл камни, и сейчас они выглядели привлекательно чистыми. Антону приглянулся один. Угольно-черный, гладкий, размером со сливу, он поблескивал в лучах полуденного Светила, как антрацит на изломе.

Антон наклонился и взял камешек. И почти сразу выронил.

— Ой!

— Что случилось, господин? — Куворк будто материализовался рядом.

— Он щиплется! — Антон указал на камешек.

— Что?

— Я взял, а он ущипнул меня за пальцы, — совсем по-детски пожаловался Антон.

Куворк мгновение смотрел на него, затем схватил камень и, зажав его между большим и указательным пальцами, посмотрел на Светило. Некоторое время вглядывался, затем протянул Антону.

— Возьми его еще раз, господин!

Антон подчинился. В голосе управляющего звучали странные нотки. Камень вновь ущипнул пограничника за пальцы, затем — за кожу ладони. Держать его было неприятно. Антон перебросил его с ладони на ладонь, как горячую картофелину, затем сунул Куворку.

— Щиплется!

— Господин! — сказал управляющий хриплым голосом. — Ты помнишь, как я учил тебя формировать Кулак?

Антон кивнул.

— Возьми этот камень, впитай его Силу и ударь... — управляющий покрутил головой. — В тот холм.

Куворк смотрел умоляюще. Антон мысленно вздохнул, забрал камень и сжал его в кулаке. Закрыв глаза и заставил себя отрешиться от возникшего неприятного ощущения. Прислушался к себе. От руки с камнем будто шел могучий поток. Он вливался в тело Антона, наполняя его. Старшина внезапно ощутил, более нельзя. Надо дать Силе выход, иначе она разорвет его на куски. Антон открыл глаза и вытянул свободную руку к холму.

В этом не было нужды. Куворк учил его отправлять Кулак движением глаз. Но Антон это благополучно забыл. Сделал, как захотелось. Результат его впечатлил. Над Источником будто пронесся ураган. Пригнулись к земле и брызнули листьями кусты у раскопок. А в вершину холма словно всадили крупнокалиберный снаряд. Она взорвалась, выбросив вверх столб грунта. Когда тот опал, стало видно, что холм уменьшился наполовину.

— Дай!

Куворк буквально выдрал камень из ладони Антона. После чего вновь посмотрел на него через Светило.

— Есть! — сказал восхищенно. — Стал просвечивать. Чуть-чуть, но оттенок красного появился. Понимаешь, господин?

Антон покрутил головой.

— Черный адамант, — Куворк сжал камень в кулаке. — С его помощью можно пустить Кулак много раз, и удар будет сильнее, чем от красного. Ты даже не представляешь, что нашел, господин! Невероятная редкость.

— Так, может, еще есть? — пожал плечами Антон.

Куворк мгновение смотрел на него, затем сунул адамант в сумку и метнулся к куче. Он рыл ее голыми руками, не обращая внимания на царапины и ссадины. Камни так и летели во все стороны. Время от времени раздавался победный клич, и Куворк протягивал Антону добычу. Пограничник брал камешек. Если тот щипался, добыча следовала в сумку, если нет — летела в сторону. Зараженный энтузиазмом спутника, Антон стал помогать. Обнаруженные адаманты уже не помещались сумку, Антон вытащил из вьюка и расстелил на земле одеяло, куда они стали ссыпать добычу.

С кучей разобрались после полудня. Так показали часы. В этом мире продолжительность суток была иной — где-то 23 с половиной часа — Антон специально

засекал. Однако все равно каждое утро заводил "Полет". Часы были дарственными, с гравировкой от командования округа, Антон ими дорожил. Пока Куворк отмывал камни в ручье, Антон отвел лошадей к лужку, ослабил им подпруги, стреножил и пустил пастись. Затем вытащил из снятого вьюка одеяла, расстелил, достал припасы и стал готовить обед. Хотелось есть.

Куворк явился, когда Антон заканчивал нарезать хлеб. Плюхнул рядом свернутое в конверт одеяло, расправил его и демонстративно, чтобы Антон видел, стал считать камни, бережно двигая их исцарапанными пальцами.

— Сорок семь! — объявил, закончив подсчет. И добавил, потрясенно: — Сорок семь адамантов!

— Это много? — поинтересовался Антон, откусив ветчины.

— В сокровищнице короля их три... Господин! — Куворк внезапно встал на колени. — Никому не рассказывай, сколько у нас адамантов. Иначе нас убьют.

— Не буду, — пообещал Антон, прожевав. — Ешь! После обеда поговорим.

Куворк отрешенно кивнул и потянулся к еде. Жевал он без аппетита, механически двигая челюстями. Закончив, отхлебнул из фляги и умоляюще уставился на Антона.

— Говори! — разрешил пограничник и ковырнул ногтем в зубах, доставая застрявший кусочек мяса.

— В Руме не добывают адаманты, — сказал управляющий. — Их привозят издалека и продают за огромные деньги. Даже не знаю, за какие. Но сколько бы не стоили, их покупают. Маг с адамантом стоит десятка других. Его Кулак бьет мощнее и дальше. Ты сам это видел. До холма было не менее трехсот шагов, а ты срыл его наполовину. Находишь на вершине воины, они бы погибли. Поэтому камни берегут. Доступ к ним имеют считанные люди. А тут целых сорок семь! — Куворк восхищенно pokrutil головой. — И всего-то понадобилось разобрать отвал. Маги, которые находят Источники, рассказывают селянам, как искать камни, но далее не следят. Зачем? Камни приметные, не перепутаешь. А вот ты сообразил.

— Я умный, — согласился Антон.

— Да, господин! — Куворк вскочил и поклонился.

— Брось! — Антон хлопнул ладонью по одеялу. — Садись!

Куворк подчинился.

— Что дальше? — спросил Антон.

— Мы не должны рассказывать, как нашли камни.

— Почему?

— Они упадут в цене, и мы не получим желаемое.

— А что мы желаем? — заинтересовался Антон.

— Титул высокородного и лофство Гонсей для тебя. Без камней получить его непросто, — Куворк вздохнул. — Ты хоть и маг, но пришлый. Король их не любит. Но стоит поднести адамант...

— Одного хватит?

— Лучше три, — ответил Куворк, подумав. — Ровно столько, сколько в сокровищнице. Король обрадуется и утвердит титул.

— И для тебя?

Куворк от неожиданности поперхнулся.

— Не говори, что ты этого не желаешь! — усмехнулся Антон. — Я не слепой. По уму

лофом следует быть тебе. Ты умеешь и любишь управлять землями в отличие от меня, — пограничник вздохнул. — Если дать наместнику шесть камней, король сделает тебя высокородным?

— Хватит пяти! — торопливо сказал Куворк.

— Пять так пять, — кивнул Антон. — А деньги? Я обещал селянам скот и плуги. Нужно найти воинов — земли некому охранять. Один не справлюсь. Воинам нужно платить, купить им оружие и обмундирование. Все это стоит денег. Если сдать красные камни, хватит?

— Нет, — ответил Куворк, подумав. — Но можно продать алманты. Думаю, пару.

— Итого семь, — подвел итог Антон. — Остается сорок. Хорошо делится. По двадцать каждому.

— Господин?!

— Добыли вместе, значит, поровну, — Антон встал. — Пора собираться. А то не успеем в замок к ночи.

Он направился к лошадям. Куворк проводил его взглядом. Если б Антон мог его перехватить, то возгордился бы. С таким обожанием на него не смотрели даже влюбленные студентки. Но пограничник стоял к Куворку спиной, поэтому не увидел. И правильно. Потому что не фиг.

Интерполяция вторая

Прокурор закрыл папку и откинулся на спинку стула. Задумался. На первый взгляд следствие проведено добросовестно. Опрошены свидетели, проведены экспертизы, сделаны выводы... Но это так кажется.

Неприятное дело. Два дезертира убили часового и угнали УАЗ с оружием. Хотели прорваться за границу и там "зажить". Идиоты! Это каким нужно быть тупым, чтобы на подобное надеяться? Румыны вернули бы эту парочку в СССР. Здесь бы их судили и расстреляли. И хорошо, если бы так. Удалось бы выяснить, чем занимались командиры этих подонков.

На первый взгляд выводы сделаны. Командир части, замполит и начальник особого отдела сняты с должностей. Их понизят в звании и отправят замаливать грехи к белым медведям. Этим и ограничатся. А следовало бы судить. Сейчас эти разгильдяи юлят, уверяют, что дезертиры были скрытными, никому ничего не говорили. Так мы и поверили! Живя в казарме, невозможно тайно подготовить преступление. Здесь все на виду. Солдат срочной службы не агент разведки. Свои помыслы и устремления скрывает плохо. Дезертиры наверняка вели беседы, делились планами. И чем занимался особист? Пил водку и составлял фиктивные донесения о проведенных мероприятиях? Наверняка. В особых отделах служат офицеры КГБ, не годные к оперативной работе, а также пьяницы и "залетчики". От того и ЧП в Советской Армии множатся. А организация караульной службы в части? Почему часовой подпустил к себе посторонних? В его крови нашли алкоголь. Значит, пил. Скорее всего, с дезертирами. Подошли, предложили, а затем, выбрав момент, зарезали. Наверняка и бутылку, из которой наливали, там же бросили. Только нет той бутылочки, не нашли. Отцы-командиры следы подчистили. И солдат запугали. Те твердят, словно попугаи: "Ничего не видели, ничего не слышали". В результате погиб человек. Отличник боевой и политической подготовки, кандидат в члены КПСС, секретарь комсомольской организации КПП. Вот он-то все сделал правильно. Будучи старшим наряда, организовал проверку местности. Обнаружив УАЗ с оружием, выслал молодого бойца за помощью, а сам остался охранять находку. Когда появились дезертиры, попытался их задержать. У развалин шел бой. Дезертиры, прежде чем их застрелили, выпустили по магазину. Один бросил гранату — у трупы нашли кольцо с чекой. Старшина-пограничник погиб.

Только вот не понятно, как? Следователи не нашли даже фрагментов тела. Что тело? УАЗ, набитый оружием, испарился. И развалин нет. На их месте — монолит из спекшихся кирпичей и камня. Подъезжавший пограничный наряд видел на том месте огненный шар. Откуда тот взялся? Детонация гранат не могла вызвать такой эффект. Их и было-то немного. Следователь высказал предположение: в развалинах прятали взрывчатое вещество. Оно-то, дескать, и сдетонировало от разрыва. Какое вещество, и кто его прятал? Ответов на эти вопросы в материалах нет. Следствие проведено торопливо и не полно. Почему, ясно. ЧП легло черным пятном на Краснознаменный военный округ. О нем хотят скорее забыть.

Что делать? Отправить материалы на доследование? А что это даст? Вину офицеров-разгильдяев в полной мере установить не получится. Те будут стоять на своем — уж больно кислая перспектива их ждет. Установить хозяев взрывчатки? А они есть? Вполне возможно, что переселились на кладбище. Здесь шла война. Хозяйственные молдаване тащили с полей

боев все ценное, в том числе оружие и взрывчатку. В послевоенные годы ее много находили. Сотрудники НКВД обыскивали дома. Вот кто-то и догадался спрятать находку в развалинах. Те, судя по показаниям, пользовались дурной славой. Дескать, давно, когда Бессарабия входила в состав Румынии, здесь пропадали люди. Местные в развалины не ходили. Кто-то воспользовался этим обстоятельством и со временем умер. Лежала себе взрывчатка, пока у развалин не случился бой. Невероятное стечение обстоятельств. Но в жизни и не такое бывает.

Прокурор постучал пальцами по картонной обложке. Имелось еще обстоятельство. В Кишинев приезжал отец погибшего старшины. Его принимали с почетом — таким был приказ. Позвали и прокурора. Старик держался — полковник КГБ... Но было видно, чего ему это стоило. Достойный советский человек вырастил такого же сына, а тот пал от руки подонков. Прокурор знал: в штабе Западного пограничного округа лежит представление на награждение старшины орденом "Боевого Красного Знамени" — посмертно. Его навечно занесут в списки пограничного отряда. В казарме сделают мемориальное спальное место, повесят над ней портрет... Ждут только окончания следствия. Без него представлению не дадут ход. Награда не вернет сына отцу, но тот будет жить, зная, что мальчик пал, как герой. Это поможет пережить горе.

Прокурор открыл папку, достал из внутреннего кармана авторучку, свинтил колпачок, размашисто расписался под словом "Утверждаю" и поставил дату.

К поездке в Оули Куворк отнесся серьезно. Первым делом отправился в недалекий городок и привез оттуда портных, скорняка и сапожника. Молодого лофа следовало принарядить.

К одежде героев авторы фэнтези обычно относятся пренебрежительно. Не голый — и хватит ему. А если герой маг, так вообще без проблем. Щелкнул пальцами или чего-то там сплел — и вот тебе гардеробчик. Полный набор одежд из самых дорогих (естественно!) тканей, к тому же магически обработанных. Они и в огне не горят, и в воде не тонут, а также уверенно противостоят взрыву термоядерной боеголовки. Жаль, что о подобных вещах не знают в министерстве обороны. Там непременно предложили бы магу гарантированный заказ. Увы, не читают генералы фантастику. От того и все беды.

С одеждой у Антона нарисовалась проблема. Оружия ему достался вагон, а вот с остальным... Один комплект формы, обуви и нижнего белья. А ведь белье, простите за натурализм, надо периодически стирать. Оно должно сохнуть. На первых порах Антон выходил из положения, гуляя в форме на голое тело. Хорошо, что портянки нашлись. Не бязь, как у него, но хоть что-то. А вот белье в Руме не носили. Селяне ходили в портах и рубашах. Женщинам бельем служила та же рубаша, только до пят. Знать носила одежду из дорогих тканей, но опять-таки на голое тело. И где, спрашивается, пограничнику взять трусы с майкой? Самые обычные, синего цвета. Да пусть даже розовые в цветочек, но только где?

По просьбе Антона ему сшили трусы. Мало того, что вышло нечто несуразное на завязках (где взять резинку в средневековом мире?), так еще ткань... В лофстве она имелась двух видов — лен и сукно. Изготавливалась вручную.

"Замечательно! — воскликнет эрудированный читатель. — Одежда из натуральных тканей. Ее же приятно носить!"

Счас! Вы льняные скатерти в магазине видели? А теперь представьте, что вам сшили из нее трусы. Сильно обрадуетесь? Вручную изо льна спрясть тонкие нити не получится. Да и волокно для них требуется особое, длинное. Домотканое полотно Средневековья было грубым. Орки к нему привыкли, но Антон — не смог.

Солдат стойко переносит тяготы и лишения военной службы, поэтому Антон терпел. Только матерился, когда грубая ткань и ручные швы натирали бедра с внутренней стороны. На это обратил внимание Куворк. Антон не выдержал и пожаловался. Управляющий кивнул и съездил за портными.

Помимо белья, Антону требовалась верхняя одежда. Его "пэша" мало того, что вызывало недоумение у орков, так еще истрепывалось ударными темпами. Одно дело разгуливать в форме на площадке КПП, другое — лазить по лесам и скакать верхом. Даже отличная ткань производства СССР имеет предел прочности. Не случайно в армии существует такое понятие, как сроки носки. Рядовому и сержантскому составу положен один комплект формы в год. Антон готовился к дембелю, поэтому "пэша" донашивал. В результате на самых уязвимых местах (колени, локти, внутренняя сторона бедер) некогда плотная материя стала походить на марлю.

Портные привезли с собой ткани. Оказалось, что в Руме есть и хлопчатобумажное полотно, и тонкие сукна, и бархат. Их везли из-за границы, поэтому стоили они соответственно, то есть очень дорого. Но Куворк не скупился. Антону пошили два

комплекта белья, до боли напоминавшие солдатские кальсоны и рубахи, и два костюма. Один, повседневный, из сукна, второй, выходной, из бархата. Цвет Антон выбрал синий. Не потому, что любил, а потому что другого не было. Еще ему построили шубу и меховую шапку. Шуба была мехом внутрь, шапка — наружу. Верх шубы скорняк покрыл алым бархатом, из обрезков соорудил подкладку для шапки. Антону цвет резал глаза, но ему объяснили: так нужно. Высокородные так ходят. Дабы простолюдины видели и не забывали кланяться.

Зато в конструировании фасонов пограничник настоял на своем — рассказал и нарисовал. Поэтому белье вышло похожим на солдатское: портные просто не имели представления о другом. Повседневный костюм Антону представлял собой гимнастерку начала XX века с воротом и шаровары. На это пришлось пойти из-за проблем с пуговицами. В Руме их не знали совсем. Использовали булавки, пряжки, завязки. Антон же к пуговицам привык. Поэтому срезал их со своего "пэша" и разделил на две доли. Пуговицы с рукавов пошли на "гимнастерку", большие — на камзол. Тот сшили до колен, зато с карманами. Антону так было привычнее. Мастера, которым он объяснил замысел, поняли его по-своему, и сделали боковые карманы косыми, снабдив их клапанами, отделанными золотой тесьмой. Ею украсили и ворот. В комплекте с армейскими пуговицами вышел шик. Даже Куворк впечатлился.

Обзавелся Антон и сапогами. Его "хромачи" приказали долго жить. Интенсивная носка в полевых условиях их доконала. Сапоги порыжели и стали расходиться по швам. А где взять ваксу в Нимее? Антон попробовал сажу, смешанную со свиным жиром. Сапоги приобрели неопрятный вид и собирали на себя пыль. Местные обувь не красили. При выделке кожа приобретала коричневый цвет, тем и ограничивались.

Антон полюбовался на себя в зеркало, то есть в тонкий лист серебра, отполированный до блеска, и решил, что сойдет. В СССР такой наряд вызвал бы смех, но Союз далеко. Куворк назначил день выезда, и на рассвете осеннего дня они тронулись в путь.

Ехали налегке: Куворк, Антон и несколько повозок с селянами и слугами. Повозки — порожние. Прежний лоф выступал обозом: вез зерно, сыры, мед, полотно, кожи. Гнал скот. Часть отдавал в казну, остальное сбывал в Оули. Но Антон с Куворком решили заплатить подать деньгами, оставив продукты себе. Во-первых, подать с селян стала меньше. Во-вторых, Куворк рассчитывал нанять в Оули воинов, а тех следовало кормить.

Антон с управляющим, в шубах и меховых шапках, ехали впереди. Стояла осень, но по утрам уже подмораживало. Отъехали с милю, как на пути материализовался волк. Как и прежде, встал посреди дороги, глядя на путешественников.

— Обнаглел! — пробурчал Антон, слезая на землю. — Я ему, что, нанялся?

Но волк удивил.

"Я пойду с тобой, брат, — прозвучало в голове, когда Антон подошел к зверю. — Пригожусь".

— А как же волчата? — спросил Антон.

"Они выросли и научились добывать дичь. Ловят зайцев. Те нагуляли жир и перелиняли. Но снега нет, и они хорошо заметны. Ловить легко".

Волк приподнял губу, показав зубы.

— Мы едем в большой город, — сказал Антон. — Там много собак. Тебя затравят.

"Я не пойду в город. Буду поблизости".

— Ладно, — согласился Антон. — Но держись в отдалении. Кони нервничают.

Волк потрянул головой и порскнул в кусты. Антон вернулся к лошади и вскочил в седло.

— Чего хотел волк? — поинтересовался Куворк.

— Сопроводить нас. Обещал быть полезным.

— Лучше сторожа не придумать, — согласился Куворк. — Ты не перестаешь удивлять, господин. Тебе служат даже звери.

"Это еще надо разобраться, кто кому", — подумал Антон, но вслух этого не произнес. Отец учил его не откровенничать попусту. Антон дал коню шенкеля, и привставший обоз тронулся.

* * *

Рексиль разглядывал явившихся к нему посетителей. Верней, одного — Куворка он знал. А вот второй... Гость был одет, как принято в Руме, но все ж по-иному. Синий камзол с непонятными круглыми застежками из желтого металла. На них выдавлены пятиконечные звезды со скрещенными серпами и молотами. Широкий, темно-коричневый кожаный пояс незнакомца украшала массивная бляха из такого же металла и с тем же гербом. Страшно было подумать, что она из золота. На поясе гостя висел странного вида нож в ножнах коричневого цвета и с такой же рукоятью. Через плечо на узком ремешке — странный деревянный футляр. Рексиль затруднился определить, что в нем может быть. Облик гостя выдавал в нем иноземное происхождение. Высок и строен, как иль, но лицом — чистый хумми. Нос, подбородок, губы... Длинные, светлые волосы, ниспадавшие до середины шеи, вьются. У иль они черные и прямые. Да и выражение лица нездешнее. Иль смотрят заносчиво, орки — подобострастно, незнакомец разглядывал наместника с любопытством и без всякого страха. "Наглец!" — раздраженно решил Рексиль.

— Где Гайорк? — спросил отрывисто.

— Убит, — поклонился Куворк.

— Кем?

— Мной, — сказал хумми.

Рексиль задохнулся от гнева.

— Ты посмел!..

— Я объясню, высокородный! — Куворк выскочил вперед. — Сначала позволь представить моего спутника. Его имя — Иль-Ин.

Рексиль на мгновение завис. У высокородных приставка "иль" идет в конце имени и никогда — в начале. Так повелось с давних пор, когда бог Иль-Тек даровал избранному им народу покровительство и разрешил в знак этого добавлять к своим именам "иль". С тех пор никто не осмелился назваться иначе. А этот чужак...

— Это родовое имя моего отца, — сказал наглец. — Я знаю, что для твоего уха, высокородный, это звучит не обычно. Но в моем мире таких фамилий много.

— Мире? — уцепился наместник.

— Достопочтенный Иль-Ин прибыл в Рум из другого мира, — поспешил Куворк. — Того, откуда уже приходили пришлые. Он говорит на их языке.

"Язык", — вспомнил Рексиль. Чужак, как и Куворк, говорил на иль, но произношение выдавало иноземца.

— Как это произошло?

— Шел бой, — ответил Иль-Ин. — Я убил врагов, но один из них успел бросить гранату... Вы называете это Кулаком. Видимо тот угодил в некий магический артефакт близ места, где я стоял. Последовал удар, и меня перенесло. Очнулся я уже здесь.

Рексиль кивнул — чужак говорил правду. Магу соврать нельзя. И ничего необычного в его словах не было. Людей из других миров и прежде забрасывало в эти земли. Правда, случалось это давно и походило на легенду. Но язык пришлых в Руме существовал, и наместник его знал.

— Кем ты был в своем мире? — Рексиль перешел на него.

— Воином, высокородный.

— Всего лишь? — удивился Рексиль.

— Иль-Ин не обычный воин, — вмешался Куворк. — Он был старшим над ними.

— Маг?

Чужак улыбнулся и сунул левую руку куда-то себе в бок. Тяжелая лавка у стены вдруг взмыла в воздух, перевернулась несколько раз и грохнулась обратно.

"В камзоле у него камень, — догадался Рексиль. — Баран! Попусту тратить Силу... Можешь доказать проще".

— Вижу! — сказал вслух. — Так что с лофом?

— Достопочтенный Иль-Ин, оказавшись на землях Рума, отправился искать жителей, — продолжил Куворк, — и выбрал в деревню Гаць. Ту как раз осадили зурги. Они вырубали дверь в здание, где закрылись селяне, когда появился Иль-Ин. Он убил зургов. Всех пятнадцать.

Рексиль вновь кивнул. Пятнадцать зургов для мага — мелочь. Если, конечно, ударить первым.

— А где был Гайорк?

— Пировал в замке с воинами. Когда прискакал гонец, лоф не пожелал встать из-за стола. Не случись Иль-Ина, зурги разорили бы деревню. Увели бы жителей в рабство, забрали скот и урожай. И еще камни, — Куворк сделал паузу. — Их как раз приготовили для лофа.

Рексиль мысленно выругался. Тупая скотина! Его назначили лофом, чтобы он жрал? За пропажу камней Гайорк лишился бы головы, и ее сняли бы по приказу наместника. Но это его право, а не какого-то чужака.

— Дальше! — бросил Рексиль.

— Благодарные селяне попросили Иль-Ина взять их под защиту. Согласно законам Рума...

— Я знаю законы! — перебил наместник.

— Иль-Ин согласился. Это не понравилось лофу. Он собрал воинов и пошел к Гаць. Намеревался убить защитника и всех селян.

— Ты не выдумываешь, орк?!

— Нет, достопочтенный! — поклонился управляющий. — Слышал это собственными ушами. Хочу сказать, что достопочтенный Иль-Ин заранее, через меня, предупредил Гайорка не пытаться отбить Гаць. В противном случае обещал убить лофа. Но Гайорк не стал слушать. Он и его воины подошли к деревне и встали в боевой строй. Лоф возглавил атаку.

— И?

— Иль-Ин сдержал слово. Они умерли.

— Было именно так? — Рексиль вперился в орка.

— Клянусь, высокородный! Видел собственными глазами — лоф взял меня с собой. Меня оставили у коней, поэтому я уцелел. Скажу более. Перед тем как убили лофа, на стену поднялся староста и вновь предупредил Гайорка не приближаться к деревне. Но тот не послушал.

— Иль-Ин убил их одним ударом?

— Да. Он сильный маг.

— Насколько?

— На моих глазах он снес вершину холма с расстояния в триста шагов.

"Делать этому чужаку нечего! — сердито подумал Рексиль. — Так тратить Силу..."

— Прими! — Куворк протянул наместнику мешочек. Рексиль взял, распустил ремешок и высыпал на ладонь камни. Ровно десять. Два розовых, но это допускается. Остальные хорошие. Достаточно крупные и, судя по издаваемой ими дрожи, полны Силой.

Рексиль ссыпал камни в мешочек и сунул за пояс.

— А остальная подать?

— Возьми ее из выкупа за камни.

— Почему? — удивился Рексиль. — У вас неурожай и падеж скота?

— Нет, высокородный. Погибли воины лофа, нужно набрать других. Их требуется кормить. Нужны продукты.

— Гайорку хватало. Еще продавал.

— Он забирал у селян половину урожая. Иль-Ин, заместив лофа, вернул подать к установленным в королевстве размерам. Поэтому зерна и скота в замке меньше.

"Жадная скотина!" — подумал Рексиль о покойном. Он знал о его художествах и писал о них королю. Но там посоветовали разбираться на месте. Ему, что, ехать в лофство и считать урожай? Рексиль понимал, почему так ответили. Владеть землями в пограничье опасно. Магов в королевстве мало. Детей с Даром рождается все меньше. Есть даже указ короля: одаренным заводить семьи только с себе подобными. Только не помогает. Не спешат одаренные жениться. Заводят гаремы, плодят ублюдков, а те к магии неспособны. Вот и назначают лофами таких как Гайорк.

"С его смертью королевство не в убытке, — решил Рексиль. — Был один маг, появился другой. Пусть он хумми, но если Куворк не соврал... А ведь не лжет, я бы почувствовал. Но что скажут в столице?"

— Я сообщу Его Величеству о прискорбном случае, — сказал Рексиль. — Возможно, он утвердит Иль-Ина лофом. Обещать не могу — Архиль не любит чужаков.

Гости переглянулись. Иль-Ин кивнул. Куворк вытащил из-за пояса второй мешочек и протянул его наместнику.

— Это мы приготовили в дар Его Величеству.

Рексиль вытряхнул содержимое мешочка на ладонь. Кожу неприятно защипало. Однако наместник, не чувствуя боли, смотрел на лежащие на ладони камни. Три... четыре... пять... Целых пять! От исходящей от камней силы тело наместника распирало.

— Не стоит держать их в руке долго, — напомнил Куворк. — Опасно. Черные адаманты.

Его слова привели наместника в чувство. Он торопливо закивал и ссыпал камни обратно в мешочек. Зажал его в руке.

— Откуда? — спросил хрипло.

— Камни принадлежат Иль-Ину, — ответил Куворк. И ведь не соврал — наместник это

почувствовал.

— Высокородному Иль-Ину! — поспешил он. — Своей властью я утверждаю его лофом Гонсея! Со всеми присущими этому титулу правами и обязанностями.

Сейчас Рексиль и не такое бы пообещал. Только б чужак не потребовал камни назад.

— А титул моему управляющему? — спросил Иль-Ин. — Куворк родился в благородной семье и вправе претендовать.

Рексиль вновь завис. Объявить чужака высококордным не представляло труда — при таком-то даре? Право на титул маг получает автоматически. Правда, лофом назначает король. Архиль утвердит решение наместника в отношении чужака, но как быть с неодаренным? Уговорить короля трудно. Не захочет нарушить указ деда. Отказать чужаку? Но тогда он заберет камни, и отвезет их к королю сам. Рексилью не видать благосклонности монарха. А оно нужно. Рексиль десять лет правит пограничным краем. Устал, да и в столицу хочется. Там нет зургов с их постоянными набегами, тупых лофов и тягучей провинциальной жизни. Упустить такую возможность?

— Это будет не просто, — признал Рексиль.

— А если мы продадим казне два адаманта? — спросил Иль-Ин. — В дополнение к этим пяти?

Это был удар Кулаком. Антон не имел опыта переговоров. До переноса в Нимей его жизнь не требовала подобного. Но Антон помнил советы отца. Тот учил главный козырь выкладывать последним и приводил пример. По окончании войны майора Ильина отправили в Западную Украину гонять банды националистов. Поначалу не получалось. Националисты в отличие от чекистов знали местность и людей. Помощи населения ждать не следовало — его запугали. И тогда в чью-то светлую голову пришла идея: бороться с националистами с их помощью. Их брали в плен и перевербовывали. Обещали достойное содержание, амнистию и государственные награды СССР. Последнее и стало решающим аргументом. Содержание и амнистию националисты воспринимали благосклонно, но что дальше? Расправятся коммунисты с братьями и отправят помощников в Сибирь. А вот орден или медаль от государства — другое дело. С таким не шутят. На этом ломались почти все. Националисты знали, как относятся в СССР к боевым наградам. Чекисты не обманули. Отличившиеся в боях получили ордена и медали. Жили после, окруженные почетом, аж до распада СССР. Потом... Но это другая история.

— Я отправлюсь к Его Величеству сам, — сказал Рексиль, глотнув воздуха. — Думаю, он не откажет.

— Осталось договориться о цене, — кивнул Иль-Ин.

— Вина! — крикнул Рексиль. — Самого лучшего, хумского.

Торг не затянулся. Обе стороны не знали стоимости камней. Поэтому действовали по наитию. Антон попросил сто золотых за камень, Рексиль предложил пятьдесят. Сошлись на семидесяти пяти. Куворк выглядел ошарашено, и Антон понял, что управляющий поражен.

— 150 золотых, — хмыкнет избалованный читатель. — Все-то?

Ну, да. В жанре фэнтези золотые считают тысячами. Наверное, по аналогии с курсом рубля. В Средневековье драгоценные металлы были редкостью. При Владимире Красное Солнышко за серебряный дирхам, он же ногата, можно было купить воз репы. Про золотую монету и говорить нечего. При Петре I рубленый дом обходился в пять рублей. Во времена Пушкина столько стоила корова — кормилица крестьянской семьи. Что золото? С цветными металлами в Руме было плохо, и Антон это знал. Гильзы, собранные орчатами, их родители

отнесли кузнецу. В ушах орчанок появились серьги из латуни, на пальцах — колечки. После чего девушки из Гацы прослыли богатыми невестами. Антон со своими латунными пуговицами и пряжкой ремня смотрелся богачом.

На 150 золотых в Руме можно было снарядить и содержать в течение года полсотни воинов. Дорого стоили лошади и оружие, но они остались от убитых воинов. Оставалось найти солдат. Этой проблемой гости поделились с наместником.

— Из опытных есть только наемники, — сообщил тот. — Сопровождали караваны, с приходом зимы торговые пути закрылись. Болтаются в городе, пропивают заработанное. Воины они умелые, но я бы не советовал, — Рексиль сморщился. — Дисциплины никакой, слушают только своих командиров. По весне из Гонсея уйдут — купцы платят больше. Лучше взять новобранцев и сделать из них воинов. Желающих полно. На севере неурожай, грядет голод. Родители отправили лишние рты в Оули. Но работы мало, а орков много. Готовы работать за похлебку. Стать воином для них мечта. Лоф кормит и одевает, а землю пахать не надо.

Куворк с Антоном переглянулись.

— Хорошее предложение, — сказал управляющий. — Но понадобится наставник, способный обучить селян.

— А сам лоф? — удивился Рексиль.

— Не умею, — признался Антон. — В моем мире мечами и копьями не воюют.

— А чем?

Антон подтянул деревянную кобуру, извлек из нее АПС и придвинул наместнику.

— Это называется пистолет. В нем двадцать громыхающих стрел. На расстоянии в двести шагов такая убьет воина в доспехах.

Рексиль недоверчиво взял оружие.

— Такой маленький? Я не чувствую в нем магии.

— А ее и нет. В моем мире подобное оружие есть у каждого воина. Но здесь его взять негде, особенно стрелы. Поэтому нужен наставник.

Рексиль задумался. Отдать кого-нибудь из своих? Не хочется. Да и заняты они. Рексиль сам воспользовался ситуацией, набрав новобранцев. Сейчас ветераны их усиленно готовили. За Гонсей можно не волноваться: если в замке есть маг, с зургами справится. К тому же зимой в набеги не ходят.

— Есть в Оули замечательный воин, — сказал Рексиль после паузы. — Великолепно владеет всеми видами оружия. К тому же маг. Только...

— Что? — поторопил Куворк.

— Согласится, если ей предложить адамант.

— Ей? — изумился Иль-Ин.

— Да, — подтвердил наместник. — Люсиль женщина.

До семнадцати лет у Люсиль не было повода роптать на судьбу. Она родилась в знатной семье тысяцкого Бергиля. В раннем детстве у нее обнаружился Дар — необычно сильный. За будущее Люсиль можно было не волноваться: лучшие женихи Рума посчитали бы за честь взять ее замуж. Родители наняли дочери лучших преподавателей. Они обучили Люсиль всему, что следует знать высокородной. Много занимался с ней и отец. Он учил девочку магии и владению оружием. Так повелось издавна. Мужчины иль, уходя в набег, оставляли селения под защитой женщин. Любая из них владела копьем, стреляла из лука и метала дротики. Да и магу такое умение не помешает. Камни иссякнут, как отбиваться от врагов?

Традиция сформировала облик женщин иль. Они росли гибкими, стройными, с сильными руками и ногами. А вот красотой не блистали. Вытянутые лица, длинные носы, тонкие губы... У врагов племени ходила шутка: лучше любить корову, чем такую женщину. Но иль шутки не трогали — они не выдавали дочек за чужаков. Дети в таких браках не наследовали Дар.

В Руме традиции стали ослабевать. Женщины иль более не защищали селения — этим занимались орки. Отцы перестали учить дочерей владению оружием. Но Бергиль придерживался старых обычаев. Люсиль отменно стреляла, в учебных поединках не уступала в мастерстве опытным ветеранам. Ее любимым оружием стали меч и чекан. Она сражалась ими одновременно: меч в левой руке, чекан — в правой. Противник, опасаясь меча, заслонялся щитом, но чекан доставал его сверху. Этому способствовал и рост Люсиль — орки были ей по плечо. О зургах и говорить нечего. Хумми — повыше, но опять-таки не великаны. Сразиться на равных с Люсиль могли только иль, но с ними Рум не воевал.

Бергиль брал дочь в походы. Разумеется, в первый ряд не ставил. Но в схватках Люсиль участвовала. Главным образом, как маг. Матери об этом не рассказывали. Та укоряла мужа: не бережет дочь. У других высокородных они не воюют.

— Они пусть, как хотят, — отвечал Бергиль. — Но моя дочь должна быть воином. Никто не знает, как повернется жизнь.

Тысяцкий как в воду глядел...

Мать умерла, когда Люсиль исполнилось семнадцать. Отец и дочь сильно горевали. Чтобы развеяться, тысяцкий отправился в набег на зургов — те слишком часто тревожили восточную границу. Поход ожидался легким — орки зургов всегда били. В этот раз вышло иначе. Зурги заманили тысячу в засаду, напали со всех сторон. В их рядах оказались маги — необычно много. Войско орков билось отчаянно. Сам тысяцкий и его дочь валили врагов ударами Кулаков. Но тех было слишком много. Камни иссякли. Они кончились и у врага, но остались воины. Пусть не такие умелые, как у Бергиля, зато более многочисленные и злые из-за понесенных потерь. На каждого павшего орка приходилось не менее трех-четырех зургов. Когда пали телохранители, Бергиль с дочерью встали спина к спине. Их окружала гора трупов. Но даже лучшие устают. Отец с дочерью стали пропускать удары. Первое время спасали доспехи. Но вот дротик угодил в шею тысяцкого. Он покачнулся. Люсиль отвлеклась и пропустила удар. Клинок ударил ее в лицо, и она рухнула.

Враги сочли ее мертвой. Меч разрубил Люсиль нос, верхнюю челюсть, щеку. Хлынувшая кровь залила ее до пояса. С такими ранами не выживают. Зурги забрали оружие, содрали с Люсиль доспехи, а тело бросили.

Она непременно бы умерла, если бы не слуги. Во время битвы они остались в обозе, а с началом сражения взобрались на деревья. Зурги их не заметили. Они разграбили обоз, после чего ушли. Слуги видели, как пали тысяцкий и его дочь. В сумерках пробрались к месту гибели господ. Хотели забрать и похоронить их тела. И здесь обнаружилось, что Люсиль дышит. Ее перевязали и унесли. До ближайшего города королевства было два дня пути. Все это время слуги несли Люсиль, ожидая, что она умрет. Но девушка выжила. В городке нашелся маг, который не пожалел камня Силы для спасения дочери тысяцкого. Ему впоследствии за это хорошо заплатили. Люсиль оправилась, встала и вернулась в столицу. Где скоро пожалела, что осталась в живых.

Клинок изуродовал ее. Лицо пересекал широкий, багровый шрам. Отрубленный кончик носа прирос к верхней губе, причем, наискосок. В верхней челюсти не доставало трех зубов. На этом месте губа раздвоилась, и при разговоре во рту виднелся черный провал. Уродина!

Со смертью родителей Люсиль унаследовало их имущество. Дом, земли, селян. Богатая, но никому не нужная невеста. Женихи, увидев ее лицо, вздрагивали и сбегали. Выходя из дома, Люсиль надевала маску. Из-под нее виднелись только лоб и глаза.

Люсиль обратилась к лучшим магам. Ведь Силой можно исцелять. Но маги, увидев ее лицо, разводили руками. Только один сказал:

— Нужен адамант. Срастить перелом и зажить рану хватит обычного камня. Но исправить лицо... — маг покачал головой.

Адаманты имелись в казне. Люсиль отправилась к королю. Ее отец пал за Рум, она едва не погибла — Архиль не откажет. В конце концов, она собиралась адамант купить — за любые деньги.

Архиль выслушал ее, не перебивая. Посмотрел на лицо без маски и дал знак надеть ее снова. Затем спросил:

— Будь у вас в том сражении адамант, вы одолели бы зургов?

— Да! — согласилась Люсиль. — Отец бил бы на подступах, а тех, кто прорвался, смяла бы я. Остальных вырезали бы.

— Но адаманта у вас не было, — заключил король. — Погибла тысяча воинов. Умелых, отлично обученных. Тысяча Бергиля была лучшей в королевстве. В моей казне три адаманта. Ты просишь обменять лицо на жизнь тысячи воинов?

— Хорошо, — сказала Люсиль, помедлив. — Не надо исправлять лицо. Я использую адамант для битвы. Уеду в приграничье, и в сражении с зургами вступлю в бой. У меня к ним счет.

— Нет! — покачал головой король. — Камней слишком мало. Я держу их для особого случая. Если враг приступит с столице и не будет возможности отогнать другим способом. Ты убьешь сотню-другую зургов — и что? С ними можно справиться без адамантов.

Люсиль поклонилась и ушла. Архиль был прав, более того, он косвенно упрекнул ее отца в гибели воинов. Умный тысяцкий не должен попадать в засаду. Но кто ждал, что зурги ее устроят? До сих пор за ними подобного не водилось. И что делать ей?

Подумав, Люсиль уехала из столицы. Жить здесь стало невыносимо. Знакомые ее жалели, а Люсиль этого не любила. Она поручила земли заботам управляющего и перебралась в Оули. С собой взяла нескольких слуг. Купила дом с конюшней и стала готовиться к войне. Зурги не оставят попыток взять пограничье, а у нее к ним должок. Большой и требующей расплаты.

Появление высокородной взволновало город. Люсиль наперебой приглашали в гости,

напрашивались на прием. Она отказала всем. Местное общество ее не привлекало. Побывала только у наместника — обижать высокородного не следовало. Рексиль дружил с ее покойным отцом и был вхож в их дом. Она рассказала наместнику о своей беде, показала лицо. Рексиль впечатлился и пообещал взять ее в поход. Лишний маг в войске да еще со своими камнями не помешает. А камни у Люсиль были.

Жизнь шла по заведенному распорядку. Утро начиналось с конной прогулки. Затем Люсиль завтракала и переходила к тренировкам. Стреляла из лука, метала копья, оттачивала умение владеть мечом и чеканом. В этом ей помогали лучшие воины наместника. В учебных боях Люсиль неизменно побеждала. Воины кланялись и благодарили за науку. Так прошел год, наступил второй. Люсиль исполнилось девятнадцать лет, и она все ждала. Зурги не нападали. Битва с Бергилем встала им дорого. Сил на поход у жабьеголовых не осталось. Они зализывали раны и копили силы. Мелкие отряды тревожили границу, но их отгоняли лофы. Люсиль скучала, и по этой причине злилась.

...В этот день Люсиль метала топорики. Они рассекали воздух и вонзались в щит. На нем Люсиль изобразила углем морду жабьеголового. Удары стерли ее. Исклеванный щит брызгал щепой и грозил развалиться.

— К тебе гости, высокородная! — доложил слуга, уловив момент, когда последний топорик впился в щит.

— Кто? — спросила Люсиль, отирев пот.

— Один из них орк и, судя по одежде, управляющий. Второй высокородный, у него медальон на шее. На иля не похож, на орка — тоже.

— Что им нужно?

— Говорят, от наместника.

— С этого следовало начинать! — упрекнула Люсиль. — Пусть мне подадут умыться и принесут платье.

Слуга умчался. Спустя минуту вокруг хозяйки засуетились орчанки. Они умыли и причесали хозяйку, затем обрядили ее в платье. На тренировках Люсиль носила штаны и рубаху — в платье сражаться неудобно. В завершение служанка повязали ей маску. Их у Люсиль было несколько, разного цвета. Маски шили заодно с платьями. Даже в беде Люсиль оставалась женщиной.

Посетители ждали гостиной. Увидев хозяйку, поклонились. Люсиль подошла ближе. Один из гостей был орком лет тридцати с небольшим. Круглое лицо, брюшко, наметившаяся лысина и аккуратно подстриженная борода. Ничего примечательного. А вот второй... Люсиль почувствовала, как быстро-быстро забилося в груди сердце. Как-то она с подругами — некогда они у нее были — обсуждала достоинства женихов. Любимое занятие девушек, если кто не знает. Перемыв косточки парням, девушки пришли к выводу, что красавцев среди них нет.

— Иль высоки и стройны, — вздохнула одна из подруг, — но не хороши лицом. Среди орков попадаются симпатичные, но они малы ростом и коренастые. Но самые красивые из мужчин хумми. Я видела их купцов.

— Хумми? — сморщились девушки.

— Да! — подтвердила подруга. — На лицо они хороши. К сожалению, ростом не удалась. Вот если бы к телу иля добавить лицо хумми, то вышел бы идеальный жених.

Девушки рассмеялись. Представить такое сочетание было невероятным. И вот теперь Люсиль видела его перед собой. Рослый и стройный как иль хумми с необыкновенно

красивым лицом. Высокий лоб, большие голубые глаза с длинными ресницами, аккуратный, прямой нос, чувственный рот с пухлыми губами и сильный, упрямый подбородок.

От неожиданности Люсиль не ответила на приветствие. В гостиной повисло неловкое молчание. Первым спохватился управляющий.

— Меня зовут Куворк, высокородная, — сказал он. — А это мой господин, новый лоф земли Гонсей высокородный Иль-Ин.

Имя гостя добавила Люсиль смущения. Как и облик гостя, оно было необычным. Люсиль присмотрелась. Гость одет в камзол с необычными, круглыми застежками, на поясе — широкий ремень с массивной пряжкой из желтого металла. Золото? Если так, то хумми очень богат. На поясе гостя висел необычной формы нож, через плечо перекинут странный деревянный футляр на кожаном ремешке. Странное сочетание. Люсиль перевела взгляд на лицо Иль-Ина. Тот смотрел на нее внимательно, но без почтения. Люсиль ощутила приступ раздражения. Чего нужно от нее этому красавчику?

— Что привело вас ко мне?

— Препрежний лоф Гонсея погиб вместе с воинами, — поспешил орк. — Мы набираем новых. Их следует обучить. Наместник рекомендовал тебя, высокородная.

Люсиль еле сдержалась. Она-то думала, что наместник готовит поход, и гости пришли это сказать. А тут какой-то провинциальный лоф вздумал нанять ее наставником. Они не знают, с кем имеют дело?

— С чего вы взяли, что я соглашусь?

Люсиль нахмурила брови.

— Мы знаем о твоей беде, госпожа, — сказал Иль-Ин. — И готовы помочь. Услуга за услугу.

Горло Люсиль сдавил гнев. Провинциальный красавчик вздумал издеваться. Самоуверенный дурак решил, что может шутить...

Она не помнила, как выхватила из ножен кинжал. В следующий миг его кончик коснулся горла гостя.

— Хочешь сказать, что у тебя есть адамант? — прошипела она.

Хумми не испугался. Даже не сглотнул.

— Если ты уберешь нож, высокородная, я его тебе покажу.

Люсиль поколебалась и отступила на шаг. Бросила кинжал в ножны. Иль-Ин сунул руку куда-то в полу камзола, вытащил и протянул ей раскрытую ладонь. На ней поблескивал черный камень величиной с голубиное яйцо. Люсиль прикоснулась к нему. В пальцы будто впились десятки иголок. Она отдернула руку, но исходящую от камня Силу ощутить успела.

— Ты дашь адамант мне?

Голос ее прозвучал хрипло.

— Обещаю, высокородная. Как только воины будут готовы, камень твой.

Люсиль задумалась. Несмотря на возраст, девушкой она была неглупой. "Обещать жениться и жениться не одно и то же", — наставляла ее мать. Красавчику нужна ее помощь, поэтому он щедр на словах. После может и передумать. Например, скажет, что утерять камень. Адамант — слишком большая ценность, чтобы отдать его за работу, с которой справится ветеран. Пообещай ему пять золотых — и тот натаскает воинов. Адамант стоит пятьсот. Люсиль не знала, что в кармане Антона их двадцать. Она представить себе такого не могла.

— Соглашусь, если ты исправишь мое лицо сейчас. Слово высокородной.

Такого ответа Антон не ждал. Ему не нравилась идея нанять женщину. Но Рексиль его убедил. Сказал, что лучшего мастера не найти. Куворк подтвердил: он слышал о тысяцком и его дочери.

— Если Люсиль согласится, у нас будут лучшие воины, — сказал управляющий. — В Руме ей нет равных. Ее обучал первый мечник королевства. Она стоит адаманта, тем более что у нас их много.

Эти слова Куворк произнес наедине. Наместнику о камнях знать не следовало. И вот теперь Антон колебался. Как поступить? Повернуться и уйти? Но где взять инструктора? Своего наместник не дал. Других в Оули не найти. Пригласить наемников? Рексиль не советовал с ними связываться. Исполнить желание вздорной бабы? Но как?

— Я не умею этого, высокородная, — сказал Антон.

— Но ты маг? — Люсиль ткнула пальцем в его медальон.

— Да, высокородная. Я умею обращаться с Кулаком, но не более. Исправлять лица не доводилось.

— Ничего сложного, — сказала Люсиль. — Берешь в левую руку камень, правую подносишь к лицу раненого. Осторожно льешь в него Силу, пока не увидишь, что оно стало походить на мягкую глину. И вот тогда пальцами заглаживаешь шрамы, лепишь нос и рот. Чтобы вырастить зубы, касаешься пальцем дыры во рту и медленно тянешь его к себе. Зубы выйдут следом. Только действуй, соизмеряя Силу. Мне не нужны клыки.

Люсиль знала, что говорила. Мага, обещавшего ей помощь, она расспросила. Но Антон решил соскользнуть.

— Я не видел твоего лица до ранения, — сказал, покачав головой. — Поэтому не смогу сделать его прежним.

— Неважно! — сказала Люсиль. — Мне нужно хоть какое. Смотри!

Она сорвала маску с лица. Антон от неожиданности вздрогнул. Как-то его однокурсник принес в институт книгу. Ее издали в 20-х годах. В книге рассказывалось об ужасах мировой войны. В ней имелись иллюстрации — искалеченные лица солдат. Особо запомнилось одно. У солдата отсутствовала нижняя челюсть. Антон едва не сблевал. У Люсиль челюсть присутствовала, но Антон ощутил нечто подобное. Он посмотрел на Куворка.

— Я помогу тебе, господин, — сказал тот. — Меня учили, как обращаться с Силой. Встану рядом и подскажу.

— Договорились! — заключила Люсиль. — Приступайте!

Она легла на лавку и коснулась ладонью камня на медальоне. В следующий миг рука ее соскользнула и повисла.

— Это что? — испугался Антон.

— Лишила себя сознания, — объяснил Куворк. — Мне приходилось видеть, как маги сращивают кости. Это очень больно. Раненый может умереть. Поэтому их оглушают ударом Силы. Люсиль сделала эта сама, чтобы не трогать адамант. Приступай, господин! У нас мало времени. Оглушение не действует долго.

Антон вздохнул и сжал в левой руке камень...

Последующее он запомнил плохо. Самым трудным было сдержать Силу. Та норовила вырваться и разнести голову девушки в пыль. Если бы не Куворк... Управляющий продемонстрировал хладнокровие, и оно передалось Антону. Скоро он приноровился. Сила стекала с его пальцев и превращала ткани лица в пластилин. Оставалось вылепить из него желаемое. Это было так увлекательно! Ваять живому человеку лицо... Антон помыслить о

таким не мог! Сначала он загладил Люсиль шрам. Затем, по подсказке Куворка, вырастил зубы и заровнял разрубленную челюсть. Потом занялся носом и губами.

Антон имел представление о красоте. Сформировалось оно под воздействием рисунков и фотографий в журналах — советских и иностранных. У каждого времени свой идеал. В 70-е в моду вошли вздернутые носы, маленькие рты с пухлыми губками и острые подбородки. Эдакая девочка-сорванец. И вот сейчас Антон такое лицо лепил. Он так увлекся, что забыл о времени. На его плечо легла рука Куворка.

— Достаточно, господин!

Антон распрямылся и отступил на шаг. Мгновение любовался на творение своих рук. Ощутил, что адамант перестал щипать ладонь. Антон разжал кулак. Черный камень стал бледно-розовым.

— Ты великий маг, господин! — воскликнул Куворк. — Так точно распределить Силу.

У Антона было мнение на сей счет, но высказаться он не успел. Девушка шевельнулась и застонала. Они, не сговариваясь, повернулись к ней. Люсиль открыла глаза. Взгляд их был мутен.

— Все прошло хорошо! — поспешил управляющий. — Мой господин исполнил твоё пожелание.

— Больно! — прошептала Люсиль.

— Возьми! — Куворк забрал у Антона ставший розовым адамант и вложил его в ладонь девушки. — Его Силы хватит, чтобы снять боль.

Люсиль благодарно улыбнулась и сжала камень в руке. Затем села и закрутила головой.

— Зеркало?

Куворк метнулся к стене и снял с крюка серебряный лист в раме. Поднес его Люсиль. Та некоторое время сосредоточенно рассматривала своё отражение.

— Я не похожа на себя, — сказала растерянно.

— Я предупреждал... — начал Антон, но Куворк дал знак ему молчать.

— Ты прекрасна, высокородная. Никто в Руме отныне не сравнится с тобой!

— Ты так считаешь? — недоверчиво спросила Люсиль и посмотрела на Антона. Тот молча кивнул.

— Хорошо! — сказала Люсиль. — Я выполню своё обещание. Приходите завтра. Вы уже наняли воинов?

— Нет, — ответил Куворк. — Только собирались.

— Вот и не делайте этого без меня.

— Как скажете, госпожа! — поклонился Куворк, отдал зеркало, после чего они вышли. Люсиль, оставшись одна, долго разглядывала своё отражение. Потрясенные Силой, ткани распухли и отекли, но Люсиль все любовалась. У неё теперь есть лицо! И, как она успела заметить, не хуже, чем у исцелившего её хумми. Тот, пусть и не хотел, но выполнил обещание. Что ж, и она сдержит слово. Подготовить несколько десятков воинов — пустяк. Она это знает и умеет. Несколько месяцев придется прожить в дальнем замке — не беда. В походах бывало и хуже. Главное, чтобы странный хумми не решил, что она обязана ему больше договора. Ещё вздумает приставать...

Люсиль вдруг с удивлением осознала, что она не против. Ну, чтобы приставал. Она затрясла головой, прогоняя эту мысль. Он ей не пара. Какой-то провинциальный лоф, да ещё хумми! Однако мысль не отстала. Раздосадованная Люсиль разжала кулак и посмотрела на утративший цвет камень. Его следовало выбросить, но Люсиль, поколебавшись, спрятала в

кошелек. Она не могла бы ответить, зачем. Затем встала и направилась к двери. Следовало познакомить слуг с ее новым лицом. И объяснить им, что произошло.

Вилорк шагнул за порог и замер. Внутри дома было сумрачно. Узкие окна с кусочками мутного стекла слабо рассеивали полумрак в комнате.

— Проходи ближе! — раздалось впереди. — Не задерживай!

Голос принадлежал женщине. В нем слышались повелительные нотки.

Вилорк подчинился. Сделав с десяток шагов, он оказался перед столом. За ним сидели двое мужчин и женщина. Последняя оказалась молодой и очень красивой — у Вилорка замерло сердце в груди. Из мужчин один оказался пожилым орком ("лет 35", — определил Вилорк), второй, явно хумми, был моложе. На груди у хумми висел медальон — высокородный. "Лоф Гонсея", — догадался Вилорк. Такой же медальон висел и на шее женщины. Вилорк знал, что она иль. В доме Люсиль и шел набор в воины. Но лицом женщина походила на хумми.

— Как звать? — спросил молодой.

— Вилорк, высокородный!

— Раздевайся! — хмуро бросила женщина. — Одежду клади на лавку.

Вилорк молча подчинился. О том, с себя нужно снять все, говорили выходявшие из комнаты претенденты. Еще поведали, что голых мужчин разглядывает женщина. При этом она щупает их и крутит. Об этом орки говорили смущенно, но некоторые — с восторгом. Не каждый может похвастаться, что тебя трогала высокородная иль.

Скинув одежду, Вилорк встал перед столом.

— Слишком тощ, — хмыкнула женщина на иль, — какой из него воин?

— Я жилист и вынослив, — возразил Вилорк на том же языке.

— Знаешь иль? — удивилась высокородная.

— А также читаю и пишу, — сообщил Вилорк. — По-оркски тоже. Хорошо считаю.

— Вот как? — заинтересовался лоф. — Сколько будет от сорока семи отнять девять?

— Тридцать восемь, высокородный.

— А к пятнадцати прибавить двадцать три?

— Тоже тридцать восемь.

— Подойди!

Вилорк подчинился. Молодой маг придвинул к нему лежавшую на столе в стопку листов (Вилорк рассмотрел, что это не кожа) и протянул странную цветную палочку. Перед этим он нажал на нее с торца и палочка чуть слышно щелкнула.

— Пиши! На иль, — маг на мгновение задумался. — "В лесу родилась елочка".

Вилорк взял палочку и быстро набросал продиктованный текст. К его удивлению острый кончик странного писала мягко скользил по плотному материалу, оставляя заметный след. Даже остро отточенное гусиное перо так не может.

— А теперь по-оркски: "В лесу она росла. Зимой и летом стройная, зеленая была..."

— Готово, высокородный!

Вилорк положил писало на стол и придвинул лофу листки. Тот взял и протянул их пожилому орку.

— Ни единой ошибки! — заключил тот.

— Кто учил тебя? — спросил лоф.

— Мой бывший господин, высокородный Итиль. Он был добр ко мне.

Вилорк не стал уточнять, что Итиль приходился ему отцом. Бастардов у лофа много. Но мать Вилорка была его любимой наложницей. Эту любовь лоф перенес на сына. Он выделял его среди прочих, учил читать и писать. Что, впрочем, не сказало на положении мальчика. Слуга есть слуга, пусть даже он сын лофа.

— Почему ты оставил господина? — спросил немолодой орк.

— Он умер, и мне пришлось искать место.

Говорить, за что наследник выгнал его, Вилорк не стал. Высокородный предложил юноше делить с ним ложе — такие у него оказались склонности. Вилорк с возмущением отказался. Тогда лоф приказал воинам выбросить его за ворота — в том, в чем стоял. Вилорк до темна прятался в кустах, замерз. Вечером мать вынесла ему одежду и котомку с едой. Повела, что молодой лоф очень зол, и посоветовала искать счастья в другом месте. Вилорк отправился в Оули. С работой не повезло. Неурожай на севере нагнал в город сотни ртов. Всем занятия не хватало. Пять серебряных чешуек — подарок матери — кончились быстро. Со вчерашнего дня Вилорк ничего не ел. Услышав, что Гонсей набирает воинов, прибежал к дому высокородной. Ждать пришлось долго. Сильные орки отпихнули его в конец очереди. Еще и смеялись: задохлик решил стать воином! Да его женщина повалит...

— Беру! — сказал молодой маг.

— Зачем? — сморщилась женщина.

— Поставлю старшиной роты.

— Старшим над воинами?

— Не совсем, — пояснил маг. — Посажу в каптерку. Будет хранить и выдавать воинам оружие и другое имущество. Вести учет. Следить за порядком.

— Этим занимается сотник.

— Хочешь взять эти обязанности на себя?

Женщина покрутила головой.

— Но я его все равно посмотрю.

Она встала и подошла к Вилорку. Ощупала мускулы на руках, шею, плечи. Легко двинула кулаком в живот. Вилорк успел напрячь мышцы живота, так что вышло не больно. Ему приказали наклониться и достать кончиками пальцев пол, присесть. Все это молодой орк проделал легко.

— И вправду жилистый, — подтвердила высокородная. — Хотя все равно дохлый. Одевайся!

Вилорк не заставил себя упрашивать. В комнате было прохладно, а он сутки не ел. Кожа на теле посинела и подернулась пупырышками. После того, как он набросил шубейку, молодой маг поманил его пальцем. Вилорк подошел.

— Там есть еще кто?

— Нет, господин, — сказал Вилорк. — Я был последним.

— Что ж... — маг снял с пояса кожаный кошелек. Высыпал его содержимое на стол.

— Знаешь, что это?

— Чешуйки зургов, — ответил Вилорк. — В них много меди, поэтому их берут две за одну нашу.

— Сколько мы отобрали воинов, считал?

— Пятьдесят восемь, господин. Со мной — пятьдесят девять.

— Сколько денег нужно, чтобы их накормить?

Вилорк задумался лишь на миг.

— Шесть чешуек.

— Всего? — удивился лоф.

— Да, господин. Каждому миска каши и ломоть хлеба. Достаточно.

— По себе не суди! — фыркнула женщина. — Там сильные орки. Им мало. К тому же воинам нужно мясо.

— И пиво! — добавил лоф.

— Пиво не заслужили.

— Сегодня можно, — не согласился лоф. — Их взяли на службу. По кружке каждому, мясная похлебка, каша, хлеб. Сколько встанет? — он посмотрел на Вилорка.

— Тринадцать чешуек.

— Бери пятнадцать. Останется — вернешь. Не хватит — я доплачу. И еще. Посмотри у кого из принятых худая одежда и обувь. Посчитай и запиши, — лоф хотел оторвать от стопки листок.

— Не нужно, господин, — сказал Вилорк. — Я запомню.

— Тогда пошли.

Вилорк смахнул чешуйки в кулак и поспешил вслед лофу. Они вышли на крыльцо. Толпившиеся во дворе орки, завидев господина, умолкли.

— Сейчас вас поведут обедать, — объявил маг. — Этим займется он, — лоф вытолкнул Вилорка вперед. — Отныне он отвечает за ваше питание, одежду и снаряжение. Относиться к нему с почтением, обращаться: "Господин старшина!" Всем ясно?

Орки закивали. В их глазах Вилорк видел изумление. Задохлика поставили старшим?..

— В колонну по три становись!

Орки заметались. Подобной команды они никогда не слышали. Лофу пришлось объяснять.

— Салабоны! — плюнул, когда новобранцы кое-как выстроились. — Я научу вас Родину любить. Отполируете плац подошвами до зеркального состояния.

Говорил он на незнакомом Вилорку языке, поэтому свежеиспеченный старшина ничего не понял. Но о смысле сказанного догадался. Поэтому принял строгий вид.

— Веди! — приказал лоф.

Вилорк встал впереди строя.

— На обед — шагом марш! — скомандовал лоф...

* * *

Диборк слыл отменным воином и придурком одновременно. Бывает. Придурковатость заключалась в неумеренной тяге к игре. Будь в Руме карты или рулетка, он играл бы в казино. Но таких достижений цивилизации в Руме не существовало. Диборку хватало костей. В игре он спускал жалованье до последней чешуйки. В стремлении отыгаться занимал у товарищей. Скоро его перестали ссужать — Диборк возвращал долги редко. Пришлось обратиться к ростовщику. Тот потребовал залог. Недолго думая, Диборк отнес ему шлем, панцирь и меч. Полученные деньги немедленно проиграл.

Это событие положило конец его службе. Диборка высекли и вышибли из войска. Идти было некуда. Возвращаться в деревню не хотелось. Стыдно, да и копать в земле... Диборк пытался наняться в телохранители — не вышло. Рум — королевство маленькое. Иметь близ

себя воина, который за кости мать родную продаст... Оставалось идти в наемники. Караваны из Рума ходили в восточные государства через земли зургов. Везли мед, кожи, необработанный янтарь. Обратное — тонкие ткани, серебро, пряности. Несмотря на постоянные стычки с Румом, купцов зурги не трогали. Кто ж режет курочку, несущую золотые яйца? За проход по землям купцы платили. Опасность поджидала в пограничных землях. Там бродили разбойники, не подчинявшиеся никому. Правители государств их вешали. Но для этого разбойников следовало поймать.

Купцы риска не любили, поэтому нанимали охрану. Умелых воинов ценили. На страсть Диборка им было плевать. В путешествии играть запрещено, а как распорядится воин своим жалованьем по завершению похода, купцов не интересовало.

Диборк его спускал в кости. Так случилось и по прибытию в Оули. Хватило недели, чтобы остаться без последней чешуйки. После чего перед наемником встал вопрос: что делать? Зимой года караваны не ходили. Заваленные снегом дороги никто не чистил. Лошади и быки мало того, что проходит мало, так еще и выбиваются из сил. Фураж нужно везти с собой, что уменьшало полезный груз. Зимой купцы сидели по городам, распродавая привезенный товар. А нет караванов, нет и жалованья. Но орк — существо такое, есть, пить хочет каждый день. Как пережить зиму?

Диборк обошел местных купцов, но охранники им не требовались. Не нуждались в его услугах и при дворе наместника. Так Диборку и заявили. Через знакомого слугу при дворе (играли вместе) наемник узнал: лоф Гонсея ищет воинов. Высокородный богат: казначей наместника выплатил ему сто шестьдесят золотых. Огромные деньги!

Диборк переговорил с наемниками. Тем идея понравилась. Вместо того чтобы скучать зиму, тратя с трудом заработанные чешуйки, можно пересидеть в замке. Опасности никакой: зимой зурги в набеге не ходят. Служба не тяжелая. Ешь, пей, щупай служанок, да еще жалованье капает. А весной можно уйти — купцы платят больше.

На переговоры отрядили Диборка. Во-первых, идея была его. Во-вторых, несмотря на пристрастие к игре, наемники его уважали. Диборк слыл опытным воином, умело дрался с разбойниками, вследствие чего потерь наемники не несли. Если бы не пристрастие к игре, Диборк мог бы стать сотником. Но дурость не лечится.

Что дело выгорит, наемник не сомневался. В Гонсее не осталось воинов — все погибли. Найти других трудно. Оставались наемники. Из них в Оули застряла только ватага Диборка, другие ушли в столицу.

Лофа Диборк нашел в харчевне. Тот обедал с управляющим. Диборк присел за соседний стол и заказал пива. Товарищи выделили ему пару монет, так что расплатиться он мог. Потягивая пиво, Диборк разглядывал лофа. Тот ел, перебрасываясь с управляющим словами. Выглядел лоф необычно. Молодой хумми, к тому же, как определил Диборк, ничего не смыслящий в военном деле. У него даже меча не было. Только нож и странный деревянный футляр на ремне, который хумми положил на лавку подле себя. Удивительно. Магов учат обращению с оружием, и меч — обычно короткий — они носят всегда. "Откуда он взялся? — размышлял Диборк. — Приехал с Запада? Скорее всего. Но как король утвердил его лофом? Архиль не любит чужаков. Видно, в Руме плохо с магами".

Как бы то ни было, но Диборк уверился: лоф их наймет. Он дождался, когда хумми закончит, встал и подошел к нему.

— Могу я обратиться, высокородный?

— Садись! — лоф указал на лавку.

Начало Диборка порадовало. Высокородный приглашает сесть, значит, орк не ошибся в выводах.

— Меня зовут Диборк, — сказал он, присев. — Предводитель наемников. Слышал, ищите воинов.

— Есть такое! — кивнул хумми.

"Клюет!" — возрадовался Диборк.

— У меня два десятка бойцов. Все опытные, не раз бились с разбойниками. Отлично владеют оружием. Лук, меч, копье, нож... Лучших не найти.

Лоф хотел что-то сказать, но Диборк не дал себя перебить.

— Наши условия: десять чешуек в месяц каждому. Мне — двадцать. Еды вволю. Пива — само собой. И девок. Молодых, горячих, чтоб пищали от удовольствия, — Диборк хохотнул.

Насчет девок ватага просила особо. Вопреки утверждениям авторов фэнтези, борделей в Оули не имелось. Отсталое общество... Непотребные девки, само собой, были, как же без них? Но, во-первых, немолодые и не шибко красивые. Во-вторых, их было мало, и за свои услуги они брали дорого. Виданное дело — чешуйка за раз? Спрашивается, за что? За то, что ляжет и раскинет ноги? Эти чешуйки кровью достались...

Довольный собой, Диборк не заметил, как лоф нахмурился. А зря.

— Свободен!

— Что? — не понял наемник.

— Как птица в полете, — пояснил хумми. — Лети отсюда! Не нужен мне ты и твои наемники.

Лоф встал и в сопровождении управляющего вышел из харчевни. Диборк какое-то время сидел, оглушенный. Что случилось? Почему странный хумми так разозлился? Пожалел серебра? Диборк запросил вдвое против обычной платы, но ведь можно поторговаться. Он бы уступил. Пусть пять чешуек в месяц. Лоф не разорится. Еда и девки ему ничего не стоят. Диборк не знал, что именно последний пункт его требований возмутил Антона. В СССР и проституции относились без восторга. Это потом путаны станут героинями романов и фильмов. Ну, так какое общество, такие и герои. Предложение отдать селянок на потеху наемникам с точки зрения Антона выглядело чудовищным. Он рос на книгах, в которых поползновение барина на честь крестьянки приводила к восстанию. Так утверждали авторы, и Антон им верил. Это омерзительно — понуждать девушку к постели. А как же любовь?..

Придя в себя, Диборк ощутил ярость. Мало того, что договориться не удалось. Юный выскочка разговаривал с ним, как со слугой. С предводителем ватаги! Но Диборк заставил себя успокоиться. Допив пиво, стал наводить справки. К вечеру у него созрел замысел, и он довел его до сведения ватаги.

— Ты обезумел! — отреагировал на его слова Иворк, самый старший из наемников. — Убить лофа? Да за это нас даже не четвертуют — сварят в молоке. Причем, медленно.

— Сначала нужно поймать! — хмыкнул Диборк. — Мы не станем резать лофа в Оули. Перейдем на пути в Гонсей. А там — седла и к западной границе. Пока наместник спохватится, вышлет погоню...

— Где возьмем коней?

— У лофа, его управляющего и этой высокородной. Они поведут небольшой табун. Всем хватит.

Диборк врал — коней будет мало. Но ему лошадь точно достанется, а вот остальным... Это их беда.

— Что будем делать на западной границе?

— Перейдем к хумми. Они ценят перебежчиков.

— Будем воевать против своих? — нахмурился Иворк.

— Зачем? — пожал плечами Диборк. — Добычи хватит, чтобы купить лавку или харчевню. По пять золотых каждому, не считая оружия и коней. А еще камни магов. Хумми платят за них щедро. Так что сиди в лавке или харчевне, поплеывай в потолок и щупай девок. С делом работники справятся. Чем не жизнь?

Собрание зашумело. Стать лавочником или владельцем харчевни мечтали многие. Но мечта требовала денег, больших. Охранником не выслужить. А тут пять золотых! В каждом двенадцать полновесных серебряков. В серебряке — десять чешуек. Наемнику платят семь в месяц. За сезон набегает четыре с половиной, в лучшем случае — пять серебряков. Вроде немало, но... К весне кошельки кажут дно. Есть-пить надо, одежонку какую-никакую справить. Военная добыча? Какая она с разбойников? Нищebroды в лохмотьях. Из ценного только оружие, да и то дрянное. Меч — редкость. Обычно дубины и луки с костяными стрелами. Вместо копий — заостренные колья. Ножи и те кремневые.

— Лоф поедет с большой ватагой, — не угомонился Иворк. — Шесть десятков новобранцев, селяне и два мага: он и девка из иль. Нам и одного мага хватит. Размажет Кулаком.

— Если успеет запустить, — возразил Диборк. — Мы такой возможности не дадим. У нас отличные лучники. Магов застрелим из засады. А новобранцы... — Диборк сплюнул. — Они разбегутся, едва выйдем из леса. Стадо...

Наемники загомонили, и спустя короткое время решение было принято. Диборк радовался. В этот миг он не подозревал, что его предприятие приведет к долговременным последствиям. Но не в отношении его самого и наемников. Для них понятие "долго" перестало существовать...

* * *

Караван вышел с рассветом. Процессия выглядела солидной. Топали новобранцы, кое-как выстроенные в колонну по четыре. Лошади тащили повозки, груженные фуражом, семенами и железом. Мыча и бляя, шли коровы и сенили овцы. Взбрыкивали молодые жеребчики. Антон сдержал слово и купил приютившей его деревне племенной скот. У старосты руки дрожали, когда он грузил в повозку плуги. В Гади их не имелось — ковыряли землю сошками. Теперь деревня заживет сытно. Добрый скот на племя — тоже богатство. Будет оркам мясо!

Люсиль с лофом возглавляли колонну. Оглядываясь на обоз, девушка улыбалась. С тех пор как ей восстановили лицо, Люсиль почти постоянно пребывала в приподнятом настроении. Она будто родилась вновь. Ей было интересно все — даже набор новобранцев и их последующее обучение. Прежде она сочла бы это скучным. Она даже уговорила Иль-Ина набрать воинов больше. Три десятка Гонсею мало. Земли лофства обширные. Нужно высылать дозоры, для этого тридцать конных — в обрез. А кто будет охранять замок? Расходы? Гонсей и сотню прокормит. Зато у них будет пехота и конница, как в нормальном войске.

Куворк согласился, скрепя сердце, лоф только кивнул. В военных делах он не смыслил

совсем. Люсиль это изумляло. Как хумми могли утвердить лофом? За красивые глаза, что ли? Подумав об этом, Люсиль вздохнула. Глаза у лофа и вправду были красивые. Очень притягательные, если честно. Но доверять неумехе править землями? Что из того, что он маг? Наместник из ума выжил?

В других обстоятельствах Люсиль высказала бы это вслух, но теперь смолчала. Во-первых, она дала слово. Во-вторых, случившаяся с ней беда и последовавшее исцеление многое в ней изменили. И еще... Лоф нес в себе какую-то загадку, а Люсиль была девушкой любопытной. Расспросить его в Оули не представлялось возможным — слишком много хлопот. Зато в пути времени много.

Люсиль послала жеребца вперед и поравнялась с лофом.

— Могу я спросить, высокородный?

— Можешь, — кивнул хумми. — Только брось эти титулы. Мое имя Антон.

— А как же Иль-Ин? — удивилась Люсиль.

— Это фамилия. У людей в моем мире три имени. Личное, имя отца и родовая фамилия. Я Антон Игоревич Ильин. Но так пишут в бумагах. Молодые люди в общении используют личное имя. Обращаясь к пожилым, добавляют отчество. В войске приняты звания. В переводе на ваши — воин, десятник, сотник. В определенных случаях к званию добавляется фамилия. Например, старшина Ильин.

— И как мне обращаться к тебе? — спросила Люсиль, поразившись вываленным на нее сведениям. Надо же, как сложно!

— По имени, — улыбнулся Иль-Ин. — Мы, вроде, молодые.

— Хорошо, — кивнула Люсиль. Если он так хочет... — Но только с глазу на глаз. При слугах и воинах я буду звать тебя "господин лоф".

— А я тебя: "госпожа сотница".

В глазах лофа прыгали смешинки. Люсиль хотела обидеться, но смогла — настроение не позволило. Пусть будет "сотница". Ее нынешнему положению соответствует. А что звание "сотник" не имеет женского рода, она объяснит.

— Хорошо, Энтон, — Люсиль сделала ударение на первом слоге — ей так больше нравилось. — Чем ты занимался в своем мире?

— Проходил срочную службу.

— Что значит, "срочную"?

— Молодых мужчин в нашем государстве призывают в войско на два года. Затем отпускают домой.

— Это не выгодно! — удивилась Люсиль. — Обучить воинов и отпустить?

— Зато в случае войны их можно призвать, получив миллионы бойцов.

— Так много?

— В моем государстве живет свыше двухсот миллионов жителей.

— Сколько?!

— СССР — большая страна. У нас много земель — больше чем у кого бы ни было. Это многим не нравится. Поэтому мы вынуждены содержать большое войско. Нам приходилось воевать — и не раз. Мы всегда побеждали.

Люсиль кивнула. С таким войском и не победить? Да будь в Руме хотя бы в сто раз меньше... От зургов ошметки бы полетели! А также от иль с хумми.

— Чем ты собирался заняться потом?

— Закончить учебу в институте. Я будущий переводчик, знаю несколько языков.

Люсиль только головой покачала. Высокородный — толмач? В Руме они слуги. Или в их мире высокородных много?

— Кто твои родители?

— Отец — полковник запаса, мать была врачом. Лекарем, по-вашему, — Энтон вздохнул.

— Что значит "полковник"?

— Командир полка, — ответил Энтон после заминки. — Тысячи, по-вашему.

"Его отец тысяцкий! — обрадовалась Люсиль. — Мы ровня".

— А почему "запаса"?

— Ему пятьдесят шесть лет, более не служит. Государство платит ему пенсию. Это такое жалованье за прошлые заслуги.

"Надо же! — удивилась Люсиль. — У нас удалившимся со службы ничего не платят. Зато дают земли".

— Почему мать "была"?

— Умерла два года назад. Перед этим болела. В последнюю войну она была моложе тебя. Жила в Сталинграде, это такой город. Его пытались захватить враги, много бомбили. Говоря по-вашему, били Кулаками. Только эти кулаки много мощней. Мать с жителями пряталась в подвале. Рядом упала бомба. От сильного сотрясения у нее в сердце что-то оборвалось. После войны она стала врачом, лечила людей. Но сердце болело. Она лечилась, но не помогло...

Энтон смолк и дал шенкеля кобылке. Та унесла его вперед. Люсиль проводила его взглядом. Несмотря на печальное окончание разговора, она не испытывала смущения. Мать Энтона умерла, ну, так ее тоже. У нее и отца нет. В ее возрасте многие сироты. До пятидесяти в королевстве доживают редко. Архилю за шестьдесят, так его маги лечат — подпитывают Силой. Иначе в Руме был бы другой король.

"Отец — тысяцкий, мать — лекарь, — подумала девушка. — Высокородная семья. В Руме таких мало. Наместник правильно сделал, что назначил Энтоня. Он, конечно, неумеха, но я помогу ему стать лофом. Я обещала..."

Обещала она другое, но Люсиль не стала об этом думать. Постигнуть женскую психику — сложное дело. Лучше и не пытаться...

К полудню обоз прошел десять миль. Вообще-то в Руме их называли "меаны", но Антону мили были привычнее. В нимейском меане насчитывалось полтора километра, если считать по-земному. 15 километров за половину дня — немного. Но это обоз. Люди и кони могут идти быстрее, а вот скот — нет. Скорость движения каравана измеряется по самым неторопливым путешественникам.

Обоз встал на привал. Все накоротке перекусили, включая коров и овец. Готовить обед не стали. До ночи следовало поспеть в селение. До него оставалось около пяти миль. Там ждет ужин, стойла для коней, сарай для коров и загон для овец. И всем — ночлег. Селение, расположенное у тракта, зарабатывало на предоставлении подобных услуг. Антон с Куворком об этом знали — останавливались здесь на пути в Оули.

Дорога втянулась в лес. Могучие деревья подступили к обочине, затеняя кронами узкую полосу грунта. Если б не осень, стряхнувшая с крон листья, обоз двигался бы в полумраке. Но и так путь выглядел сумрачно. Поэтому Люсиль не сразу увидела возникшего на дороге волка. А, разглядев, потянулась к луку.

— Не нужно! — остановил ее Антон. — Это Серый Брат.

Он спрыгнул на землю и пошел к зверю. Люсиль проводила его ошалевшим взглядом. Лоф, что, умом тронулся? К ее удивлению, волк не набросился на хумми или, что было бы более вероятно, не порскнул в лес. Остался стоять, и подошедший лоф с ним о чем-то заговорил. Слов разобрать Люсиль не могла. Энтон говорил тихо, а между ней и этой странной парой насчитывалось три десятка шагов. Люсиль увидела, как волк дернул головой, как будто кивая, Антон ответил тем же и пошел назад.

— Плохо! — сказал Люсиль и Куворку. — Впереди засада.

— С чего ты решил? — удивилась девушка.

— Серый Брат поведал. Говорит, что двуногих много, и они злые.

— Хочешь сказать... — начала Люсиль, но Куворк тронул ее руку.

— Иль-Ин говорит правду. Этот волк служит ему. Я видел их вместе.

Люсиль не нашла, что сказать.

— Сколько там разбойников? — спросила, придя в себя.

— Волк не умеет считать. Сказал, что стая очень большая. Думаю, что не меньше десятка, а то и все два.

— Это наемники! — воскликнул Куворк.

Люсиль с Антоном уставились на него.

— Перед тем, как покинуть Оули, я расспросил стражу у ворот, — пояснил Куворк. — Они поведали, что незадолго до нас город покинули два десятка наемников. Стражники еще удивились: куда идут? В зиму? Если в столицу, то почему по дороге в Гонсей? Но наемники не ответили.

— Уверен, что ждут нас? — спросил Антон.

— Больше некого, господин! Наш караван из Оули вышел последним. Другие покинули город вчера. Мы задержались, набирая воинов. Кроме того... — Куворк помолчал. — Ты резко ответил их вожаку. Он обиделся. Есть повод мстить. А еще у нас полные кошельки золота. Для наемников — невероятная добыча. Ради нее можно рискнуть.

— Возвращаемся! — сказала Люсиль.

Куворк с Антоном глянули на нее.

— Мы не справимся, — пояснила девушка. — В поле я раскатала бы их Кулаком. Но здесь лес, старый, стволы у деревьев толстые. За ними можно укрыться, и они ослабят удар. Зря потратим Силу. К тому же у них луки, и они перестреляют нас в один миг. Прикрыть некому — новобранцы не умеют держать щиты. Так что поворачиваем.

— Не успеем в Оули до темноты, — вздохнул Куворк. — Придется ночевать в поле. Наемники, не дождавшись, могут пойти по следам и напасть...

— Я убью их! — сказал Антон. — Сам.

Он снял с плеча странную железку, откинул сзади ее какую-то часть на рычагах, а затем дернул ручку сбоку. Лязгнуло железо.

— Они застрелят тебя! — вздохнула Люсиль. Вот ведь глупый!

— Я обойду их с тыла. Серый Брат проведет. А что может мое оружие, объяснит Куворк.

— Господин убил из него тридцать воинов во главе с прежним лофом, — подтвердил управляющий. — В считанные мгновения.

— Тогда и я пойду! — сказала Люсиль...

* * *

Идти пришлось пешком. Не потому, что лес оказался густым — кони боялись зверя. Да и шума от них больше. Серый Брат трусил впереди, за ним поспешал Антон, Люсиль — следом. К ее удивлению лоф передвигался умело. Не наступал на сухие сучья, не пер сквозь заросли. Разлапистую ель с ветвями до земли аккуратно обходил, а не пытался пролезть снизу. Для Люсиль, которую обучали ходить по лесу, смотреть на это было удивительно. Не вписывалось в образ неумехи, который она успела себе создать.

Они прошли с полмеана. В лесу расстояние считать трудно, но Люсиль определила его по ощущениям. Перед небольшим пригорком, вернее, гривой, преградившей им путь, волк встал и повернулся к людям. Антон подошел ближе, посмотрел зверю в глаза, затем обернулся к Люсиль.

— Серый Брат говорит, что двуногие на той стороне. Совсем близко.

— Я не слышала его слов, — удивилась Люсиль.

— Волк не может говорить, как мы. У него глотка для этого не приспособлена. Он передает мысли сюда, — Антон коснулся лба и повернулся к зверю. — Благодарю, Серый Брат. Если зимой будет голодно, приходи к замку. Получишь жирную овцу.

Волк поднял верхнюю губу, показав клыки, и тенью порскнул в кусты. Люсиль с Антоном взобрались на верх гривы.

Разбойников они прежде слышали, чем увидели. Бесшумных засад не бывает, как утверждали классики, и они правы. Впереди позвякивало железо, переговаривались орки, и их речь отчетливо слышалась в притихшем лесу. На вершине гривы Антон залег, Люсиль последовала его примеру. Некоторое время они разглядывали открывшуюся глазам диспозицию.

В полусотне шагов между стволами просматривалась дорога. Здесь она делала поворот, выходя к месту засады, и Люсиль поняла, что наемники выбрали отличное место. Они с лофом на конях выскочили бы точно под стрелы лучников. Те прятались за деревьями, настроенно сжимая луки в руках. Стрелков было пять. Другие наемники стояли поодаль.

Люсиль быстро их пересчитала. Этих полтора десятка. У всех копья, щиты, у большинства боевые топоры за поясами. А еще — тесаки. Ударь они разом — и каравану конец. Опытные воины вырежут новобранцев вмиг. Оружие в караване есть — купили в Оули, но селяне не умеют с ним обращаться. В сравнении с наемниками они овцы.

Среди разбойников заметно выделялся один. Рослый, широкоплечий, он единственный носил на поясе меч. На голове — железный шлем, на теле — панцирь из кожи с пришитыми к ней железными пластинами. Явно предводитель. У других наемников железа на панцирях не имелось, как и стальных шлемов — только кожа. Но Люсиль знала, что вываренная в масле шкура быка держит стрелу на расстоянии сотни шагов как и скользящий удар меча.

Незваных гостей разбойники пока не видели — смотрели в противоположную сторону.

— Долго еще? — спросил один из них. — Сколько ждать?

— Скоро, — ответил предводитель. — Ставорк предупредит. Я отправил его посмотреть.

"Они выслали дозор! — огорчилась Люсиль. — Плохо".

Словно в ответ на ее мысли, в отдалении послышался топот, и с дороги между деревьев скользнул воин. Люсиль услышала, как рядом зашипел лоф. Затем он перевернулся на бок и извлек из сумки на поясе два странных предмета.

— Слушай меня! — зашептал на ухо Люсиль. — Сейчас я брошу гранаты. Это такие Кулаки с осколками. Пока не взорвутся, лежи тихо и прячь голову. Не дай бог заденет. Потом буду стрелять.

Он разогнул тонкие полоски металла, завернутые вокруг торчащих из предметов стержней. Тем временем дозорный добежал к засаде.

— Обоз встал! — закричал громко. — И лофа с девкой не видно. Наверное, ушли в лес.

— Их кто-то предупредил! — рявкнул предводитель и завертел головой.

Вставшего в полный рост Антона он заметил спустя пару секунд. Но их хватило, чтобы отправить гостинцы врагам.

— Вот они! — закричал предводитель. — Стреляйте!

Антон плюхнулся рядом с Люсиль. И вовремя — на их головами пропели стрелы. Одна скользнула рядом с Антоном, и тот зло прошипел. В следующий внизу грохнуло — раз, другой, и кто-то отчаянно закричал. Антон схватил автомат и, встав на колени, чтоб видеть цель, загрохотал короткими очередями.

Все это произошло так быстро, что Люсиль сориентировалась не сразу. И только потом до нее дошло: лоф сражается один. Она вскочила и выхватила из чехла лук. Стрела привычно легла на тетиву. Она отправила ее в шевельнувшуюся внизу тень и выхватила из тула другую. Наемники, ошеломленные взрывами, метались между стволами деревьев. Некоторые, раненые в ноги, ползли к ним, пытаясь укрыться. Этих Люсиль оставляла напоследок, стремясь в первую очередь попасть в тех, кто на ногах. Рядом словно били в барабан: тах-тах-тах, тах-тах-тах, тах-тах-тах!.. Люсиль видела, как падали наемники, в которых она не успела прицелиться. Неизвестное ей оружие лофа несло смерть.

Стрелы в колчане и патроны в магазине кончились одновременно. А вместе с ними — и враги. Люсиль отбросила лук, и выхватила из ножен меч. В правую руку взяла клевец. Антон сменил магазин в автомате. Некоторое время они стояли, разглядывая поле боя. Между деревьев валялись трупы. Из некоторых торчали стрелы, другие лежали без них. И никто более не шевелился.

— Надо проверить, — сказал Антон. — Могли остаться живые. Держись за моей

спиной. Вдруг выскочат из-за дерева.

Люсиль зашипела. Этот неумеха будет ее учить! Но Антон уже спешил вниз по склону. Она устремилась следом. К ее удивлению, Антон не пошел напрямую к убитым, а взял правее. Обходя поле боя, он заглядывал за деревья, держа оружие наизготовку. Вот он повел им, и Люсиль услышала знакомое "тах-тах". Подумав, она двинулась в противоположную сторону. Заглядывая за деревья, искала уцелевших врагов. Но живые не попадались — только трупы. Люсиль вышла к дороге. У деревьев, где стояли стрелки, она увидела на земле черное пятно. Рядом валялись тела — те самые лучники. Двое были живы. Волоча размозженные ноги, они ползли к дороге, оставляя на усыпанной палыми листьями земле кровавые полосы. Люсиль, подскочив, добила их, проткнув мечом. Пленники им не нужны. Везти их на суд наместника? Во-первых, не доживут, во-вторых, охота возиться!

Осмотревшись, она пошла назад. Неподалеку из-за деревьев выскользнул Энтон. Увидев Люсиль, он улыбнулся и помахал ей рукой. Люсиль отвлеклась и поэтому едва не прозевала удар. Вожак наемников выскочил из-за ствола и рубанул мечом. Люсиль отпрянула и вскинула оружие.

— Девка! — сплюнул вожак. — Ты хоть умеешь держать меч?

Люсиль сделала выпад, метя в горло. Наемник отбил его щитом и молниеносно ударил в ответ. Умело. Окажись на месте Люсиль простой воин, он бы погиб. Но ей ставил руку лучший боец королевства. Поэтому меч орка проскрежетал по ее клинку и скользнул по стальному погону на плече. Тот выдержал, но меч перерубил цепь медальона, и тот отлетел в сторону.

— Ага! — хмыкнул наемник. — Счас я...

Он не договорил. Клевец мелькнул над щитом и ударил наемника в висок. На соломинку ниже края шлема. Не встретив кости, клюв вошел в мозг до древка. Наемник покачнулся и упал лицом вниз. Люсиль едва успела выдернуть оружие. На убитого даже не посмотрела. Мертв, можно не проверять.

Люсиль обтерла клевец об одежду трупа и осмотрелась. Других врагов не наблюдалось. Она сунула клевец за пояс, стащила с левой руки перчатку и тронула шею — саднила. Пальцы нащупали влагу. Она поднесла их к глазам. Кровь. Вожак ее все же зацепил. Пустяк — царапина, но бил умело. Не подставь она сильную часть клинка, меч перерезал бы жилу.

— Люсиль? Ты цела?

Она обернулась. Подбежавший Антон стоял рядом, сжимая свой странный артефакт в руках.

— Я видел, как ты билась, — сказал виновато, — но не решился стрелять — мог зацепить тебя. А ты ловко!

Люсиль только фыркнула: нашел с кем сравнивать! С каким-то наемником.

— Еще кто есть? — спросил Антон, осматриваясь.

— Думаю, кончились, — ответила Люсиль. Она вытерла клевец об одежду убитого и, выпрямившись, сунула его за пояс.

— У тебя кровь на шее, — сказал Антон.

— Царапина, — сказала Люсиль. — У тебя рука в крови.

— Ерунда. Стрелой поцарапало.

— Зачем ты снял перчатку? Она удержала бы кровь.

— В ней палец курок не чувствует, — ответил Антон.

Люсиль не знала, что такое "курок", но уточнять не стала. Закрутила головой, шаря

глазами по земле.

— Что ищешь?

— Медальон с камнем. Этот, — она указала на труп, — перерубил цепь.

Антон забросил свой артефакт за спину и присоединился к поискам. Он и нашел медальон. Тот зарылся в листву. Если б не торчавшая цепочка...

— Держи! — Антон протянул ей медальон. Он лежал на его окровавленной ладони, отсвечивая красным камнем. Люсиль взяла его левой рукой — тоже окровавленной. В следующее мгновение ее тряхнуло, и возле их голов возникло свечение. Ненадолго. Затем пропало.

— Ух, ты! — воскликнул Антон. — Это что?

"Единение! — едва не сказала Люсиль. — У нас состоялось Единение. Но как?" "Его кровь попала на камень, — подсказал внутренний голос, — и ты взяла его окровавленной рукой. Специально". "Заткнись! — приказала Люсиль. — Это вышло не предумышленно". "Ага! — мерзко хихикнул голос. — Тогда почему брала левой? Ты ведь правша". Люсиль мысленно приказала голосу заткнуться и встряхнула головой.

— Это проявление Силы, — ответила Антону. — На камень попала кровь.

— Понятно, — сказал он. — Тогда пошли? А то наши, наверное, тревожатся. Они слышали взрывы и стрельбу.

— Пошли, — согласилась Люсиль.

Они выбрались на дорогу и зашагали к обозу.

* * *

Снился Антону странный сон. Будто смотрит он программу "Время". И когда большая стрелка часов на экране коснулась цифры "12", появилась знакомая заставка. Однако музыка Свиридова не прозвучала. Зато в левом углу возникли красные флаги с траурными лентами на фоне здания, и голос диктора Кириллова сообщил:

— Вчера до глубокой ночи и сегодня утром продолжалось прощание трудящихся Москвы, представителей других городов и союзных республик нашей страны, а также зарубежных организаций с Леонидом Ильичом Брежневым...

"Брежнев умер! — понял Антон. — Когда?"

Ему стало горько. Антон не испытывал к генсеку любви. Биографию Брежнева изучали в школе, на военной службе солдаты зубрили имена и должности членов Политбюро, но все это было далеко. Где-то там, в Москве, обитали небожители, управлявшие великой страной. В дни государственных праздников их портреты появлялись на зданиях, люди несли их на демонстрациях, но от этого руководство страны не становилось ближе. Наоборот. Но сейчас Антон почувствовал себя осиротевшим.

Тем временем на экране телевизора возник зал Колонный зал Дома Союзов. Стены его задрапировали красной и черной материей. Даже люстры забрали в черную, но редкую ткань, которая позволяла им светить, но, одновременно, свидетельствовала о трауре. Антон впился глазами в экран. Он видел, как подходили к гробу иностранные делегации, узнал Индиру Ганди, затем диктор объявил:

— В последний почетный караул у гроба покойного встают товарищи Андропов, Горбачев, Гришин, Громько, Кунаев...

Камера показывала членов Политбюро, и Антон почувствовал что-то неправильное. Лица были знакомые, но в то же время другие. "Они постарели! — внезапно догадался Антон. — Это происходит не сейчас, это в будущем".

Удивительно, но он почувствовал облегчение. Осознание, что Брежнев еще не умер, принесло радость. Антон уже с любопытством стал следить за происходящим на экране. Гроб вынесли из Колонного зала, уложили на орудийный (диктор сказал "артиллерийский") лафет, и БРДМ с задраным к небу стволом крупнокалиберного пулемета повлек его к Красной площади. Там уже ждали выстроенные в парадные коробки войска и "трудящиеся" с портретами покойного генсека. Гроб переложили на постамент перед Мавзолеем, и руководители партии потекли по ступенькам вверх.

— Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов, — сообщил Кириллов.

"Андропов станет Генеральным секретарем! — понял Антон. — Интересно".

Андропова он знал. Во-первых, тот возглавлял КГБ СССР, а пограничные войска проходили как раз по этому ведомству. Так что биографию своего самого высокого начальника солдаты изучали. И до службы было... Отец отзывался о председателе КГБ без восторга. Можно сказать, грубо.

"Когда это произойдет?" — подумал Антон.

В тот же миг, будто кто-то отследил его мысль, Красная площадь исчезла. Антон оказался в каком-то сквере. Ветер гнал по пустынным, заасфальтированным дорожкам обрывки бумаг и окурки. Антона поднесло к установленной у дорожки витрине. Там, за стеклом, виднелась выставленная для всеобщего обозрения газета. На нее падал свет уличного фонаря. "Советская Россия, — прочел Антон. — 15 ноября 1982 года. Девять лет прошло..."

В тот же миг он проснулся. Некоторое время лежал, пытаясь понять, где он, и что видел. Вокруг было тихо. Неподалеу посвистывал носом Куворк, что-то пробормотала за печкой Люсиль. В селении, где принимали обоз, их разместили без комфорта. Знатным гостям выделили избу на троих. Они спали одетыми, сбросив только обувь и шубы. Зато у каждого — персональный топчан с матрасом. Новобранцев уложили на полу в сарае. Разве что соломы на него бросили. И никто не возмутился — привычное дело. Дома не лучше...

Антон нашарил у топчана сапоги, сунул в них ноги, взял шубу, которой укрывался и вышел во двор. Там присел на ступеньки крыльца. Хотелось курить. Антон не имел склонности к табаку. Его отец не курил, о покойной матери и говорить нечего. А вот сослуживцы баловались. В летний сезон курева на КПП было завались. И какого незнакомые советскому человеку сигареты "Marlboro", "Pall Mall" и прочие. Иностранцы угощали. Принимать подношения запрещалось, но... Во-первых, это не подкуп, а проявление симпатии к советскому пограничнику. Во-вторых, начальники не без греха. И сигареты брали, и сувенирами не брезговали. Мало того. Пограничная река Прут кишела рыбой, что не удивительно — ее никто не ловил. Пограничная зона. Офицеры этим пользовались. Отправленные к реке солдаты ставили вентера, которые регулярно опорожняли. Свежевыловленную рыбу живой несли к дому, где жили отцы-командиры. Там у крыльца стояла бочка с водой. В нее и сваливали добычу. Утром жены офицеров зачерпывали сачком приглянувшийся экземпляр. Тащили его на кухню.

Рыбы было так много, что съесть ее начальство физически не могло. Об этом знали работавшие на КПП таможенники. Они рыбу любили. Антон с товарищами получил

заманчивое предложение: менять добычу по курсу килограмм на килограмм. Вино молдавانه почему-то считали килограммами, а не литрами. Предложение было принято и претворено в жизнь. Пили, впрочем, умеренно. В памяти был свеж случай с предшествующим призывом. Там "дембеля" пошли вразнос. Ночью, выпив, захотели добавки. Угнали от КПП грузовик санитарного контроля и отправились в село к девкам. "Фрумос фетицы"^[9] приняли их с душой. Обрато дембеля ехали никакие. Загнали машину в кювет и не смогли выбраться. Бросив авто, вернулись на заставу, где залегли спать.

Утром грянул скандал. Санитары обнаружили пропажу авто и позвонили в милицию. Та машину нашла. Заодно выяснила, кто на ней катался. ЧП тянуло на трибунал. Пьянка, самовольное оставление места службы, угон автомобиля... "Дембелей" следовало судить. Но тогда в пункте пропуска пришлось бы закрыть границу — кому проверять документы и досматривать машины? Дело замяли. "Дембелям" объявили "губу" (номинально, посадить было никак), пообещали, что домой "залетчики" поедут в знойном феврале, а не в ноябредектябре, как честные пограничники. Так бы и произошло. Вмешалась политика. Залет произошел в августе. В сентябре на заставу приехал "комсомолец" из Кишинева. Офицер стал уговаривать "дембелей" ехать на ударную комсомольскую стройку в Сибирь. Обещал торжественные проводы и первую партию — то есть увольнение в начале ноября. Посулы отклика не находили: пограничники рвались домой. Лучше потерпеть месяц, чем отправиться в Сургут. И тут встали "залетчики".

— Мы согласны! — сказали хором.

"Комсомолец" расцвел, начальство заскрипело зубами. Но отыграть было никак — всесоюзная политическая кампания. Идти против партии? "Залетчиков" проводили в запас. Они сели в поезд и отправились на комсомольскую стройку.

Добровольцев сопровождал прапорщик. В "дипломате" он вез военные билеты. Выдавать их на руки остереглись. Военный билет с отметкой об увольнении все равно, что паспорт. Есть на руках — и ты свободный человек.

Командование недооценило "залетчиков". На вокзале они запаслись бухлом. Сев в вагон, принялись праздновать "дембель" — святое дело. Пригласили прапорщика. Тот поначалу отнекивался, но... Устоять трудно. Прапор сдался. Наливали ему от души. Вскоре бесчувственное тело переместилось на полку, где немедленно захрапело. "Залетчики" вскрыли "дипломат" и разобрали документы. На вокзале в Киеве они вышли и отправились по домам. Правда, за свой счет, но билеты на поезд стоят не дорого. Покорять Сургут отправилось тело прапора...

Антон знал эту историю, поэтому пил умеренно. Залет мог ему повредить. Исключат из кандидатов — и ага! И товарищей удерживал. Его слушались — уважали. Они выпивали по стакану вина, после чего мирно говорили за жизнь. Курили. После вина Антон позволял себе затянуться разок-другой.

И вот теперь зверски хотелось курить. Но взять сигареты было негде. От того душу заполонила тоска. Только теперь Антон отчетливо осознал: домой он не вернется. Не увидит более отца и сестру. Останется здесь, среди чужих людей, часть из которых и не люди вовсе. И умрет, никому не нужный.

От наплыва чувств он всхлипнул. Не будем строгими — человеку 22 года. В этом возрасте встретить мужчину-кремня... Это не в романах.

За спиной скрипнула дверь. Антон оглянулся. Стояла ясная ночь, и свет спутника Нимея, планеты Торх, высветил на пороге знакомую фигура. Люсиль...

— Что не спишь?

Антон не ответил. Она подошла и села рядом. Шубы на ней не было, и Антон прикрыл ее полый своей. Не зима еще, но морозно. Люсиль прижалась к его плечу.

— Тебе плохо? — спросила тихо.

— Вспомнил отца и сестру, — ответил Антон.

— А невеста у тебя была? — спросила Люсиль. Про жену она *знала*.

— Нет.

— Почему?

— Не успел завести. Учился, потом служба.

"Зато теперь у тебя есть я", — хотела сказать Люсиль, но смолчала. Единение произошло, но Энтон этого не знает. Сказать? Но как он к этому отнесется? Люсиль сама не знала, как быть. Единение относилось к разряду легенд. Жрец в храме Иль-Тека ритуальным ножом колет пальцы жениха и невесты. Их кровь падает на камень Силы, и новобрачные соединяют на нем руки. Только далее ничего не происходит — ни выброса Силы, ни свечения. Люсиль это знала, поскольку на свадьбах была. Для Единения жених с невестой должны быть непорочными. Только где таких взять? Нет, девушки идут замуж девственницами. Это строго контролируется. Кому хочется, чтобы молодая жена принесла в дом ребенка от другого? Неизвестно, с кем она путалась до свадьбы. Велик шанс, что наследник окажется по крови чужим. Или, что хуже, неодаренным. Такие не наследуют земли. У иль и без того рождаются дети без Дара. У магов из орков — само собой. У зургов с хумми одаренные дети вовсе редкость. Те считают их единицами. В Руме правит Закон. Нет одаренных детей — земли отходят королю. Тот наделяет ими других. Род теряет влияние и титул. Кому этого хочется? Поэтому невест своим сыновьям иль подбирали тщательно.

Если с девственницами обстало благополучно (не всегда, но...), то встретить непорочных женихов... Юноши иль рано приобщались к удовольствиям. Семьи не бедные, служанок хватает. Родители закрывают на это глаза. Не будет Единения? Ну, и пес ним! Мужчинам не нужно. В Единении супруги чувствуют друг друга. Радость, тоску, удовольствие... Желание поблудить тоже. Идет оно в пень!

"Почему у Энтоня не было женщин? — удивлялась Люсиль. — Он не так уж юн и очень красив. У них по-другому?"

Спросить Люсиль постеснялась. Просто положила голову нареченному на плечо. Ей стало хорошо, и это чувство передалось Энтону. Он повернул голову и чмокнул ее в макушку. Затем обнял за плечи. Некоторое время они сидели так, пока мороз не забрался под одежду.

— Идем спать! — предложил Энтон, и они встали. Люсиль посидела бы еще, но навязываться не захотела. И без того многое себе позволила.

Они вернулись в избу, где легли на топчаны. Энтон вскоре уснул, а Люсиль ворочалась. Самым трудным было понять, как быть дальше? Продолжить обниматься или сделать вид, что ничего не произошло? Как воспримет он желание сблизиться? Сегодня Энтон был ласков, но это он тосковал. Люсиль это *почувствовала*, поэтому и вышла к нему. Но что будет завтра?

Никакого опыта в этих делах у Люсиль не было. Ее не пытались соблазнить — боялись. Дочка лучшего мечника королевства... Да и сама Люсиль могла за себя постоять. Нравы в Руме строгие. В гостях девушки щебетали с подругами, а танцевали раздельно. Сначала мужчины били каблуками, встав в круг, затем женщины водили хоровод, взявшись за руки. На вечеринках парни и девушки присматривались друг к другу — и только. О свадьбе

договаривались родители. Но у Люсиль их не было.

"Был бы жив отец, — подумала она, — или мать. Я бы поговорила..." О чем, сообразить не успела. Уснула...

— Чего приперся? — буркнул Архиль, опускаясь на лавку. — Еще до рассвета.

— У тебя все равно бессонница, — пожал плечами Лодорк.

— Это моя бессонница! — сварливо сказал король. — Только мне решать, как ею распорядиться. Ну? Что молчишь?

— Добрые новости, твое величество.

— Чтоб у тебя — и добрые? — хмыкнул Архиль. — У старого и вредного орка?

— От такого и слышу! — не замедлил Лодорк.

— Казню! — пообещал король.

— Только грозишь! — ухмыльнулся Лодорк.

— Возьму и сделаю! — пообещал Архиль. — Поймаю на измене.

— Сначала поймай!

— Тоже мне трудность! — оживился король. — Кто на днях подарил любовнице диадему с изумрудами? Везде хвасталась. А диадема, между прочим, хумской работы. Дорогушая. Где взял?

— Купил.

— Откуда золото?

— Доход от земель.

— У меня земель больше, но я не дарю такие украшения.

— Ты просто жадный.

— Бережливый! — не согласился Архиль.

— Ага! — ухмыльнулся Лодорк. — Хочешь, чтоб давали бесплатно.

— Так давали же! — с тоской в голосе произнес Архиль.

— Двадцать лет назад. Тогда мы были стройными и крепкими. Теперь подпитываемся Силой. А головы седые, плюс брюшко, — Лодорк похлопал себя по животу. — Девки таких не любят. Приходится платить. Чего жалеешь? В могилу не унесешь.

— Тебе можно говорить, — вздохнул Архиль. — Ты воевода. А у меня казна. Я должен печься.

— Не оскудеет твоя казна! — хмыкнул Лодорк. — Сундуки ломаются. Хочешь, приведу одну хумми? Такая затейница! — он чмокнул губами и поднял глаза к потолку. — Все соки из тебя выпьет. Но золото любит.

— Соки самому нужны, — пробурчал Архиль. — С чем пришел? Что за новости?

— В Гонсее новый лоф.

— А где старый? Этот, как его...

— Гайорк. Тупой баран, по недосмотру богов получивший в наследство Дар. В войске он был к месту. Для того чтобы бить Кулаком, ума не надо. А ты ему — Гонсей.

— У меня был выбор? — сварливо спросил Архиль. — Или из высокородных, желающих ехать к зургами, стоят очереди? Покажи! — он встал, подошел к окошку и демонстративно глянул в мутное стекло. — Не вижу.

— Давно пора давать земли неодаренным. Столько умных и образованных орков!

— Закон! — поднял палец Архиль.

— Закон не гора, можно и подвинуть. Дед установил, ты отменишь.

— Только маг может защитить земли от нападения.

— Вот Гайорк и "защитил". Когда зурги напали на селян, не подумал идти на помощь.

— Так! — лицо короля стало жестким. — Подробнее.

— Зурги пришли в Гаць. Полтора десятка — обычная численность при набеге. Осадили деревню. Селяне послали гонца лофу, сами заперлись в общинном здании. Все как обычно. Только Гайорк не пришел. Не пожелал оторвать зад от скамьи. Он, видишь ли, в это время бражничал с воинами. А ведь Гаць разрабатывает Источник. Селяне собрали десять камней, собирались отдать их лофу. А тут зурги.

— И?..

На лицо Архилья было страшно смотреть.

— Зурги вырубали дверь в здание, когда в Гаць появился чужак. Маг. Он убил зургов.

— Маг? — удивился Архиль. — В Гонсее? Откуда?

— Из другого мира.

— Не зли меня, старый! — прошипел король. — Я не верю в сказки. Возраст не тот.

— Тогда откуда у нас язык пришлых?

— Жили они тут.

— Жили тут орки — испокон веков. А вот пришлые являлись. Они выглядели иначе, говорили на своем языке. Обучали нас ремеслу, возделыванию земли. Семена, что они принесли, дали богатый урожай. Мы научились выращивать пшеницу, печь кислый хлеб. До этого ели лепешки. Они показали, как находить железо, ковать из него мечи. Научили выращивать скот — он и сегодня у нас лучше, чем где бы-то ни было. Пришлые принесли в наши земли лен, показали, как получать из него ткань. Без них ходили бы в шкурах. Как твои предки, к слову.

— Без нас вы бы вырезали друг друга, — заметил Архиль.

— Это так, — кивнул Лодорк. — Поэтому и позвали вас.

— Пришлых не было уже сотню лет. С чего явились?

— Не знаю, — пожал плечами Лодорк. — Этот пришел один. Рассказал, что попал к нам в ходе сражения. По нему ударили Кулаком, и он непонятным образом оказался здесь.

— Как выглядит?

— Ростом и статью как иль. Но лицом хумми.

— Хумми... — пробормотал король. — Откуда они на востоке? К тому же маги у них редкость. И камней у них нет — покупают за большие деньги. Может, пришел за ними?

— Источники есть и ближе, — покачал головой Лодорк. — Пришлый — маг. Хумми не выпускают их из страны.

— Что было затем?

— Селяне попросили пришлого взять их под свою руку. Чужак согласился. Но это не понравилось лофу. Он взял воинов и пошел к Гаць отбивать деревню. Заодно наказать тех, кто посмел выйти из-под его воли.

— Вот, значит, как, — сказал король. — Как воевать зургами, так лень, а как покарать своих, так желание появилось?

— Именно так, — подтвердил Лодорк.

— И чем кончилось?

— Пришлый убил лофа и его воинов. Перед этим предложил уйти и предупредил о последствиях. Гайорк слушать не стал, за что поплатился.

— Воинов жалко, — сказал король. — Что потом?

— Управляющий предложил чужаку взять лофство. Ведь тот маг. Пришлый согласился.

Отныне в Гонсее другой лоф.

— Я его не назначал, — заметил Архиль.

— Это сделал Рексиль.

— Наместник? Да как он смел?!

— Сейчас поймешь. Держи!

Лодорк бросил Архилью мешочек. Тот поймал его неуловимым движением опытного воина. И неважно, что этому воину много лет...

Распустив ремешок на горловине мешочка, Архиль высыпал на ладонь его содержимое. Замер.

— Это то, я вижу? — спросил хрипло.

— А рука не чувствует? — съязвил воевода. — Или ты заложил Дар в харчевне?

— Когда-нибудь казню! — пообещал Архиль. — Никакого почтения к королю.

— У меня вместо него — верность. И вот это, — Лодорк постучал себя по лбу.

— Потому и терплю вредного старика.

— Я полезный, — ухмыльнулся Лодорк. — В отличие от тех, кто лижет тебе зад.

Архиль только головой мотнул. Дескать, не говори очевидное. Некоторое время он любовался алмазами, затем ссыпал их в мешочек, затянул горловину и сунул за пояс.

— Откуда?

— Рексиль привез. Ему дал чужак.

— Дал?

— Пять камней — дар. А еще два Рексиль у него купил.

— За сколько?

— Сто пятьдесят золотых.

— Всего-то?

— Оба не знали цены.

Архиль показал желтые зубы. Затем согнал улыбку с лица и пристально глянул на воеводу.

— Еще есть?

Лодорк захохотал. Тыча в короля пальцем, он ржал, вытирая приступившие к глазам слезы.

— Ты чего? — насупился Архиль.

— Знал, что ты это спросишь, — сквозь смех выговорил воевода. — Жаден ты, твое величество.

— Казню! — буркнул Архиль, но, не удержавшись, рассмеялся сам. Некоторое время оба хохотали, затем разом умолкли.

— Ну?

— Думаю, следует поговорить с Рексилем, — ответил Лодорк. — Тот видел чужака и говорил с ним. Наместник здесь.

— Зови!

Воевода скользнул к двери. Несмотря на возраст, двигался он стремительно и легко. Отворив дверь, Лодорк что-то сказал, в проеме возник наместник. Архиль поманил его рукой. Рексиль приблизился и склонился в поклоне.

— Ваше величество!

— Брось церемонии! — добродушно сказал Архиль. — У нас не парадный прием. Рад видеть своего лучшего наместника.

Рексиль заулыбался.

— Садись! — король указал на лавку. Рексиль опустился на краешок. Архиль сел напротив. Лодорк встал за плечом наместника.

— Расскажи мне о чужаке.

— Он молод, — начал Рексиль. — Лицом хумми, но на местных похож мало. Очень красив. Высок и строен, как иль.

— Маг?

— Очень сильный. При мне взглядом поднял лавку — тяжелую, с резной спинкой. Несколько раз повернул ее в воздухе и поставил на место.

— Делать нечего дураку! — проворчал Архиль.

Рексиль кивнул.

— Его управляющий заявил, что пришлый снес вершину холма Кулаком. Проверял Силу.

— Точно дурак! — покачал головой король. — У него, что, много камней?

— Не знаю, ваше величество! — вздохнул Рексиль. — Задавать такой вопрос высокородному не с руки. В казну камни он сдал. Где взял алмазны, не говорил.

— Сам что думаешь?

— Принес из своего мира.

— Много?

Рексиль развел руками.

— Но не отдал все?

— Думаю, нет, — подтвердил Рексиль.

— Почему думаешь?

— Он исправил лицо высокородной Люсиль. Без алмаза этого не сделать.

— Люсиль? — король поднял брови. — Дочери Бергиля?

— Так, ваше величество.

— Сколько взял?

— Нисколько, ваше величество. Люсиль обещала ему помочь.

— В чем?

— В Гонсее не осталось воинов. Чужак набрал молодых селян. Они не владеют оружием, нужен наставник. Люсиль — лучший выбор. Ее отец был первым воином королевства.

— Помню, — буркнул король. — Любым оружием владел в совершенстве. И дочь научил. А вот тысяцким был плохим. Погубил войско.

— Они попали в засаду, — встрял Лодорк.

— Хороший тысяцкий ее избежит! — рявкнул Архиль. — Он вышлет дозор и обнаружит врага. Если боя не избежать, проведет его так, что враг побежит. Или сам отступит, сохранив войско. Бергиль не сделал этого. Пал вместе со своими воинами. Что от этого королевству?

— Бергиль обескровил врага. Зурги ушли от наших границы. Редкие набеги можно не считать. Я прав, наместник?

— Да, воевода! — кивнул Рексиль.

— Но мы заплатили за это дорого, — буркнул Архиль. — Ладно! — Он хлопнул ладонью по столу. — Вернемся к чужаку. Кто подсказал ему обратиться к Люсиль?

— Я, ваше величество, — ответил гость.

— Почему?

— Хотел знать, есть ли у него алмазны.

— Вот и проверил, — вздохнул король. — Камня нет. За какое-то личико... — он помолчал. — Почему пришлый не захотел обучать воинов сам?

— Он не владеет нашим оружием.

— Как это?

— В его мире воюют другим. Он показывал мне артефакт с гремящими стрелами. Те пробивают доспех за двести шагов. Так сказал пришлый.

— Хм! — заинтересовался Архиль. — Не врет?

— Нет, ваше величество. Убедился сам. На пути из Оули на чужака пытались напасть наемники. Их привлекло золото, вырученное за камни. Лоф расстрелял их из своего артефакта.

— А Кулак?

— Наемники — опытные воины, засаду устроили в лесу. Там Кулак бесполезен — стволы деревьев поглощают удар. Услышав о нападении, я выехал к месту засады — следовало разобраться. Разбой близ Оули! Я осмотрел поле боя и тела убитых. С них сняли одежду, и я видел раны. Некоторые наемники пали от стрел. Это работа высокородной Люсиль. В кортеже лофа только она была с луком. А вот тела остальных пробиты насквозь. С такой силой, что вырывало куски мяса и обломки костей. Стрела так не сделает.

— У чужака много оружия?

— Сказал, что мало. Более того, к нему негде взять стрелы. Их делают только в его мире.

— Жаль, — покачал головой Архиль. — Что можешь сказать о нем самом? Кроме того, что красив?

— Умен и образован. Говорит по-оркски и иль. Не совсем уверенно, впрочем. Учился у управляющего. Держится с достоинством, явно из высокородной семьи. Об этом говорит и его имя — Иль-Ин.

— Как?!

— Иль-Ин. Сказал, что в его мире таких имен много.

— Нам не хватало только потомков богов! — всплеснул руками Архиль. — И что теперь делать? Ехать к Гонсей и поклониться ему в ноги?

Рексиль смутился. "Испугался, — понял Архиль. — Он превысил свои полномочия, утвердив чужака лофом, и боится наказания. Зря..."

Архиль глянул на воеводу. Тот укоризненно качал головой.

— Ты все сделал правильно, Рексиль! — сказал король. — Я утверждаю назначение Иль-Ина.

— Чужак просил даровать титул высокородного своему управляющему! — выпалил наместник. — Для этого и преподнес в дар адаманты.

— Тот лишен Дара?

— Да, ваше величество! Но родители высокородные.

— Это не по Закону.

— Можно сделать исключение, — вмешался Лодорк.

— Да? — огрызнулся король. — А что будет дальше, знаешь? Ко мне хлынут просители. И каждый будет трясти грамотами, подтверждающими происхождение.

— А ты предложи им заплатить адамантами, — хмыкнул Лодорк. — По пять штук за титул. И все дела.

— Хм! — король улыбнулся. — А это мысль.

— Пользуйся! — ухмыльнулся Лодорк. — У меня их много.

Король погрозил ему кулаком.

— Я доволен тобой, Рексиль! — сказал наместнику. — Ты заслужил награду. Чего хочешь?

— Я десять лет в пограничье...

— Хочешь в столицу? — улыбнулся Архиль. — Жить при дворе, общаться с красавицами? Я прав?

Рексиль смутился.

— Ты заслужил, — продолжил король. — Но вот что скажу. Ты в пограничье не потому, что я недоволен тобой. Наоборот. Ты лучший из наместников.

Лицо Рексилья вытянулось. "Испугался, что оставят!" — понял Архиль.

— Но я выполню твою просьбу — к следующей зиме. Объясню, почему. Мне не нравится тишина на границе. Не верю, что зурги передумали нападать на нас. Думаю, копят силы. Они не откажутся от войны. Дело не в хлебе, который им приходится покупать, хотя и в нем тоже. У них нет Источников. Поэтому и напали на Гаць. Без камней в войне победить нельзя, они это понимают. Наши лучшие Источники — в пограничье. Так что зурги придут. Возможно, уже следующим летом. Мне нужен наместник, который не потеряется, и примет меры. Подготовит отпор, вызовет подкрепление. То есть — ты. Но я выполню твою просьбу. К будущей зиме переберешься в столицу. Получишь должность и награду. Скажем, э-э... пятьсот золотых!

— Благодарю, ваше величество!

Рексиль вскочил и отвесил поклон. Король сделал знак, и наместник удалился.

— Что скажешь? — спросил Архиль.

— Потрясен твоей щедростью! Целых пятьсот золотых! Цена адаманта.

— Казну нужно беречь, — не смутился Архиль. — Рексиль счастлив.

— И будет славить тебя на перекрестках.

— А в глаз? — поинтересовался Архиль.

— Давай! — оживился Лодорк. — Давно не бились.

— И я буду ходить в синяках? Вот! — Архиль скрутил кукиш^[10]. — Хватит, что ты меня в детстве бил.

— Но это пошло на пользу, — ухмыльнулся Лодорк. — Ты быстро схватывал. Помнишь, как веселились в харчевнях? Вдвоем против десяти? И ведь выносили!

— После чего меня секли, — сварливо сказал Архиль. — Чтоб не ронял достоинство, ввязываясь в драку со швалью. А вот тебя не трогали.

— Я же не принц, — хмыкнул Лодорк. — Мне можно.

— Но подзуживал меня ты!

— Сам лез! Нельзя было удержаться. Петушок!

— Ты это потише! — сказал король. — Слуги услышат.

— И без того знают, — улыбнулся Лодорк. — Между прочим, гордятся. Приятно служить королю, который бил морды оркам.

— Иль тоже, — уточнил Архиль. — Когда разбирать их было? Ты лучше скажи: как быть? Этот молодчик разбрасывает мои адаманты направо и налево.

— Твои? — удивился Лодорк.

— Все, что в королевстве, мое.

Лодорк выразил сомнение гримасой.

— Хочешь отобрать?

— Не думаю, что это легко, — вздохнул Архиль. — Во-первых, как? Послать войско? Не поймут. Этот Иль-Ин может славно встретить. Помнишь про холм? Скрыть его наполовину Кулаком... А еще это его оружие... Предложить ему продать камни?

— Денег жалко, — усмехнулся Лодорк.

— Что сделать, чтобы отдал сам? — продолжил Архиль. — А, мудрец?

— Съезди к нему.

— Король — к лофу? Ты в своем уме?

— Зачем к лофу? В Оули. Король может прибыть в пограничье проверить готовность войск. Устроить смотр. Сам говорил, что не нравится тишина на границе. Мне, кстати, тоже. Прикажи наместнику весной собрать воинов лофств. Обычное дело перед войной. Оценим выучку, заодно познакомимся с чужаком. Посмотрим, какой он выделки. Поговорим.

— И в кого ты такой умный?

— В родителей. Помнишь их?

— А то! У вас мне было лучше, чем дома.

— У нас тебя не секли, — усмехнулся Лодорк. — А мне попадало.

— Зато во дворце не трогали, — хмыкнул Архиль. — Поэтому ты любил бегать к нам. Хорошие были времена! — он вздохнул уже в который раз. — Я их часто вспоминаю. Постарел, наверное.

— Мы с тобой еще о-го-го! — не согласился Лодорк. — Так прислать хумми?

— Сколько она берет?

— Тебе будет скидка, — успокоил Лодорк. — Я договорюсь...

Если в Оули Люсиль жаловалась на скуку, но в Гонсее она о ней забыла. Слишком бурной и необычной оказалась жизнь в лофтстве.

С дороги ее отвели в баню. Предусмотрительный Куворк заранее отправил в замок гонца, так что к прибытию обоза ее истопили. Поначалу Люсиль приняла баню за обычную мыльню. Но когда ее привели в раскаленную печкой комнату, освещенную тусклой лампой, уложили на деревянный топчан и начали хлестать вениками... Люсиль пробовала возмутиться, но служанки объяснили, что так нужно, и этот обычай завел молодой лоф. Сам он большой любитель "парной"... Люсиль выдержала эту пытку. Не испугалась даже погружения в бочку с холодной водой. После "парной" ее вымыли, облачили в чистую рубаху и оставили в боковой комнате, где находился стол и две лавки. Перед этим сунули в руки кружку пива. Этим напитком Люсиль брезговала, но после бани томила жажда, и она отхлебнула. Затем, подумав, приложилась еще. Хм, неплохо! Легкая горечь освежает рот, тело переполняется благодушием. Люсиль не заметила, как опорожнила кружку до дна.

За этим занятием ее застали Антон. Его сопровождала молоденькая служанка.

— Попарилась? — спросил Антон.

— Да, — кивнула Люсиль.

— И как?

— Хорошо! — не стала лукавить девушка.

— А теперь мы.

Лоф скрылись в предбаннике. Служанка осталась.

— Ты здесь зачем? — поинтересовалась Люсиль.

— Тереть спину господину.

"Вот как? — подумала Люсиль. — Ладно. Разберусь..."

— Принести еще пива? — спросила служанка. — Или помочь одеться?

— Сама! — буркнула Люсиль.

Сунув ноги в сапоги и накинув шубу, она вышла во двор. Здесь царило столпотворение. Носились слуги, мычали коробки, блеяли овцы, повар с помощником тащили в угол упирающуюся свинью. Их намерения были написаны на лицах. Свинья, чувствуя это, отчаянно верещала. Люсиль не стала смотреть на этот бедлам и прошла в дом. Там служанка отвела ее в предназначенную для высокородной комнату. Люсиль осмотрелась. Большая кровать с балдахином, тяжелый стол с лавками, сундук для одежды. Из окна с мутными стеклами струился мягкий свет. Комнату недавно вымыли, отчего в ней стоял запах свежести.

— Кто здесь жил? — спросила Люсиль.

— Прежний лоф.

— А Иль-Ин?

— Ему не нравится здесь. Сказал, что комната слишком "барская", — орчанка выговорила это по слогам. — Он спит в дальней комнате. Та совсем маленькая. Но лоф говорит "нормальный кубрик для одного", — служанка улыбнулась. Было видно, что значения слова "кубрик" она не знает, но произносит с удовольствием.

— Как тебя зовут? — спросила Люсиль.

— Суорк.

— В обозе мои вещи, Суорк.

— Их уже принесли, госпожа, и я сложила их в сундук. Прикажете разобрать? Или желаете перекусить? Общий обед будет не скоро — пока готовят.

"А она сообразительная, — отметила Люсиль. — Стоит приблизить". Своих слуг в Гонсей она брать не стала — ни к чему. Энтон сказал, что в замке их много.

— Неси перекусить, Суорк. Вместе поедим.

Служанка унеслась. Обрато вернулась с подносом. На нем стояли блюда с нарезанной ветчиной, хлебом, копченой рыбой, сыром, а также — кувшин пива и кружки. За стол с высокородной Суорк села без уговоров, из чего Люсиль сделала вывод, что нравы в замке простые. Они с аппетитом перекусили и стали болтать. Суорк рассказывала охотно, чему в немалой степени способствовали подаренные ей гильзы. Их собрали в лесу, где Люсиль с лофом уничтожили наемников. Энтон объяснил ей, что это такое, показал снаряженные стрелы, которые назвал "патронами". Сообщил, что "гильзы" представляют ценность для орков, поскольку сделаны из цветного металла. Люсиль и сама это знала, поэтому выпросила пяток. Пригодились.

— Отнесу кузнецу, и он сделает мне колечко, — обрадовалась Суорк. — И серьги. Вы расскажете мне, госпожа, как лоф убивал разбойников? Все только об этом и говорят, но никто толком не знает. Не видели.

— Расскажу! — пообещала Люсиль. — Но сначала ты.

Суорк не заставила себя упрашивать. Люсиль слушала ее, время от времени задавая наводящие вопросы. И в короткое время выяснила многое.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лофа в замке любили. Это выглядело странным. Энтон в Гонсее всего ничего. Но Суорк говорила о нем с восторгом. Новый господин не походил на предыдущего. Гайорк был заносчив и груб. Отвешивал затрецины и пинки, со служанками тешил похоть. А вот Иль-Ин другой. Никого не ударил и не обругал. К слугам ласков, благодарит их за оказанную услугу. Невиданное дело! В тоже время назвать лофа мягким нельзя. Он строг и не прощает провинностей. Как-то конюх ушел в запой. Достал где-то браги и пил до помрачения. Из-за этого кони остались не обихоженными. Лоф велел его высечь. При этом сказал странные слова: "Лучше бы на "губу"^[11], но ее здесь нет". Что такое "губа", Суорк не знала. Подозревала, что это какой-то особо зверский вид наказания. Женщины в замке сошлись во мнении, что розг пьянице мало. Он, охальник, еще и подолы служанкам пытается задирать.

Люсиль расспросила насчет подолов. Суорк сообщила, что с этим строго. Прежний лоф с его воинами тащили служанок в постель. При этом не заботились одарить девушку за оказанную услугу. Высокородный Иль-Ин запретил "блядство". Сказал, что, если кому-то из мужчин нравится служанка, то пусть женится. Женщины не против. Только женихи не спешат. Говорят, что они распутные. Как будто лезли в постель прежнего лофа и его воинов по доброй воле.

При этих словах Суорк вздохнула.

— В бане я видела служанку, которая заявила, что трет спину лофу, — сказала Люсиль. — Кто такая?

— Нулок, знахарка. Бабка у нее травница, обучила внучку. Они потомки пришлых. Из всех жителей Гади только они знают их язык, вот лоф и приблизил ее к себе. Взял в замок. Девчонка задрала нос, считает себя выше других, — Суорк скривилась. — Дескать, она честная в отличие от других. А сама липнет к лофу и мечтает пробраться к нему в постель.

Зря старается. Чем она может господина привлечь? Ни груди, ни задницы. Есть куда лучше, — Суорк расправила плечи, выставив бюст вперед. Тот и вправду производил впечатление. — Да стоит лофу пожелать...

— А он не желал? — поинтересовалась Люсиль.

— Молчит, — вздохнула Сорк. — Хотя по глазам видно: хочет. Может, там, в его мире, со служанками нельзя? Так он теперь здесь. Мы бы обрадовались. И подарков не просили бы. С таким-то...

Суорк подняла глаза к потоку.

— Как там обед? — спросила Люсиль, чтобы закрыть тему. Продолжать ее не хотелось.

— Узнаю! — пообещала Суорк.

Она встала, собрала посуду и удалилась. Люсиль, оставшись одна, погрузилась в размышления. То, что она узнала сейчас, с одной стороны радовало. Энтон достоин стать ее мужем. В этом она уверилась после боя, а рассказ служанки только укрепил в этом мнении. Оставалось воплотить намерения в жизнь. Иначе кто-то успеет запрыгнуть лофу в постель. Эта мысль привела Люсиль в бешенство. Она даже стиснула кулаки. Он ее и ничей больше! Но как дать ему это понять?

Придумать не получилось, и Люсиль отложила решение на потом. Тем более что вернулась Суорк и позвала к столу. А потом и вовсе навалились дела...

* * *

Первые дни прошли в сплошных хлопотах. Во-первых, в прежнее помещение для воинов (Энтон назвал его "казармой") новобранцы не поместились. Пришлось освободить склад и готовить его для проживания. Сделали быстро. Прежний лоф хранил здесь зерно. В связи с сокращением подати склад практически опустел. Оставшиеся мешки перетащили в другое помещение. На переделку ушло несколько дней. Собранные из деревень плотники прорубили в стенах окна, настелили полы, сколотили "мебель". Так Энтон назвал топчаны, столы и лавки. Все это время "лишние" воины ночевали в господском доме, что добавляло в нем бедлама.

Второй задачей стало обмундирование новобранцев. Свезенные из деревень швеи и сапожники с утра до вечера щелкали ножницами, махали иглами и стучали молотками по "лапам". Люсиль удивило желание лофа одеть воинов в одинаковую одежду. Ладно бы покрой, так еще и цвет! В Руме подобного не водилось. "Так будет лучше", — ответил Энтон. Люсиль спорить не стала. Хочется ему — пусть. В конце концов, это его войско.

А вот желание Антона влезть в процесс обучения ее возмутило.

— Что значит "строевая подготовка"? — бушевала она. — Почему хочешь начать с нее?

— Потому что они ходят, как салабоны, — ответил Энтон. — Никакой выправки. Не воины, а стадо. Они должны уметь передвигаться в строю, чувствовать плечо товарища и, не задумываясь, выполнять приказ командира. Обучу — увидишь.

После долгих споров договорились. До полудня Антон гоняет половину новобранцев на "плацу". Люсиль тем временем учит других обращению с оружием. После обеда меняются.

Энтон, как считала Люсиль, чудил. Ладно, одеть воинов в одинаковую одежду. Но зачем каждому нижние рубахи и штаны? А простыни поверх набитых сеном матрасов? Где это воины спят на простынях? Они, что, высокородные?

— Воин должен раз в семь дней мыться в бане со сменой нательного и постельного белья, — ответил Энтон. — Тогда у него не будет вшей, и он не станет болеть.

— Мыться достаточно раз в месяц, — не согласилась Люсиль.

— Пусть будет раз в десять дней, — уступил Энтон. — Но умываться, чистить зубы и мыть ноги ежедневно.

Еще он потребовал обучить воинов грамоте. Это вообще блажь. Зачем воинам читать и писать? Но Люсиль спорить не стала. Просвещать воинов не ее забота. Учителем назначили Вилорка — тощего новобранца, которого она хотела забраковать. Вот пусть и мучается!

Потекли будни. С утра до вечера во дворе раздавалось: "Равняйся! Смирно! Шагом — марш! Песню — запевай!" За стенами, куда выводили учить оружие, команды звучали другие: "Копья — наизготовку. Щитами закрыться. Коли! Шаг вперед!.."

Раз в декаду воинам объявляли выходной день. Занятия отменяли. Новобранцев вели в баню (срубили специально для них), после чего угощали пивом. И обед был праздничным: жареное мясо, вареные яйца, пшеничный хлеб и коровье масло. Отдыхали и командиры. В первый такой день Люсиль попросила Антона ей оружие из его мира. Тот согласился. Они навьючили на лошадей тюки, сели в седла и направились в недалекий овраг.

Антон продемонстрировал ей все: пулемет, автомат, винтовку и пистолет. Оружие пришлых производило впечатление. Кулак бьет сильнее, но с близкого расстояния. Пока подойдешь, пулемет наделает в тебе дыр. Что пулемет! Даже небольшой пистолет с этим справится, если закрепить его на деревянном футляре. Про винтовку и говорить нечего. Из нее можно убить даже предводителя войска за пятьсот шагов. Это внесет панику в ряды противника. Обладая таким оружием можно выиграть сражение с превосходящим по численности врагом. Люсиль вздохнула, вспомнив битву, в которой погиб отец. Будь у них пулемет!

— Почему не учишь воинов стрелять? — спросила Антона.

— Рано, — ответил он. — Только грамотный солдат может освоить пулемет, да и то не каждый. Присмотрюсь и выберу лучших. И учти — у нас мало патронов. Хватит на один бой, от силы — на два.

"Иногда и один бой может повернуть войну, — подумала Люсиль. — Разбей мы зургов, они бы закаялись ходить в Рум".

Она захотела пострелять. Опробовала винтовку, пулемет, автомат. Более всего ей понравился пистолет. Может, от того, что Антон, показывая, обнимал ее со спины, помогая правильно держать оружие и целиться.

— Хочу такой! — сказала Люсиль, когда урок закончился. — Продай! У тебя два, а я не поскоплюсь.

— Не могу, — покачал головой Энтон. — Оружие казенное. У нас оно на строгом учете. За разбазаривание спросят. Воинам выдают его во временное пользование.

"Он надеется вернуться в свой мир!" — догадалась Люсиль. Эта мысль уколола ее в сердце.

— Так дай мне во временное пользование, — предложила, мгновением погодя. — Я сохраню.

— Хорошо! — согласился Энтон.

Люсиль обрадовано сунула АПС в футляр и перебросила ремешок через плечо. Оставив в овраге расстрелянные мишени, они воротились в замок. Перекусили, почистили оружие, после чего направились в баню. Вернее, сначала пошел Антон. Предполагалось, что Люсиль

сменит его по возвращении. Но вышло иначе. Увидев знахарку, побежавшую к бане, Люсиль ощутила гнев. Сколько это может продолжаться? С кем у Энтона вышло Единение — с Люсиль или с простолюдинкой? Пора положить этому конец!

Накинув шубу, Люсиль решительно двинулась к бане. Знахарка нашлась в комнате со столом. Сидела, сжимая мочалку в руке.

— Дай! — Люсиль схватилась за мочалку.

Знахарка вцепилась в нее обеими руками.

— Это моя! — закричала отчаянно. — Я тру лофу спину.

— Больше нет! — рыкнула Люсиль. — Теперь буду я.

— Лоф назначил меня.

— Я его жена, — Люсиль выпустила мочалку и подбоченилась. — Мы с ним окропили кровью камень Силы. Иль-Тек принял жертву, даровав нам Единение. Я чувствую его, как себя. А ты можешь?

— Нет, — ответила знахарка и разрыдалась.

Люсиль почувствовала себя неловко. По уму следовало наглую простолюдинку прогнать, но не поворачивался язык. Слишком горько и искренне та плакала. Поколебавшись, Люсиль села рядом и обняла знахарку.

— Он очень хороший, — проговорила та, всхлипывая. — Я его сразу полюбила — как только увидела. Надеялась, что он захочет меня. Хотя бы в наложницы. А он...

Она залилась слезами. "Его многие хотят", — подумала Люсиль, но вслух говорить не стала. Только отерла ладошкой слезы со щек девушки. Та шмыгнула носом.

— Вы очень красивая, госпожа! — сказала, вздохнув. — Потому он и выбрал вас. А я...

— Ты тоже красивая! — возразила Люсиль. — Воины на тебя заглядываются. Любой возьмет в жены.

— Но это будет не лоф, — вздохнула знахарка. — Простите меня, госпожа! Я вела себя неподобающе.

Она встала и, сгорбившись, вышла. Люсиль подобрала выроненную Нулорк мочалку и направилась в предбанник. Там разделась и шагнула в парную.

— Кто там? — спросил лежавший на полке Антон. — Ты, Нулорк?

— Я, — сказала Люсиль. — Не захотела ждать.

— Вот и правильно, — одобрил он и встал с полки. — Проходи! Попарю...

Он отхлестал ее веником. Правда, бил бережно, щадя. Люсиль это *чувствовала*. Затем они посидели в бочке с водой и стали мыться. Люсиль потерла спину ему, он — ей. Было приятно. В мыльной лампы светили ярче, и Люсиль разглядела тело суженого. Оно оказалось лучше, чем ей думалось. Стройное, крепкое, с округлыми мускулами, которые мягко скользили под кожей. Энтон тоже воспользовался моментом.

— У тебя красивое тело, — сказал, натирая ей спину щелоком. Делал он это почему-то руками. — И сильное. Ни капли жира.

— Ваши девушки не такие? — спросила Люсиль.

— Не видел их бане, — ответил Антон. — У нас не принято мыться вместе. Но на пляже смотрел. Они... более пухлые.

— Тебе понравились?

— Не знаю, — ответил он, — не задумывался. Внешность не главное. Мой отец худой, мать была полной, но это не мешало им жить дружно.

— Они заключили брак по любви?

— Конечно! — удивился он. — У нас все женятся так. Ну, или почти все. Как жить вместе, если нет любви?

"А у нас живут", — хотела сказать Люсиль, но не успела. Антон окатил ее из ведра. Люсиль взвизгнула от неожиданности. А он, поставив ведро, принялся вытираться полотенцем. Люсиль присоединилась. Не просить же его продолжить гладить ей спину. Хотя хотелось.

Ужинали они вдвоем. Куворк поел раньше и ушел спать. В этот день повар расстарался. Запеченная на углях курица, рассыпчатая каша, нежный творог, свежий, еще горячий хлеб — все это поглощалось молодыми людьми с удовольствием. Еду запивали вином. В замке его мало — стоит дорого, ну, так сегодня выходной день, можно позволить. Насытившись, Люсиль откинулась на спинку лавки, Антон сделал тоже самое. Они встретились взглядами и рассмеялись.

— Жить, как говорится, хорошо! — сказал Энтон, и Люсиль с ним мысленно согласилась. Ей и в самом деле замечательно. Но хотелось лучше.

— Как у вас женятся? — спросила Люсиль.

— Идут в ЗАГС. Это место, где регистрируют брак. Затем садятся в автомобиль и едут по памятным местам.

Люсиль кивнула. Автомобиль Антон ей показывал и даже покатал немного. Удобная повозка, но конь лучше. Он живой в отличие от мертвого железа. И ест сено, а не какой-то бензин, которого здесь нет.

— Затем свадьба, — продолжил Энтон. — Собираются родственники, друзья молодых. Пьют, закусывают, танцуют. Молодоженам кричат "Горько!"

— Зачем?

— В ответ те целуются, дескать, им сладко. Обычай.

— У нас похоже, — сказала Люсиль. — Только идут в храм, где жрец прокалывает молодоженам пальцы, и те орошают кровью камень Силы. Затем накрывают его ладонями. В этот миг происходит Единение.

— Как у нас с тобой? В лесу?

От неожиданности Люсиль растерялась. Он знает?

— Я спросил Куворка после того случая, — пояснил Антон. — Он объяснил. Еще сказал, что Единение между супругами происходит очень редко.

— И ты молчал?!

— А что было делать? — вздохнул Антон. — Я не знал, как к этому отнестись. Все произошло случайно. И ты молчала.

— Я стеснялась.

— И я.

Они замолчали. Только поглядывали друг на друга.

— А ты... — решила Люсиль. — Если б мы встретились в твоём мире... Позвал бь меня в ЗАГС?

— Да! — кивнул он.

— Я бы пошла, — сообщила Люсиль. — С радостью.

— В ромашках спряталась, сняла решительно. А он, дурак, не попросил, — пробормотал по-русски Антон. — Какой же я идиот!

— Что? — спросила не понявшая Люсиль.

— Мы с тобой глупо теряли время, — ответил Антон.

Люсиль расплакалась. Неожиданно и очень горько. Она не плакала даже когда убили отца. Но там все было понятно. А здесь... То, что казалось таким сложным, оказалось простым. Следовало лишь спросить. А они теряли время...

Сильные руки подняли ее с лавки. Затем усадили на колени и прижали к себе. Из-за этого Люсиль разрыдалась еще пуще и уткнулась лицом в его грудь.

— Ну, что ты, маленькая, — бормотал Энтон, глядя ее по спинке. — Птичка моя робкая. Зачем же плакать? Все хорошо...

Люсиль никак нельзя было назвать маленькой, и уж, тем более, робкой. Не говоря про птичку. Но сейчас ей хотелось быть слабой и беззащитной. Лишь бы он продолжал гладить и обнимать ее, шепча ласковые слова.

Сильные ладони нежно охватили ее голову и оторвали от груди. Прямо перед собой она увидела его глаза.

— Горько! — сказал Энтон.

В следующий миг теплые губы коснулись ее губ. И это оказалось так сладко! Люсиль ощутила, как его Сила перелилась к ней, а она отправила ее обратно. Так продолжалось долго. Это переливы несли неведомое ранее наслаждение, и Люсиль внезапно подумала, что соединись они еще в одном месте, Сила могла б не переливаться, а циркулировать в их телах, Тогда наслаждение стало бы долгим и еще более сладким. Наверное, Энтону тоже пришла в голову эта мысль. Он встал и, не спуская Люсиль с рук, понес в спальню. В ту, где стояла большая кровать.

Вилорк провел дощечкой по одеялу и отступил на шаг, оценивая. Отлично! Одеяла на топчанах лежат ровно, как будто их прибили. Подушки сверху — как по шнурку. Смотреть приятно.

Заправлять постели их научил лоф. По его повелению плотник сделал специальные дощечки, которыми и разглаживали одеяла. Поначалу новобранцы недоумевали: зачем? Лоф объяснил, что в войске должен быть порядок. В одежде, в помещении (лоф называет его "казармой"), в поведении, отношении к воинскому делу. Что стоит в чем-то отступить, как порядок рушится. Поэтому в казарму теперь приятно зайти. Воины ходят чистые и аккуратные. Одежду стирают сами. Когда кто-то заметил, что стирка — женское дело, лоф нахмурился.

— А где в походе взять женщин? Кто станет вам стирать? Будете ходить грязными? Так заболите. А если не дай бог рана, грязь с одежды попадет в нее. Она воспалится. Можно умереть даже от пустяковой царапины. Воин должен уметь все.

В доказательство лоф велел принести ведро теплой воды, стащил с себя рубаху и постирал ее на глазах у всех. При этом показывал, как это делать правильно. Было видно, что ему не впервой. Тут даже самые недовольные умолкли. Если высокородный сам стирает одежду, что говорить селянину?

Лоф у них необычный. Лично будит воинов. Приходит в казарму еще засветло и кричит: "Взвод, сорок пять секунд — подъем!" и глядит на маленький артефакт на запястье. Вилорк, улучив момент, тот рассмотрел. Под прозрачным стеклом — крошечные стрелочки, которые вращаются над кружком со значками. Лоф пояснил, что это устройство для измерения времени. Самая маленькая стрелка показывает часы, та, что больше, — минуты. А самая длинная — секунды. Рассказал, что представляют собой эти меры времени. С часами понятно, они и в Руме есть. Только исчисляют время с помощью Светила. Поэтому летом часы длиннее, зимой — короче. Минута — шестидесятая доля часа, секунда — минуты. Все просто и сложно одновременно. Лоф объяснил, что секунда равна удару человеческого сердца, когда тот лежит или сидит. Во время работы или при беге сердце бьется чаще. Ну, это и селяне знают.

Вилорк предположил, что такой артефакт стоит груды серебра, купить могут немногие. На что лоф ответил, что в его мире "часы" есть у каждого. Даже у детей — чтоб не опаздывали в школу. Что такое "школа" лоф тоже рассказал. Воины только повздохали. Это же надо — десять лет учиться! Такое могут позволить себе богачи. Дети селян с малых лет помогают родителям.

Воинов лоф не только будит. После подъема, строит их во дворе и начинает "зарядку". Орки машут руками, приседают и достают кончиками пальцев носки сапог. И неважно, какая стоит погода. Мороз, снег — без разницы. Потом — пробежка, причем, лоф ее возглавляет, умывание и чистка зубов. Лоф показал, как это делается и объяснил, для чего нужно. Теперь два раза в день воины натирают зубы мелом с помощью влажной тряпочки. Непривычно, зато улыбки стали красивыми, и из ртов перестало вонять. Приятно.

В столовую воины идут строем, при этом поют. Лоф написал слова, и Вилорк разучил песню с воинами. Слова легкие, запоминаются легко. Песня воинам очень нравится. Душевная.

Болтаться по двору воинам запрещено. Передвигаться следует бегом или же в строю. Ох, и намучились новобранцы с этим строем. Многие понятия не имели, какая рука или нога у них правая, а какая — левая. Селянину это без нужды. Но выучили. Лоф приказал привязать к левым ногам пучок сена, к правым — соломы. Так и командовал в первое время: "Сено — солома!" Потом объяснил, что такое придумал их знаменитый полководец Су-Вара. Он жил давно, в то время селяне тоже не знали, где лево, а где — право. Умный был этот Су-Вара, что говорить. Орки мгновенно запомнили — они же из деревень. Сейчас про левую руку говорят "сенная", а про правую — "соломенная". Лоф, когда слышат, смеется.

Впрочем, болтаться по замку воинам некогда. Заняты с рассвета и до заката. Ходят строем, занимаются на "спортивных снарядах". Так лоф называет перекладину на двух столбах, бревно на ножках, стенку из жердей и прочие приспособления. Воины учатся их преодолевать. Поначалу смеху было! Лоф вышел к перекладине, показал, как подтягиваться, делать выход силой и подъем переворотом. Приказал повторить. И выяснилось, что орки ничего не умеют. Нет, они не слабые, но чтобы вот так ловко... Ничего, научились. Даже Вилорк. Хотя поначалу висел на перекладине, как сопля на веревочке. Теперь подтягивается пятнадцать раз, переворот делает и выход силой. Руки стали сильными, мускулы — железными. Для укрепления их лоф придумал особое соперничество. Надо сесть за стол напротив друг друга, поставить руку на локоть, сцепить ее с ладонью соперника и попытаться прижать его кисть к столу. Забава понравилась. Теперь это любимое развлечение воинов. Вилорк в ней тоже участвует. Некогда был последним. Все над ним смеялись, но теперь примолкли. Посмейся, когда твоя рука припечатана к столу!

Но самое трудное — "марш-бросок". В полном вооружении — копьё, щит, панцирь, тесак — нужно пробежать пять меанов и при этом не отстать от лофа. А тот трусит впереди. Копья и щита у него нет, как и панциря. Но... Его железный "автомат" за спиной весит немало. Подсумки с патронами не легкие. Откуда Вилорк знает? Это тайна. Кроме высокородных, в нее посвящены только два орка. Их лоф учит обращению с оружием пришлых. Сказал: "Вы самые грамотные, поэтому сможете". И они освоили. Пулемет, автомат и даже винтовку. Правда, с последней не получилось. Не удастся попасть в мишень за пятьсот шагов. Ну, так и расстояние немаленькое. Стрелу придется два раза пускать. Лоф сказал: "Буду сам!", и винтовку отобрал. Не страшно. Пулемет Вилорку нравится больше. С ним он чувствует себя сильнее магов. Те запускают Кулак с расстояния в сто шагов, редко больше. Вилорк с трехсот превратит их в решето.

Владеть обычным оружием учит высокородная Люсиль. У нее не забалуешь! Получить палкой за нерадение или лень от нее как чихнуть. Спрашивает строго. Зато теперь некогда неуклюжие селяне лихо управляют с копьем и щитом. Ловко бьют тесакими. Конный взвод — лоф называет его "эскадрон" — умело атакует в строю и рубит мечами. Вилорк видел их упражнения. Стоят соломенные чучела. Всадник подлетает к нему — и копьем! Затем бросает его, скачет к следующему — и мечом! Только солома летит! Поначалу чучела просто стояли. Затем Люсиль повелела сделать их подвижными. Бежит орк, а над ним чучело на колу. Всадник догоняет и бьет копьем. По чучелу, конечно, а не по орку. При этом бегущий старается увернуться. Попробуй попади! Но ничего, наловчились.

Учиться трудно, но орки довольны. Кормят как на убой. Каждый день — мясо. В своих деревнях они его раз или два в году пробовали. Спят воины, словно высокородные, на простынях. Каждых десять дней — баня. Помылся, постирался... Кстати, простыни и наволочки с подушек стирают женщины — здесь лоф сделал послабление. Простыни варят в

котлах, добавляя льняное масло. Они приятно пахнут. Служанок в замке хватает. Раньше держали для забав, но лоф это запретил. Предложил женщинам вернуться с деревни. Отказались. Кто променяет сытую, легкую жизнь на труд в поле? Вот лоф их и пристроил. Суется с утра до вечера: стирают, полощут, развешивают простыни на веревках. Другие убирают в доме, моют, чистят, шьют. Лоф каждому найдет занятие. Но никто не в обиде, в том числе воины. В выходной день всем дают пиво и праздничную еду. Таковую, какой и не пробовали. И деньги платят — чешуйку в месяц. Немного, так на всем готовом. Деньги тратить негде, и они копятся. Год минет — и у тебя серебряк. С ним ты — богач, в деревне сосватаешь любую. Родители с радостью отдадут. Быть женой воина — это не в поле горбиться. Веди дом и рожай детей — только и делов. Не жизнь, а сказка.

Вилорк вздохнул. Его товарищи рассказывали о своих девушках, хвалили их красоту, а он отмалчивался. Сказать нечего. В замке отца-лофа им брезговали даже служанки. Тощий, нескладный... Теперь он другой, и появилась девушка, к которой лежит сердце. Но она не замечает его.

Вилорк вздохнул и вытащил на середину казармы ведро с водой. Бросил в него тряпку, поболтал, отжал. В обязанности дневального входит уборка казармы. Полы моют ежедневно. Удивительно. В замке отца Вилорка убирали реже. И это в господском доме. Про казарму, где жили воины, и говорить нечего. Мусор, вонь... Хорошо, если служанка раз в месяц подметет. Но они туда не рвались. Тяжело, да и воины норовят задрать юбку. Посылали в наказание...

— Помочь?

Вилорк обернулся и от неожиданности уронил тряпку. Нулорк! И как только подошла незаметно? Хотя чему удивляться? Походка у девушки легкая, и сама она воздушная... Так бы и понес на руках!

— Язык проглотил? — засмеялась Нулорк.

Вредная! Видит, что он вздыхает по ней, и издевается. Девушки, они такие. Парни рассказывали...

— Кто ж так моет? — Нулорк подняла тряпку и бросила ее на порог. — Только грязь размажешь. Учись!

Она вылила воду на пол, бросила в лужу "голик" — старый веник из прутьев, который с собой принесла — и наступила на него подошвой сапожка. Зашаркала голиком по полу. Из-под слоя грязи показались желтые доски.

— Принеси воды!

Вилорк схватил ведро и выбежал. Носить воду пришлось не раз. Зато пол отмыли до желтого цвета. Таким он был, когда заселялись. Лоф обязательно похвалит — ему нравится чистота. Положив тряпку у порога — пусть воины ноги вытирают, нечего нести грязь в казарму! — Вилорк отнес ведра и вернулся. Нулорк не ушла. Сидела на лавке, загадочно на него поглядывая. Вилорк потоптался и примостился напротив.

— Устал?

— Совсем нет, — ответил Вилорк. — Не трудно. Только мыть не люблю.

— А мне нравится, — сказала Нулорк. — Стирать, наводить чистоту, пулемет чистить.

— Пулемет и мне нравится. Но стрелять интереснее.

— Это — да! — согласилась Нулорк. — Как думаешь, будет война?

— А к чему нас готовят? — хмыкнул Вилорк.

— Я б этих зургов! — Нулорк сжала кулачки. — Мерзкие жабы! Напали на Гаць, хотели

убить бабушку. Меня — изнасиловать.

— Им удалось? — встрепенулся Вилорк.

— Не успели. Иль-Ин убил их. Из автомата.

Нулорк вскинула ладони перед лицом и свела их в линию, показывая.

— Из автомата и я бы смог.

— Я — тоже. Только у нас его не было. Повезло, что господин появился вовремя.

Вилорк кивнул — повезло. Если б Нулорк изнасиловали, ему было бы неприятно.

Очень.

— У тебя есть родители?

— Мать, — ответил Вилорк. — Отец умер.

— А у меня только бабушка. Старенькая уже — за пятьдесят.

— Она учила тебя языку пришлых?

— Да, — кивнула Нулорк. — Читать и писать. А тебя кто? Ты даже иль знаешь.

— Отец.

— Кем он был?

Вилорк замялся. Сказать? Узнают воины, замучат насмешками. Сын лофа моет полы!

Девушка смотрела в упор.

— Мой отец — высокородный иль. Мать — служанка.

— Так ты наполовину высокородный?

— В том-то и дело, что наполовину, — вздохнул Вилорк. — Рожден не в браке, Дар не унаследовал.

— Я так и знала! — сказала Нулорк. — Ты не похож на других. Высокий, стройный, красивый. Умеешь читать и писать, воинов этому учишь. Господин тебя отмечает. Хочет поставить командиром взвода.

Вилорк на мгновение онемел. "Взводом" лоф называл три десятка пехотинцев. Конные составляли "эскадрон", и у них был командир. Охотник, успевший повоевать с зургами, ловкий и умелый. Коней любит, а те — его. Госпожа Люсиль охотника сразу выделила, после месяца обучения тот возглавил "эскадрон". А вот у пехотинцев командира нет, хотя десятников назначили. Вилорк в их число не вошел, поэтому командиром себя считал.

— Откуда знаешь? — спросил, справившись с волнением.

— Слышала, как господин говорил с госпожой.

— Между собой они общаются на иль. Ты знаешь этот язык?

— Немножко, — смутилась Нулорк. — Но все и так понятно. "Вилорк", "командир", "взвод"... Эти слова из языка господина.

Вилорк кивнул. Лоф ввел в оборот много слов из своего мира. "Командир" и "взвод" в их числе. А еще "старшина", "каптерка", "дневальный"...

— Госпожа согласилась?

— Возражала.

— Она меня и воином брать не хотела, — вздохнул Вилорк. — Говорила:дохлый.

— Поначалу был, — согласилась Нулорк, — но теперь нет. На перекладине ты в числе первых. А бегаешь лучше всех.

"Знает!" — удивился Вилорк.

— Господин убедил высокородную, — продолжила Нулорк. — Та согласилась. Не удивительно! — девушка фыркнула. — Она ему в рот смотрит.

"Ему все смотрят, — подумал Вилорк. — Воины им восхищаются, слуги — стелятся. Ни

на кого попусту не наорал, не наказал без дела. Он с нами как с равными. Красив. Женщины от него млеют. Не удивительно, что Люсиль влюбилась".

— Красивая из них пара, — сказал вслух.

Нулорк насупилась. "Чего это она? — удивился Вилорк. — Ведь и вправду красивая".

— У тебя есть невеста? — спросила Нулорк.

Он покачал головой.

— Кто-нибудь нравится?

— Ты, — признался Вилорк. Что скрывать? И без того видит.

— И ты мне.

Он посмотрел недоверчиво. Шутит?

— Я любила нашего господина, — призналась девушка. — Только он не замечал меня, — она вздохнула. — А потом появилась эта коза...

Вилорк прыснул. Люсиль и вправду походила на козу: ловкая, прыгучая. У орков коза — животное почитаемое. Неприхотливое, ест мало, молоко дает вкусное. Да и красивое. Назвать девушку "козочкой" — похвалить. Если, конечно, девушка не из иль.

— Я поначалу переживала, а после заметила тебя, — сказала Нулорк. — И чем больше смотрела, тем больше ты мне нравился. Ты похож на господина. Такой же высокий и стройный. И умный. Возьмешь меня замуж?

— Да!

Нулорк радостно взвизгнула и перебралась к нему. Вилорк обнял девушку и чмокнул ее в щеку. Она неумело ответила. Затем уткнулась ему лицом в грудь. Вилорк гладил ее по спине и улыбался. На душе у него было светло. Кто другой, возможно, обиделся бы на сравнение с лофом, но не Вилорк. Нулок любит господина. Ну, и что? Его многие любят. Иль-Ин ему не соперник. Лоф ни за что не посягнет на его женщину. Во-первых, не такой, во-вторых, у него есть Люсиль. А та соперницу не потерпит. Нулорк будет принадлежать ему, и никому другому. Это ведь счастье, да?

* * *

Антон видел сон. Это опять были похороны генерального секретаря и даже не Андропова — Черненко. Про Андропова уже было. Похороны как две капли воды походили на предыдущие. Тот же Колонный зал с люстрами, забранными в траурную материю ("Ее, наверное, держат про запас, — подумал Антон. — Для подобных случаев"), гроб на лафете, Красная площадь, мавзолей... "С глубокой скорбью советский народ провожает в последний путь..."

Антон скорби не ощущал. Чувство, которое им владело, следовало определить, как злость. Надоело! Мало того, что генеральные секретари мрут один за другим, так ему еще на их похороны смотреть! Задолбали. Выругавшись, он проснулся.

Некоторое время он лежал, приходя в себя. В спальне стояла тишина. Только рядом посапывала Люсиль, да где-то далеко в конюшне заржала лошадь. Тоже, наверное, сон приснился. "К чему это все? — подумал Антон. — Зачем эти сны? Что это может означать?"

Суевериями он не страдал. Комсомолец, кандидат в члены партии... В то же время осознавал: видит то, что обязательно произойдет. Похороны будут. Но к чему это снится? Он стал провидцем? Наука подобное отвергает, как, впрочем, и магию. Но Антон маг. Чувствует

Силу камней, может запустить Кулаком. Исправил лицо Люсиль. Расскажи об этом в СССР — не поверят. На смех поднимут. Нимей устроен иначе. Здесь есть магия и живут расы, неизвестные на Земле. "На Земле тоже, возможно, жили, — внезапно подумал Антон. — Что мы знаем о нашем прошлом? Ведь жили некогда на юге какие-то готы, которые после исчезли. Осталось крохотное упоминание в "Слове о Полку Игореве". И никто не знает, как эти готы выглядели. Вдруг, как зурги? Возможно, наши миры не такие разные? Животный, растительный мир похож, климат — тоже. Зима — зимой, лето — как лето. Скоро год, как я здесь, — размышлять Антон. — Попал в лето, сейчас весна. Сколько всего случилось! Бои, в которых я покрошил кучу народа. Стал местным феодалом, женился..."

Антон скосил взгляд. В полумраке, который царил в спальне, на подушке темным пятном виднелась голова Люсиль. Жена... Когда Куворк объяснил, что произошло между ними в лесу, Антон испытал шок. Без него его женили!

— Вас можно поздравить, господин! — улыбнулся Куворк. — Люсиль — завидная невеста. Ее отец, Бергиль, владел огромными землями. Других детей у него не было, так что Люсиль единственная наследница. У нее очень сильный Дар. А с тех пор, как вы сделали ей новое лицо... — Куворк помолчал. — В столице женихи встали бы к ней в очередь. Но она выбрала вас.

— Уверен? — спросил Антон. — Что выбрала?

— А с чего она взяла медальон окровавленной рукой?левой, хотя сама правша. Вашу кровь на камне она видела. Маг не позволит себе такой небрежности. И еще. Я не слепой, и вижу, как она на вас смотрит.

Несколько дней по приезду в замок Антон разбирался в чувствах. Все случилось так быстро. Он не ухаживал за Люсиль, не дарил ей цветы, не водил в кино. Хотя с кино в Руме проблемы, да и цветы зимой взять негде. Но он даже стихов ей читал. И вот — на тебе! — муж.

Люсиль походила на покойную мать. Та девчонкой пошла на фронт. Служила в полковом госпитале. Не раз попадала под бомбежку и артиллерийские обстрелы. После войны окончила медицинский институт и получила распределение в Западную Украину. Ехать туда боялись даже сильные мужики, но мать не колебалась. Работала в поликлинике в Ивано-Франковске — гнезде бандеровцев. Те вскоре вышли на молодого врача. В их схронах свирепствовал триппер, лекарств не было. Главарь "провода" пришел к молодому врачу и, угрожая пистолетом, потребовал поставлять медикаменты. В противном случае пообещал девушке смерть.

Угроза была не пустой. Бандеровцы убивали учителей и врачей. Они знали, где специалисты живут. Вломиться к ним в дом или подкараулить по пути не составляло труда. Мать не испугалась. Едва страшный гость ушел, позвонила в НКВД. В поликлинику приехал майор-чекист. Расспросил девушку и предложил ей перебраться к ним в часть. Мать так и поступила. В казарме жить девушке неудобно, майор поселил ее в своей комнате. Сам перебрался в казарму.

В поликлинику молодого врача сопровождали автоматчики. Не долго. Приметы главаря, сообщенные девушкой, оказались точными. Его быстро вычислили и убили вместе с другими бандитами. Те не сдались. Можно было возвращаться к себе, но мать осталась. Ей понравился холостяк-майор, а тот не смог устоять перед красавицей-врачом.

Мать была сильной женщиной. Не боялась начальства, да и вообще никого. Могла одернуть подвыпивших хулиганов. Да так, что у тех пропадало желание связываться. При

этом она тянула на себе дом, воспитывала детей (отец пропадал в командировках), ухитряясь при этом оставаться красивой. Отец ее обожал. Антон видел, как он смотрит на мать, как старается помочь в домашних делах, как обнимает и целует при возвращении из командировки.

Люсиль выглядела гордой и недоступной. Антон не мог решиться поговорить с ней, тогда девушка сделала первый шаг...

Антон вздохнул. Сейчас он не мог сказать, хочет ли вернуться в свой мир. По отцу и сестре он скучал. Но и здесь его окружали не чужие люди. Люсиль, Куворк, обитатели замка, селяне, жившие в лофстве. Он обязался их защищать. Была еще причина. С детства Антон знал: он живет в лучшей стране. В СССР самый справедливый строй. Здесь человек в полной мере может проявить свои способности. Антон в это верил. Служба подточила его убеждения. Через границу массово ехали иностранцы на личных автомобилях. И это были не какие-то миллионеры-капиталисты, а учителя, инженеры, даже рабочие. Антон разговаривал с ними. Иностранцы охотно рассказывали о себе. Поразила Антона одна пара. Студенты-французы захотели в летние каникулы побывать в СССР. Взяли напрокат дешевый Citroen 2CV — "утенок", загрузили вещи и поехали. По пути заглянули в Вену, Бухарест... Студенты улыбались и делились впечатлениями, Антон, слушая их, мрачнел. Мог ли он, советский студент, поступить так же? Взять напрокат автомобиль, сесть за руль и отправиться смотреть мир? Ага! Ладно, прокат: автомобиль в СССР — жуткий дефицит. Но хотя бы не поезде? Самому, а не в группе, которую везут под приглядом? Ни за что! Нет у граждан СССР такой возможности. За границу их пускают неохотно, если дают путевку, то после долгих мытарств и в социалистические страны. Спрашивается, почему? Чем они хуже иностранцев? А взять нарушителей границы. Пограничникам доводили сводки. Нарушителей ловили, но... Все они бежали из СССР. В Союз никто не стремился. Взять тех же дезертиров... Они-то сволочи, и получили по заслугам, но что заставило их предать Родину? И что это за лучшая страна мира, если из нее бегут?

Все это заставляло думать. Антон вспомнил институт. В их группе учился сын секретаря ЦК КПБ. Неплохой парень, веселый и не жадный. Антон с ним дружил. Помогал переводами, растолковывал трудности в языке. Учился Сергей так себе. Но все знали, что после окончания института он будет работать в МИД. Сергей сам этого не скрывал. Что же выходит? Антону, отличнику и лучшему студенту курса, МИД не светит. Чтобы сделать карьеру, он отправился в армию. А Сергею это не нужно — он сын руководителя. И чем тогда "самый справедливый строй в мире" отличается от царской России? Там дети знати не знали проблем. Получается, и в СССР так? На словах все люди в Союзе равны. Но некоторые оказываются равнее других. Семья секретаря ЦК продукты покупает не в магазине. Им их привозят на дом — и какие! На студенческие вечеринки Сергей приносил вкусняшки. Их уничтожали первым делом — не оторваться. Антону шепотом рассказывали: на мясокомбинате есть цех. Там изготавливают продукцию для руководства. Совсем не такую, как для обычных людей. Даже водку начальству делают особую. Антон убедился лично. Сергей как-то принес на бутылку. На вид та не отличалась от обычных — такая же форма и этикетка. Но вкус! Антон водку не жаловал и не хотел пить, но Сергей уговорил. Поначалу Антон решил, что приятель пошутил. На вкус содержимое рюмки напоминало воду. Присутствовал легкий запах спирта — и все. Антон решил, что Сергей влил в водочную бутылку воды. Упрекнул приятеля, а тот засмеялся. Скоро Антон понял, что был не прав. Хмель ударил в голову.

— Такую водку делают для руководства, — пояснил Сергей. — На ликероводочном заводе есть особый цех. Лучшее сырье, тройная очистка...

Однокурсник выглядел довольным — удивил приятеля. Тогда Антон только головой покачал: это же надо! Чего только не бывает! Осознание пришло только в армии...

По сравнению с СССР в Руме все честно. Знать правит, селяне трудятся. И никто при этом не говорит, что здесь лучший строй в мире. Селянин может стать лофом — если у него есть Дар. Редко, но случается. Покойный Гайорк родился в селянской семье. Вступил в войско, а там обнаружили. Воинов проверяют на Дар — это обычная процедура. Люсиль тоже заставила новобранцев брать в руку камень. Одаренных не нашлось. В противном случае парню выпал бы счастливый билет. Отдали бы в обучение, сделали боевым магом, а их здесь ценят. Платят золотом, дают земли. Взять Антона. Чужак из другого мира, а уже лоф. Владелец земель и хозяин замка. Антон вдруг с удивлением осознал, что ему не хочется возвращаться в СССР. Повидать отцу и сестру — да. Иметь возможность их навещать — замечательно! Но жить в СССР и делать там карьеру? Сидеть на партийных собраниях и делать вид, что всей душой поддерживаешь курс партии? В то время как у той одно, а на деле — другое? Да ну ее!

Рядом завозилась Люсиль — почувствовала, что не спит. Они с ней друг друга чувствуют даже на расстоянии. Рационально объяснить это нельзя. Другой мир....

Антон осторожно высвободил руку из-под головы жены — затекла.

— Пре чуи! Илии ти земе! (Не надо! Хочу к тебе!) — обиженно захныкала Люсиль. Антон обнял ее, и жена затихла. Настырная! Спать хочет только в обнимку. А ему непривычно. Столько лет спал один — дома и в армии. Пробовал сказать это Люсиль... Лучше бы промолчал. У нее стало такое лицо... Антон почувствовал себя фашистом, забирающим у ребенка хлеб. Пришлось извиняться, нести жену в спальню, целовать, ласкать... И все равно дулась.

На Земле Антон ухаживал за девушками. Провожал домой, тискал в подъездах. Целовался, чего уж там! Но дальше не шел — робел. Затащить девушку в постель надо уметь. Ну, предположим, все-таки затащил. А дальше что?

О сексе Антон имел смутные представления. Не учили этому советских людей. Это в наше время любой школьник может набрать в поисковике слово "порно" и приобщиться к достижениям цивилизации. В СССР не так. Секс был признаком капиталистического общества — гнилого и развращенного. У них там — секс, у нас — любовь.

На границе это получило подтверждение. Иностранцы везли в СССР порнографические журналы. Их изымали. Иностранцы возмущались, дескать, для личных нужд, в ответ слышали, что в СССР порно запрещено. Советский человек не принимает непотребства. Если бы! Антон видел, как офицеры, хихикая, листают изъятые им журналы. И что часть их не попадает в мешки с идеологически вредной литературой, которую отвозили в отряд. Да и сами пограничники, чего уж там, журналы разглядывали. Антон — с ними. Не отрываться же от коллектива! Так и узнал, что делают мужчина с женщиной, оставшись наедине.

Применить эти знания на практике было негде. Женщин на границе нет. Супруги офицеров не в счет — у них мужья есть. Выбраться в село к молдаванкам, которые, как говорили, "дают"? Но в увольнение пограничников не пускали, а сбежать в самоволку — погубить карьеру. Исключат из комсомола, посадят на "губу".

Полученные знания лежали втуне. Пригодились в другом мире. Антон поначалу робел, боялся, что не поймут. Зря. Люсиль понравилось. Более того, требовала показать еще.

Люсиль его удивляла. Суровая с воинами, в спальне она становилась нежной. Антон понятия не имел, что это обычное дело. Так откуда ему знать?

Люсиль в сексе не разбиралась. Но чем занимаются супруги в спальне, знала. Среди подруг были замужние. О постельных утехах они говорили скупно, но Люсиль поняла: ничего особенного. Немножко приятно — и все. Оказалось не так. Чувства захлестывали ее. Она воспаряла к небесам, кричала от страсти, билась в судорогах блаженства. "Это от того, что у нас Единение, — решила Люсиль. — У подруг его не было, вот и не получают удовольствия. Как хорошо, что я взяла медальон у Энтоня окровавленной рукой!"

Люсиль, как и Антон, многое не знала. Вот, и хорошо. Во многом знании много печали...

Тарг был опытным лазутчиком, поэтому днем через долину не пошел — там могли ждать. Стояла ранняя весна, в лесу еще лежал снег, и орки вряд ли ждали набега. Но Тарг решил, что осторожность не помешает. В прошлом году здесь пропал отряд зургов, причем, не вернулся никто. Тогда в земли орков ушли несколько отрядов. Посчастливилось не всем. Кого-то перехватили в пути, другим "повезло" столкнуться с дружинами лофов при осаде деревень. Однако из каждого отряда кто-нибудь да уцелел. Те, чьи кони оказались резвее. Вернувшись, зурги поведали о судьбе соплеменников. Из отряда Пирга не вернулся никто, в том числе сам предводитель.

Тарг догадался, что произошло. Пирг был жадным. Задание отряды получили простое: напасть на деревни у Источников и забрать собранные орками камни. После чего, не медля, уходить обратно. Пирг наверняка захотел взять рабов. Дело не быстрое. Рабов следует поймать, собрать в обоз, погрузить награбленное на повозки. А отряд с ними движется медленно. Наверняка лоф Гонсея догнал зургов неподалеку от деревни. А если учесть, что воинов у него больше, и во главе их стоит маг... Тарг сражался с орками и видел, чего стоят маги. В том бою зурги одержали верх, но потеряли большую часть войска. После чего о дальнейших набегах пришлось забыть. А ведь кунург шел, чтобы захватить земли орков. Не вышло...

Долина — единственный путь в Гонсей. Окружавшие ее леса непроходимы. Упавшие деревья, густой подлесок, дикие звери... Как любой зург, Тарг леса боялся и предпочитал его обойти. Поэтому остановил коня у зарослей и разбил бивак. Ну, вроде. Бросил на жухлую траву кошму из овечьей шерсти, снял со спины жеребца мешки и ослабил подпругу. Пугать ноги коню не стал. Тот, обрадовавшись, заходил кругами, выдирая из пробудившейся земли первые ростки. Не брезговал и молодыми веточками. Кони зургов неприхотливы в еде. Даже зимой найдут себе пропитание, разбросав снег копытами. Но в степи снежный покров тонкий, поэтому корм достать легко. В землях орков сугробы не разгрести, поэтому зурги зимой сидят в селениях.

Тарг пожевал вяленой конины. Жесткое мясо поддавалось с трудом. Пришлось сбегать к бочажку, где он напился, заодно наполнив бурдюк водой. В землях орках ее много, но возможность набрать не всегда есть. Порой приходится удирать, сломя голову. Таргу доводилось...

Конина без хлеба шла плохо. Последний сухарь Тарг рассосал вчера. Как ни берег, но кончился. Зерна в Зургии мало, хлеб стоит дорого. А вот у орков он обычная еда. "Ничего, — подумал лазутчик. — Когда покорим их земли, хлеба будет навалом. Любой бедняк будет есть каждый день".

Эта мысль скрасила ужин. Тарг растянулся на кошме и закрыл глаза. Он не спал. Уши настороженно ловили шорохи, тело — дрожь земли. Но все было спокойно. Тарг дождался сумерек, после чего ловко обернул копыта жеребца кусками овчины. Затем подтянул подпругу. Привычный к такому конь стоял смирно.

— Верный друг, — сказал Тарг, закончив работу. Он погладил коня по шее. — Я дам тебе сочной травы, куплю лучших кобылиц. У тебя будет свой табун. Кобылы принесут жеребят, и те унаследуют твою силу. Им не будет равным в степи. Ты будешь есть хлеб каждый день, и я сам густо посыплю его солью.

Жеребец всхрапнул и ткнулся мордой в плечо хозяина. Тарг провел пальцами по белому пятну на лбу лошади. Из-за него гнедой жеребец получил имя Беломордый — Бельдаг. Пять лет назад Тарг купил его однолеткой, разглядев в прыгунке с пышным хвостом будущего иноходца. Пришлось выложить горсть серебра — продавец знал цену товара. Но Тарг не жалел. Стригунок вырос в отменного жеребца: сильного и неутомимого. Еще он отличался умом. Ждал хозяина в укромном месте, мог отбиться от волков. Был стремителен в беге, не раз спасал Тарга от верной смерти. Идеальный конь лазутчика.

"Получу награду — куплю ему кобылиц, — решил Тарг. — Две или три. Лучше бы десять, но серебра мало. Хорошо бы завести табун. Я пас бы его в степи, получал приплод и торговал лошадьми. Дети Бельдага пойдут по хорошей цене. Куплю дом, заведу рабынь. Хорошо б орчанок. Те строптивы, но хороши собой. И дети от них сильные..."

Стемнело. Тарг погрузил на спину коня мешки, свернутую кошму и забрался в седло. Легкий нажим коленями, и Бельдаг затрусил к долине. Тарг вел его у кромки леса. На его фоне всадник теряется. Лазутчик вертел головой, всматриваясь и вслушиваясь. Дозор встретился. Похоже, его и не выставили. Тарг миновал долину и заночевал в кустах. На рассвете нашел тропу и двинулся ей.

В этих местах он не бывал, однако путь знал. Обсказали. У лазутчиков зургов хорошая память. Вернувшись в степь, они сообщали писцам, где ехали, что видели, какой из путей лучше. Писцы выпрашивали каждую приметку. Одинокое дерево, холм необычной формы, растительность... Собранные сведения хранились в свитках. Если в местность отправлялся другой, писец знакомил с приметками. Тарг выучил их наизусть. Вот и сейчас у дуба с раздвоенной вершиной повернул направо.

Ехать пришлось долго. Тарг не спешил, настороженно вслушиваясь в каждый шорох. Дорога шла лесом и часто петляла — велика вероятность наткнуться на орков. А это плохо. Нет, Тарг уйдет — Бельдаг вынесет, но задание провалит. И орки встревожатся. С чего ранней весной одинокий зург шляется в их землях? Точно разведывает пути. Жди набега! Тарга об этом особо предупредили. Нельзя, чтобы орки прознали.

Никто, к счастью, ему не встретился. Тарг не удивился. Ранняя весна, раскисшие дороги — повозка точно застрянет, орки сидят по домам. Выберутся, как подсохнет, но ничего не поймут. Обернутые шкурами копыта Бельдага оставляют неясные следы. Кто прошел — разберись! А если еще пройдет дождь...

Нужного места Тарг достиг к полудню. Поначалу подумал, что заплутал. Холм не подходил по приметам. Но другие были верны. Тарг подумал и направил коня к холму. Приблизившись, понял: вершину срыли. Вернее, снесли: пласты черной земли разбросаны далеко, комья, величиной с голову лошади, залетели аж на дорогу. Маг, изуродовавший холм, был могуч. Тарг видел действие Кулака, но чтоб так... Он поежился. Есть, значит, у орков такие маги...

Оставив коня, он взобрался наверх. Прилег и обшарил взглядом открывшуюся равнину. Орков не наблюдалось. Не удивительно — для работ рано. Земля насыщена влагой, она топкая, ковыряться в ней тяжело и непродуктивно. Орки начнут добычу после весеннего сева. Придут женщины и мужчины, первые будут промывать землю в ручье, вторые — наполнять ею корзины. Тарг бывал у других Источников и видел. Везде тоже самое.

Увиденное не вдохновляло — Источник почти выработали. Нетронутый оставалось где-то десятая часть месторождения. Вряд ли кунург направит сюда воинов. Хотя кто знает его замыслы? Десятая часть — это мало, но в землях зургов и такого нет. Камни приходится

покупать. Везут их издалека и стоят они дорого. Во дворце конурга Тарг слышал разговор писцов. Те сетовали: на покупку камней ушла казна. Вдобавок конург отдал серебряные рудники в аренду — всего за сотню камней. Рудники не вернут, пока зурги не рассчитаются. А взять камни можно только в Руме...

"Ничего, — подумал Тарг, — кунург справится. Войско он собрал большое. Три тысячи воинов, пятнадцать магов. У орков в приграничье в разы меньше. Мы размечем их в пыль. Захватим Источники, заставим рабов добывать камни. Вернем долг, остальными камнями вооружим магов. Орки сунутся отбивать — прогоним. Земли будут нашими..."

Вокруг Источника было пусто, Тарг решил осмотреть его. Нужды не было, но его насторожила одна деталь. Возле Источников (Тарк это видел) есть груда ненужных камней, порой, не одна. Здесь ее разбросали. Для чего?

Пришлось перейти ручей, при этом замочив ноги, но Тарга это не остановило. В притороченном к седлу мешке есть сухие портянки. Не обращая внимания на хлюпающую в сапогах воду, он подошел к бывшей куче. Похоже, ее разгребали второпях — камни лежали волнами. Тарг присмотрелся. Растаявший снег и последовавшие дожди отмыли камни. Сейчас некоторые из них поблескивали в лучах выглянувшего Светила. Один из камней показался Таргу странным. Правильной формы, глубокого черного цвета, он не походил на кусок породы. Тарг наклонился и подобрал камень. В ладони тот задрожал и стал теплым.

Дар у Тарга имелся. Недостаточный, чтобы стать магом, но ощутить Силу он мог. Поэтому его и отправился с заданием. Магу проще определить ресурс Источника.

Тарг сглотнул и поднес камень к глазам. Светило через него не просвечивало. Но камень был теплым и дрожал в ладони. Тарг не мог брать из камней Силу. В его руке они становились теплыми — и все. Сейчас он отчетливо ощущал, как внутрь вливается ручеек Силы. Он даже мог сформировать Кулак — пусть слабый, но все ж...

В последний миг Тарг удержался от желания метнуть Кулак в холм. Он лазутчик, а не боевой маг. Ему нельзя оставлять после себя следы. Адамант (а Тарг догадался, что это он) нужно отвезти кунургу. Тот не пожалеет награды. Как за сам камень, так и за сведения, что они здесь есть. В одно мгновение в голове Тарга мелькнула мысль скрыть находку. Камень можно продать, выручив много золота. Но Тарг отверг эту мысль. Адаманты слишком редки. О сделке узнают. Его голым привяжут к хвосту лошади и погонят ту в степь. Рядом будут скакать всадники, следя, чтобы лошадь не останавливалась. Сначала жесткая земля сотрет ему кожу. Затем наступит черед мяса. Лошадь пойдет шагом — так больнее. Он будет вопить, умоляя его добить, но не получит желаемого. Его ободранную до костей, но еще живую тушку бросят в степи. И он будет умирать под палящим Светилом еще день-другой...

Тарг передернул плечами и склонился над породой. Он разгребал камни, брал в руки те, что казались ему подходящими, но второго адаманта не нашлось. Что ж, боги и без того к нему щедры. Тарг вернулся к оставленному коню. Бельдаг щипал травку на обочине. Тарг снял с его спины мешок, вынул сухие портянки и торопливо сменил мокрые. С радостью ощутил, как оживают заледеневшие ноги. Он вскочил в седло и тронул коленями бока жеребца. Бельдаг фыркнул — не наелся.

— Будет тебе сочная трава, — сказал Тарг. — И стадо кобылиц. А мне молодые орчанки...

Он радостно засмеялся.

Кунург лучился от радости. Ловчий кречет взял цаплю — редкую добычу в степи. Ударил ее сверху, и та камнем рухнула вниз. Когда кунург подскакал, кречет сидел на тушке и клекотал, хлопая крыльями. Кунург бросил ему кус свежего мяса. Кречет схватил угощение, оставил добычу и стал насыщаться, отрывая от мяса куски. Тем временем слуги забрали цаплю и приторочили к седлу повелителя. Так они и въехали в столицу: кунург — верхом, кречет — на руке хозяина.

При виде повелителя встречные бросались ниц. Так принято, но в этот момент кунург жалел, что жители не увидят и не оценят его добычи. Разумеется, им скажут, но восхищенные взгляды пришлось бы к месту. Кунург перевел взгляд на дома. Высокие глинобитные заборы, стены из той же глины с соломой и с добавлением кизяка. Выглядят серо и непривлекательно. А вот дом из дерева красив. В нем тепло зимой и прохладно летом. Кунург это отлично знал, поскольку сам жил в таком. Дом на каменном основании срубили пленные орки. Бревна для него везли издалека, платили за них серебром. А куда денешься? Лесов в Зургии, считай, нет, дерево стоит дорого. В то время как в Руме им топят печи. Леса завалены буреломом, упавшие деревья никому не нужны. Близь деревень их чистят, а вот дальше — нет. Эти проклятые орки не желают отдать даже то, что у них гниет. За дерево требуют серебро, много. А еще у орков есть Источники. Их владельцам камни достаются бесплатно, зургам приходится покупать. Мир устроен несправедливо. Почему у одних есть все, а другим нужно платить, да еще по высокой цене?

Эта мысль привела кунурга в плохое настроение. Он хмуро смотрел на подданных. Указал на зурга, павшего на живот с опозданием. Слуга направил к тому коня и перетянул нерасторопного плетью. Зург жалобно вскрикнул. Слуга вопросительно глянул на повелителя: еще? Кунург покачал головой — достаточно. Не стоит наказывать подданных сверх меры. Начнешь зверствовать — убегут. Не к оркам, конечно, те зургов убивают. Но степь большая, и земель в ней много. И без того подданных мало. Собрать войско трудно, добрых воинов не хватает. Зурги вынуждены пасти скот, возделывать землю, строить дома. Этим могли заниматься рабы, но их мало.

У ворот дворца повелителя встретил главный советник Нург. Когда тот приблизился, склонился в поклоне. Ниц падать не стал — не по чину.

— Смотри! — сказал кунург, передав кречета ловчему и спрыгнув на землю. Он снял притороченную к седлу цаплю и поднял ее над головой. — Хороша добыча?

— Повелитель — лучший охотник Нимея! — воскликнул Нург.

— Так уж и Нимея, — хмыкнул кунург, но лесть оценил. Приятно.

— Зачем вышел к воротам?

— Есть новости, Светозарный.

— Надеюсь, добрые?

— Да, повелитель! — подтвердил Нург.

В этот раз в его голосе не чувствовалось угодливости. Когда речь шла о деле, Нург снимал личину придворного и говорил прямо. За это кунург его и ценил. Лизать пятки каждый может, а вот поставить разведку чужих земель... У Нурга это получалось великолепно.

Они вошли в здание и поднялись в палаты. Слуги остались внизу; кунург отослал их

небрежным жестом. Нург пропустил Святозарного вперед и притворил дверь.

— Ну? — спросил кунург.

Советник вместо ответа протянул ему бархатный мешочек. Кунург распустил шнурок и вытряхнул на ладонь черный камень. Тот сразу же ущипнул его за кожу. Не может быть!

— Это то, что видят мои глаза?

Голос кунурга стал хриплым.

— Да, повелитель!

— Где взял?

— Лазутчик привез.

— Откуда?

— Из земель орков.

Кунург глянул на советника изумленно. В землях орков алмазов нет. Те сами покупают их за огромные деньги.

— Лазутчик нашел алмаз у Источника возле деревни Гаць лофства Гонсей.

Кунург с сожалением вернул алмаз в мешочек (смотрел бы да любовался!) и сунул его за пазуху.

— Рассказывай!

— Тарг — лучший из моих лазутчиков. Имеет Дар, правда, слабый. Боевой маг не вышел, а вот лазутчик получился замечательный. Удачен, осторожен, хитер. Не раз выполнял самые сложные задания. В этот раз его послали оценить Источник у деревни Гаць. Когда мы займем те земли, — тут Нург поклонился, — стоит знать, куда бросить силы для добычи камней.

Кунург кивнул. Война с орками — дело непредсказуемое. Возможно, их не удастся разбить в сражении. Наместник засядет в Оули, лофы — в замках. Придется брать их в осаду, делить силы. Взять замок — дело неспешное, да и трудное. Тем временем король Рума пришлет войско. Поэтому следует вычистить Источники. Все не успеть, поэтому следовало отобрать лучшие. За тем и уехали лазутчики.

— Источник у Гаць почти выработан, — продолжил Нург. — Осталась едва десятая часть. Но я не зря говорил, что Тарг — лучший. Другой на его месте удовлетворился бы увиденным. Но Тарг рассмотрел разбросанную породу и подошел рассмотреть. Среди пустых камней нашел алмаз. Видно, тот не заметили.

— Это плохо! — покрутил головой кунург. — У орков есть алмазы. А ты говорил: вести добрые.

— У них нет алмазов! — возразил советник. — Лоф Гонсея продал их наместнику, а тот отвез королю. В пограничье не осталось.

— Откуда знаешь?

— Пришел первый караван из Рума. Среди купцов есть мой человек. Я ему щедро плачу.

— Купцу можно доверять?

— Да, Святозарный! Он хороший осведомитель. Умен, пронырлив и осторожен. У него есть знакомые при дворе наместника. Те сообщили, что прошлой осенью лоф Гонсея продал Рексилю два алмаза. Получил сто пятьдесят золотых.

— Продешевил! — хмыкнул кунург.

— Он не знал цены. Как и наместник.

— Думаешь, лоф продал все?

— Да. Он нуждался в деньгах и в благосклонности наместника. Дело в том, что лоф —

пришлый. Он убил прежнего владельца Гонсея вместе с его воинами. Следовало умиловить наместника и набрать войско. А это расходы.

— Король утвердил чужака? Не похоже на Архия.

— Поэтому лоф и продал камни. Все думают, что он принес их из своего мира. Но сведения Тарга говорят о другом. Лоф нашел их здесь.

— Почему прежде не удавалось?

— Не искали. Маги не следят за добычей. Это скучно. Селяне могут работать день и не найти ни одного камня. Думаю, произошло вот что. Лоф отправился посмотреть Источник. Обычное дело для нового владельца. Следует оценить, что есть в землях. Там он увидел гору камней. Подошел и ощутил исходящую от них Силу. Видимо, лоф очень сильный маг. Кучу разгребли, нашли адаманты, но сделали это небрежно. Это позволило Таргу обнаружить еще камень.

— Лоф рассказал об этом другим?

— Он не сделал этого.

— Уверен?

— Рассуди сам, повелитель! У тебя есть Источник с адамантами. Никто не знает, что они есть и у других. Расскажешь — бросятся добывать. Цена упадет. Если прежде давали семьдесят пять золотых за камень, то сейчас будет двадцать. Или вовсе десять. Кто хочет терять прибыль?

Кунург кивнул.

— Это подтвердил и купец. Никто из лофов не принес наместнику адамантов. Это нельзя скрыть. За камни платит казна, а знакомый купца служит при ней. О выплатах знает. Знай лофы про адаманты, то повелели бы разгрести кучи. Да сами бросились бы их искать! Я расспросил лазутчиков. У всех Источников, исключая Гаць, кучи стоят нетронутыми.

— Выходит... — начал кунург.

— Да, Святозарный! — подхватил Нург. — Войдя в земли орков, мы не станем копать Источники. Первым делом разгребем кучи камней под присмотров магов. Источник у Гаци слабый. Но там обнаружили три адаманта...

— Следовательно, в других будет больше, — сказал кунург.

— Ты мудр, повелитель! Один адамант приравнивается к сотне красных камней. Причем, в худшем случае. Двух адамантов хватит для возвращения рудников.

— Одного и двадцати красных камней, — поправил кунург.

— Совершенно верно! — поклонился советник. — Но я думаю, что мы найдем в землях орков гораздо больше. Пять, а может десять камней. И тогда...

— Мы пройдем до столицы Рума! — загорелся кунург. — Разобьем войско Архия, ограбим другие Источники, нам не станет равных. Все будут трепетать. Орки превратятся в рабов, да и не только орки. Мы войдем в земли хумми и иль. Потрепем михейцев. Обнаглели! Серебряные рудники за сто красных камней! Пора привести их в чувство. Благодарю, Нург! Это хорошие вести. Тарга наградить! Выдай ему десять кобылиц и столько же золотых!

— Казна пуста, повелитель, — вздохнул Нург.

— Тогда двадцать кобылиц из моего табуна. Пусть сам выберет!

— Он будет славить твою щедрость!

— Это только начало, — усмехнулся кунург. — Говорят, у Архия сундуки полны золотом.

Нург хихикнул. Подобострастно, как полагается придворному.

— Когда выступаем, повелитель? — спросил, сменив тон.

— Как можно скорее! Пути просохли?

— Я говорил про караван, — сказал Нург. — Они прошли. Значит, и мы сможем.

Смотр подходил к концу. Лофы постарались. Начищенные доспехи воинов сияли в лучах Светила. Коней помыли и расчесали им гривы. Оружие наточили и смазали жиром. Воины выглядели бравыми и сытыми. Однако король с Лодорком смотрели хмуро. Несколько вводных, отданных лофам, показали слабую выучку воинов. Те неслись в атаку толпой, перестраивались долго и неумело. Лучшую подготовку показали сотни наместника. Ну, так там заправляли королевские ветераны, прошедшие не одну битву. А вот отряды лофов войском не выглядели. Отбить набег, догнать и вырубить нападавших — это они смогут. А вот сражаться в строю...

— Всех показал? — поинтересовался король у наместника. — Или кто остался?

— Лоф Гонсея, — сообщил Рексиль.

— Так у него новики, — удивился Архиль. — Им не обязательно. Или лоф решился?

— Более того, настаивал.

— Ну, пусть хвастается! — усмехнулся король.

Наместник поднял руку вверх. От толпы скучившихся на краю поля воинов отделился отряд. Впереди, не спеша, ехали три десятка конных. За ними вышагивали пехотинцы.

— Лоф завел пехоту? — удивился Архиль.

— Да, ваше величество! — подтвердил наместник.

Король только покачал головой. Тем временем отряд вышел на середину луга, где проходил смотр. Ехавший впереди всадник повернулся к воинам и что-то крикнул. И те запели:

*— Как будто ветры с гор
Трубят нам, оркам, сбор.
Дорога от порога далека.
И уронив свой нож,
Чтоб не видал никто,
Слезу смахнула орочья рука.
Не плачь, орчанка,
Пройдут дожди.
Твой орк вернется,
Ты только жди!
Пускай далеко
Твой верный друг,
Любовь на свете
Сильней разлук.*

— Это что? — недоуменно спросил Архиль. — Военный смотр или выступление песельников?

— Слушай! — толкнул его в бок Лодорк. Король глянул на него сердито, но промолчал. Тем временем строй приблизился, и слова песни доносились уже отчетливо:

— Немного прошагал

*И сотником не стал,
Но, может быть, десятником смогу.
Ты, крошка, не грусти, меня с подарком жди.
Я королевство наше берегу...*

— А что, правильно поют, — заметил Лодорк. Архиль покосился на него и хмыкнул.

Гости и наместник стояли на помосте, сооруженном по такому случаю. Разумеется, Архиль и Лодорк могли наблюдать за смотром с коней, но наместник решил, что пожилым гостям это затруднительно. Даже велел поставить на помост скамью и застелить ее мехами. Увидав ее, Лодорк ухмыльнулся. Они с Архилем, несмотря на возраст, могли день продержаться в седле. Король промолчал. Хочет наместник угодить — пусть.

Тем временем смешанный строй воинов поравнялся с помостом, но, как и было приказано лофам, останавливаться не стал. Проверяющие хотели видеть войско в движении. Архиль смотрел на воинов с изумлением. Мало того, что они были в одинаковой по цвету и крою одежде, чего не наблюдалось у остальных. Как они шли! Ровными рядами, в ногу. Даже кони держали равнение морда к морде. Пехотой и вовсе было залюбоваться. Копья на плечах и щиты в левых руках образуют ровную линию... Но более всего внимание короля привлекли ехавшие впереди всадники. Один, мужчина, был без доспехов и меча на поясе. Зато на ремешке, переброшенном через его плечо, висел странный деревянный футляр. На голове мужчины красовалась странного вида шапка с зеленым верхом и маленьким козырьком. Рядом с ним на соловом жеребце ехала женщина. А вот у нее доспех был. Обтекающее тело кольчуга с начищенными до зеркального блеска нагрудными пластинами, шлем с острым наверху, украшенный золотой чеканкой. Из-под шлема на спину женщины падали черные косы. На поясе слева висел меч, а справа король разглядел чекан.

— Кто это? — спросил он наместника.

— Высокородная Люсиль.

— Не узнаю.

— Высокородный Иль-Ин, исправляя уродство, дал ей другое лицо.

Король покачал головой. Тем временем отряд миновал помост, через сотню шагов слаженно развернулся (Лодорк причмокнул) и двинулся обратно. Петь при этом орки не прекратили.

*— Наш сотник-удалец
Меч носит и клевец,
А у меня к копыю тверда рука.
И если вдруг король
Нам скажет: "Сотня, в бой!",
Мы смело разом двинем на врага...*

— Вот, видишь! — хмыкнул Лодорк. — А тебе не нравилось.

Архиль ответить не успел — отряд поравнялся с помостом.

— Сотня, стой! — крикнул мужчина в зеленой шапке.

Воины ударили подошвами в землю и замерли.

— На-пра-во!

Строй слаженно развернулся к помосту. Даже всадники выполнили команду на удивление слаженно.

— Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

Отряд замер. Мужчина в зеленой шапке спрыгнул на землю. Женщина последовала его примеру. Оба направились к помосту и остановились в двух шагах от него. Мужчина вскинул ладонь к шапке.

— Ваше королевское величество! Дружина лофства Гонсей на военный смотр прибыла! Докладывает лоф Ильин!

Архиль посмотрел на Лодорка. Тот улыбался.

— Вижу, что прибыли, — сварливо сказал король. — А кто это рядом с тобой?

— Мой заместитель по боевой подготовке высокородная Люсиль.

— Заместитель? По боевой подготовке? — Архиль покатал незнакомые слова во рту. —

Ты вправду Люсиль? — спросил он на женщину.

— Да, ваше величество! — поклонилась она.

— Не узнаю.

— Какая же она красавица! — Лодорк спрыгнул с помоста и подошел к Люсиль. — Женихи набегут толпой.

— Я замужем, — улыбнулась Люсиль.

— И кто этот счастливчик?

— Лоф Гонсея высокородный Иль-Ин.

Люсиль взяла стоявшего рядом мужчину за руку.

— У нас тут смотр или встреча знакомых? — сварливо спросил Архиль. Лодорк подмигнул Люсиль и вернулся на помост. — Лоф! — обратился король к Антону. — Твои воины славно ходят и красиво поют. А вот умеют ли сражаться?

— Прикажете показать, ваше величество?

— Приказываю! — кивнул король.

— Есть! — Антон поднес ладонь к козырьку и повернулся к Люсиль. — Упражнение номер два.

Та кивнула и вскочила в седло. Антон последовал ее примеру и повернулся к помосту.

— Сейчас конница будет атаковать пехоту. Та — защищаться.

— Показывай! — согласился Архиль.

Антон повернулся к пехотинцам:

— Взвод, в каре встать!

Гости и наместник с удивлением наблюдали, как строй пехотинцев на мгновение рассыпался, а затем образовал квадрат с равными сторонами. При этом лоф заскочил внутрь. Тем временем конники под предводительством Люсиль отскакали на сотню шагов, развернулись и по команде понеслись в атаку. Наконечники их копий грозно сверкали в лучах Светила.

Пехотинцы закрылись щитами и в свою очередь ошетинились копьями. Король заметил, что концы древков они воткнули в землю. В середине квадрата пяток лучников натянул тетивы и наложил на них стрелы.

Конный отряд набирал разбег. Он мчался, не думая останавливаться.

— Они же покалечат друг друга! — воскликнул король.

— Не думаю, — процедил Лодорк. — Этот чужак что-то задумал. Да и конниками

командует Люсиль.

Конница подлетела к каре и резко встала. Умные лошади не пошли на пики. Команда — и конники стали обтекать каре, отыскивая слабые места. Но везде их встречали наконечники копий. Лоф, стоявший в центре каре, прокричал команду. Лучники стали пускать стрелы. Те били в щиты и доспехи всадников. Попадая в доски, ломались и раскалывались. "Стрелы тупые!", — догадался Архиль. Тем временем отряд всадников редел. Те, которым стрела попадала в доспехи, отъезжали в сторону. Спустя короткое время число всадников уменьшилось втрое. Люсиль прокричала команду, уцелевшие поскакали обратно. Пехотинцы проводили их улюлюканьем.

— Что скажешь? — Лодорк толкнул короля в бок.

— Показуха! — скривился тот. — Зурги так не дерутся. Забросали бы на скаку стрелами. И первым — лофа.

— Он не позволил бы им приблизиться, — возразил Лодорк. — Ударил бы Кулаком.

— Тогда к чему это представление?

— Давай спросим! — предложил Лодорк и махнул рукой, подзывая лофа и его спутницу.

— Это упражнение на случай ситуации, когда у мага кончились камни Силы, а у зургов — стрелы, — пояснил Иль-Ин. — Одно из многих, которые мы отрабатывали.

— Ладно, — согласился король. — А теперь представь, что ни тебя, ни Люсиль с воинами нет. Конные нападают на пеших, и стрелы у них есть. Покажи!

— Есть, Ваше Величество! — приложил ладонь к фуражке Иль-Ин.

Они с Люсиль подскакали к воинам, отдали приказы и вернулись к помосту. Командование конниками принял маленький сухощавый орк. Пехотинцев возглавил высокий. "Полукровка, — определил король. — Отец наверняка иль". Неизвестно почему ему стало приятно. Конники понеслись в атаку. На этот раз они отставили копья, закрепив их у седел, зато натягивали тетивы луков. Командир пехотинцев прокричал команду. Воины сбились в плотный круг и закрылись щитами. При этом стоявшие позади прикрывали передним головы. Строй стал походить на черепаху, о чем Лодорк, не медля, и сказал.

— Он так и называется, высокородный! — сказал лоф. — Некогда так воевали в моем мире.

Тем временем всадники подскакали и стали забрасывать пехотинцев стрелами. Те стучали в щиты, не принося атакующим вреда. Король заметил, что стреляют всадники не совсем умело. Управлять лошастью только ногами нужно уметь, как и целиться на скаку. У зургов это получается куда лучше. Конники толпились у "черепахи", стремясь угодить стрелой в щель между щитами. Те время от времени открывались, и во всадников летела ответная стрела. Поскольку щиты конники забросили за спины, то получали приветы прямо в грудь. То один, то другой из них выходили из боя. Доставалось и пехотинцам. Всадники во втором ряду, улучив момент, когда щиты открывались, пускали в брешь стрелы. Получив стрелу, пехотинец садился на землю. Ряды обеих сторон редели. "Черепаха" стала зиять дырами, а число всадников сократилась вдвое.

— Хватит! — велел Архиль.

Иль-Ин прокричал команду. Бой прекратился, и спустя минуту, перед помостом вновь встал строй. Только обломки стрел на вытоптанном лугу напоминали о сражении.

— Разрешите получить замечания? — лоф повернулся к помосту.

— Свалка! — буркнул король. — Никто в ней не победил. Перебили друг друга — и все.

Но для новичков неплохо.

— Я бы сказал: изрядно! — влез Лодорк.

Король покосился, но смолчал.

— Подымитесь к нам! — Архиль сделал приглашающий жест.

Наместник сделал большие глаза. Из всех лофов только Гонсей удостоился такой чести. Иль-Ин и Люсиль прыгнули на помост прямо из седел. Лодорк одобрительно крикнул. Лоф подошел к королю.

— Почему без меча? — спросил Архиль.

— Не владею им, Ваше Величество. В моем мире другое оружие.

— Какое?

— Это, — лоф положил руку на деревянный футляр.

— Покажи!

Иль-Ин вытащил из футляра странный предмет и протянул его королю. Тот повертел его в руках.

— Как это называется?

— Пистолет.

— И как им пользоваться?

— Разрешите?

Лоф забрал пистолет и ловким движением пристегнул его к футляру. Щелкнул железом и приложил тот к плечу. В ста шагах от помоста стояли приготовленные для лучников мишени. Наместник велел установить — вдруг его величество решит устроить турнир. Но до него дело не дошло.

Тах-тах-тах! Левая мишень брызнула щепой. Тах-тах-тах! Вторая... Тах-тах-тах!..

Из железного артефакта вылетали и падали на помост крохотные, сверкающие желтым металлом трубочки. Король с наместником невольно отступили на шаг. Лишь Лодорк остался стоять рядом с лофом. Иль-Ин, закончив стрельбу, спрятал железный предмет в футляр и поклонился королю.

— Неплохо, — сказал пришедший в себя Архиль. — Но со ста шагов можно ударить Кулаком, да и стрела долетит.

— Пистолет — это самое слабое оружие, из того, что у меня есть. Предназначен для ближнего боя. Из другого можно убить врагов с пятисот шагов. С трехсот — гарантировано.

Архиль недоверчиво покачал головой.

— Это так, Ваше Величество! — поспешила Люсиль. — Я стреляла. Но это оружие сложное, овладеть может не всякий.

— Но ваши умеют?

— Да, Ваше Величество. Я, мой муж и двое орков. Вернее, орк и орчанка.

— Женщина? — изумился Архиль.

— Нулорк — отличная пулеметчица, — поспешил Иль-Ин. — С трехсот шагов попадает в мишень первой же очередью. А далее и не нужно. С такого расстояния маг не станет запускать Кулаком — далеко. Мы убьем его раньше.

— Гм! — произнес король.

— И много у вас такого оружия? — спросил Лодорк.

— Мало! — вздохнул Иль-Ин. — Патронов и того меньше. Ящик уже расстреляли. Но на хороший бой хватит.

— Ясно! — кивнул король. — Приглашаю тебя, лоф, и тебя, Люсиль, на пир по случаю

завершению смотра. После него поговорим.

Лоф вскинул ладонь к козырьку. Они с Люсиль забрались в седла и отдали команду. Воины, все это время стоявшие перед помостом, слаженно повернулись и зашагали прочь.

— С трехсот шагов, — произнес Архиль, наблюдая за удалявшимся строем. — Что скажешь? — он повернулся к Лодорку.

— Кажется, нам повезло.

— Посмотрим! — скривился Архиль.

* * *

Сказать, что Люсиль была счастлива, означало не сказать ничего. Со дня, как Антон сказал ей: "Горько!", она жила с праздником в душе. Внешне, впрочем, этого стараясь этого не показывать. Учила воинов, наказывала их, если было за что, покрикивала на слуг. Но праздник оставался внутри. От того у нее блестели глаза, а улыбка — по делу и без него — появлялась на лице. Окружающие это видели и понимали причину, однако вслух мнения не высказывали. Нрав у Люсиль был крутой. Получить выволочку за излишнюю болтливость от нее было, как пить дать. Воинам Люсиль вдальбивала науку палкой. Не со зла, впрочем. Ее тоже колотили...

День проходил в хлопотах, а вечером Люсиль ждал ужин в компании Антона и Куворка. Затем управляющий удалялся, они оставались вдвоем. И приходило то, о чем Люсиль грезила с утра. Объятия, поцелуи, ласковые слова... Энтон знал их множество. Со временем он стал повторяться, но Люсиль это не смущало. "Лапушка", "милая", "сладкая" — эти и другие слова женщина готова слышать хоть сто раз на дню. Не знали? Проверьте!

А затем наступало время ласк. Страсть охватывала Люсиль, и она неистово отдавалась ей. Стонала, кричала, прижимала мужа к себе. Растворялась в нем. Затем, обессиленная, замирала на смятых простынях. А он гладил ее, шепча в ушко что-то донельзя приятное. Люсиль клала ему голову на грудь и требовала рассказать. О себе, о семье, о его мире... Энтон начинал говорить. Слушать его было необыкновенно интересно. Мир, откуда он прибыл, не походил на Нимей. В нем люди перемещались в железных повозках, летали в небе и плавали под водой. Они могли разговаривать друг с другом на расстоянии в тысячи меанов. У них имелись артефакты, которые показывали происходящие в мире события. Их книги не писали вручную, а печатали в миллионах экземпляров. Любой, даже бедняк, мог книгу купить — стоили они дешево. Это поражало Люсиль более всего — в Руме за книги платили золотом. Даже в богатых домах их было одна-две, но чаще — ни одной. Да и читать в королевстве могли немногие. Зато в мире Энтон — каждый.

Люсиль попросила рассказать, о чем их книги. Муж не отказал. Люсиль узнала о рыцаре Эйвенго и его возлюбленной. История захватила ее. Не понравилось только поведение Ровейны. Будь Люсиль на ее месте, то разобралась бы сама. Меч и чекан решили бы вопрос. Муж объяснил, что в то время женщин не учили воевать. За них сражались мужчины. Правда, в последней войне от этого правила отошли. Среди воинов, защищавших Союз, было много женщин. Часть из них стали снайперами, то есть меткими стрелками. На их счету числились тысячи врагов. Женщина, которую звали Людмила, убила три сотни. Люсиль это восхитило. Тем более что муж объяснил, что ее зовут почти как ту героиню. В сокращенном виде их имена звучат одинаково — Люся.

С тех пор каждый вечер Энтон пересказывал ей какую-нибудь книгу. Помнил он их множество. Это настолько увлекало, что Люсиль забывала о ласках. Тогда Энтон напоминал...

Муж у нее необыкновенно умен. Объяснил, например, почему меняются времена года, от чего бывают дожди и ветра. Рассказал, что в воде и воздухе живут крохотные, невидимые глазом существа, называемые "бактериями". И что некоторые из них могут вызвать болезни. Поэтому нужно следить за чистотой, мыть руки и регулярно стирать одежду. Энтон заставлял это делать всех. И что? За зиму в замке никто не заболел! Знахарка сидела без работы. Хорошо, что Энтон придумал дать ей пулемет. Хоть какая-то польза!

Еще Энтон великолепно считал в уме. Люсиль попросила ее научить. Энтон взял лист желтого, плотного материала, в который были завернуты патроны, и написал на нем таблицу умножения. Заставил ее запомнить. После чего Люсиль и сама стала отлично считать. Муж научил ее умножать и делить столбиком. Было непросто, но Люсиль справилась. Ее успехами заинтересовался Куворк, Энтон научил и его. Управляющий проникся к хозяину необыкновенным почтением. В Руме умножать и делить не умели. Если требовалось первое, несколько раз прибавляли нужное число. Делили, отнимая требуемое количество раз. Оказалось, это можно сделать быстрее и легче.

Зимой из Оули прискакал гонец. Он привез весть о предстоящем смотре. Гонсей мог не участвовать, но Люсиль с мужем решили: будут! Еще гонец привез грамоту о даровании Куворку титула высокородного. Управляющий был потрясен. Целовал грамоту со слезами на глазах и пытался встать перед Энтоном на колени. Муж еле перехватил. Оказалось, именно он похлопотал о титуле. Люсиль это не удивило: Энтон такой.

Грамота разрешала Куворку носить медальон, но с использованным камнем Силы. У Куворка его не было, и Люсиль подарила ему свой. Тот, что остался после использованного адаманта. Было чуть жаль — этот камень свел ее с Энтоном, но Куворку нужнее. Орк он хороший, и адамантов у них много. Муж рассказал о них и показал. Люсиль это потрясло. Она страдала от своего уродства, в то время как адаманты можно было добыть в ее землях! Люсиль решила при первой возможности наведаться к фамильному Источнику. Кучи негодных камней там есть. Она прикажет их перебрать и получит адаманты. Часть сдаст в казну, другую оставит себе. Пригодятся.

И все это придумал муж. Теперь Люсиль была уверена: он пришел в Рум волей богов. Не зря имя мужа начинается с "иль". Его прислал сам Иль-Тек. Ей несказанно повезло, что Энтон пришел к ней. А мог и нет. Она осталась бы с искалеченным лицом, а Энтон взял бы ее жены другую. Его обязательно с кем-нибудь окружили. Он не остался бы без внимания знатных родов. Сильнейший маг с адамантами, умница и красавец. Ее подруги шанса не упустили бы. Затащили бы в постель... Думая так, Люсиль скрипела зубами. Нет уж! Обломаются, как говорит муж. Никто даже близко не подойдет! Она проследит...

Люсиль дала себе обещание принести жертву Иль-Теку и отблагодарить Рексия. Это он надоумил Энтон придти к ней. Люсиль помнит добро. А еще следует уговорить короля сделать Куворка лофом. Нечего Энтому прозябать в провинции. Она увезет мужа к себе. В столице у нее дом, есть имение неподалеку. Там они будут жить, возвращаться в обществе высокородных. Пусть все увидят, какой у нее муж. Подруги умрут с зависти. А то, понимаешь ли, жалели...

Вследствие этих мыслей к смотру они готовились, не щадя сил. Следовало понравиться королю. Это даст возможность просить о Куворке. Энтон, правда, пообещал в случае

неудачи дать королю адамантов. Но Люсиль возразила: самим пригодятся. Женщиной она была хозяйственной и, как водится, имущество мужа считала своим.

Воины не подвели. Архиль ворчал, но Люсиль видела, что ему понравилось. На пир пригласили всех лофов, но от Гонсея — двоих. Если вспомнить, что Люсиль — женщина, большая честь. В зал дома наместника она вошла с гордо поднятой головой, рука об руку с мужем. За стол их усадили рядом. В отдалении от короля, но напротив. С точки зрения местных — ниже всех. Но по правилам двора не так. Место почетное. По значимости ниже, чем по правую или левую руку Его Величества, но выше остальных.

Пир начался со здравицы королю. Все встали. Архиль осушил свой кубок, его примеру последовали остальные. Наместник подал к столу отличное вино. Все сели и набросились на еду. Повара расстарались. Зажаренные целиком поросята, жирные каплуны, свежее испеченный, еще горячий хлеб — все это поглощалось жадно, с чавканьем и хрустом разгрызаемых хрящей. Кости летели под стол. Там их хватили псы. Они рычали и дрались. Гости, видя это, хохотали, не забывая, впрочем, орошать горячее мясо сладким вином.

Тосты звучали один за другим. Пили за Рум и его отважное войско, погибель врагов и процветание королевства. Шум за столом нарастал. Лофы громко разговаривали, кричали один другому через стол, некоторые пытались петь. В этом гаме никто не заметил скользнувшего к Рексилю слугу. Тот склонился к уху наместника и что-то прошептал. Лицо Рексилы вытянулось. Он повернулся к королю и произнес несколько слов. Их расслышал Лодорк. Лица короля и его ближника построжели. Король, помедлив, отдал Лодорку повеление. Тот встал.

— Тихо! — рявкнул во всю глотку.

Шум смолк, будто его обрезали. Гости уставились на воеводу.

— Слушай короля!

Архиль кивнул, и Лодорк сел.

— Только что гонец принес весть: на Рум идут зурги, — сказал король. — Они в дне пути.

В трапезной стало тихо. Даже собаки перестали грызть кости.

— Пригласите гонца! — повелел король.

Слуга метнулся к дверям. Спустя мгновение в них вошел маленький орк в пыльной одежде. Он встал у порога и поклонился.

— Подойди! — приказал король.

Гонец, тяжело переставляя ноги, приблизился.

— Говори!

— Наш дозор заметил их третьего дня, — просипел гонец.

Архиль покосился на слугу. Тот метнулся к столу, схватил чей-то кубок и поднес гонцу. Тот жадно выпил.

— Старший дозора решил посчитать зургов, — продолжил гонец, отдав кубок. — Мы подождали до вечера и объехали их лагерь.

— Они видели вас? — спросил Архиль.

— Нет, Ваше величество, — покрутил головой гонец. — Мы были осторожны.

Король кивнул.

— Зургов не менее трех тысяч (по залу будто прошелестел ветер), пятнадцать бунчуков магов (ветер повторился), а над шатром в центре войска развевался флаг с кречетом.

— Хорошо рассмотрели? — уточнил король.

— Да, Ваше величество! — подтвердил гонец. — У всех нас доброе зрение, но Чинорк видит муху за сотню шагов. Он и рассмотрел флаг.

За столом зароптали: "Кунург... кунург..."

— Тихо! — прикрикнул Архиль. — Продолжай! — приказал гонцу.

— Старший дозора велел мне скакать в Оули. Отдал всех лошадей. Сам с другими остался... — гонец сделал паузу. — Я скакал ночь и весь день. Последняя лошадь пала у городских ворот...

Гонец покачнулся. Подскочивший слуга подхватил его.

— Увести! — приказал Архиль. — Накормить и уложить спать. Выдать награду. Тем, кто остался, тоже.

"Если вернуться", — подумал король, но вслух этого не сказал. Дозор остался на верную смерть. Без коней им не уйти, а зурги орков найдут. В походе они высылают перед собой сеть разведчиков. У старшего дозора был выбор: спастись всем, но тогда зурги свалились бы, как снег на голову. Старший поступил иначе. В гонцы отрядил самого юного. Тому лет семнадцать. Наверняка в первый раз в дозоре. И вот... "Орки, — подумал король. — Они преданы мне всей душой. А вот иль..."

Он поднял взор. Растерявшие хмель лофы смотрели на него.

— Открываем военный совет, — сказал Архиль. — Говори, Рексиль!

— Мы не ждали их так рано. Зурги приходят летом или поздней весной, если та ранняя, и дороги подсохли. В степи должна подняться трава — коням нужен корм. Тогда мы рассылаем дозоры и ставим заставы. Я думал сделать это после смотра...

Рексиль вздохнул.

— Не стоит оправдываться, — сказал Рексиль. — Что вышло, то вышло. Твои предложения?

— Вам, Ваше Величество, нужно скакать в столицу. Не медля. В Оули оставаться нельзя.

— А вы?

— Запремся в городе. Оули зургам не взять. У нас полтысячи воинов. Хватит, чтобы отстоять стены и делать вылазки.

— А селения? Кто защитит их?

— Пошлем гонцов. Они скажут оркам, чтобы уходили в леса.

— Где их разыщут и угонят в рабство, — сказал король. — Приграничье опустеет.

— Всех не найдут, — возразил наместник. — Кто-нибудь да останется.

— Селения разорят, замки сожгут, — продолжил король. — Их защищать некому — воины здесь. Мы обживали этот край сотню лет. И все прахом? Будут другие предложения?

Рексиль развел руками. Король обвел взглядом застолье. Лофы отводили глаза или опускали их долу.

— Разрешите, Ваше Величество?

На противоположном от короля конце стола встал Антон. Все повернулись к нему. Архиль сделал знак говорить.

— Считаю, нам нужно выйти к врагу и разгромить его в битве.

— Да что он понимает!.. Чужак! Мальчишка! Зургов вшестеро больше... Пятнадцать магов... — загомонили лофы, как только до них дошел смысл сказанного.

— Молчать! — рявкнул Лодорк, и в зале стихло.

— Продолжай! — кивнул король.

— Закрывшись в городе, мы сделаем зургам подарок. Им не нужен город, как и селения. Хотя рабов при случае они возьмут.

— А что им нужно?

— Камни! — лоф коснулся медальона. — У зургов Источников нет. Камни они покупают, а те стоят дорого. Пока будем сидеть в городе, они выработают Источники. Получат сотни, если не тысячи камней. А с ними можно и королевство завоевать.

— Вот как? — Архиль пробарабанил пальцами по столу. — Почему так решил?

— Несколько дней назад я посетил свой Источник. Хотел посмотреть... — лоф замаялся. — Возле него обнаружили следы сапог, на дороге — коня. Следы были неясные, но управляющий объяснил, что копыта лошади обернули шкурами. Так делают лазутчики. Причем, к селению зург не пошел, осмотрел только Источник. Спрашивается, почему? Если им требуются рабы, почему не разведал пути к деревне? Думаю, возле других Источников они тоже побывали.

— И ты молчал? — рассердился король.

— Хотел рассказать сегодня, — смутился Антон. — Не успел.

Он замолчал, в зале установилась тишина. Присутствующие переваривали новость. От услышанного захватывало дух.

— Где-нибудь еще видели лазутчиков? — спросил король.

— У меня, — встал лоф Тумса. — Две декады тому. Правда, не догнали. Конь у него резвый.

Лоф сел.

— Еще?

— У нас застрелили, — поднялся другой лоф. — Взять живым не удалось — убежал шустро. Я не придал этому значения.

— Когда обычно приходят лазутчики? — спросил король.

— Позже, — ответил Рексиль.

— Я разочарован, лофы! — рявкнул король. — Считал, что в приграничье у меня порядок. А тут... Лазутчики зургов пришли раньше времени, но никто не подумал послать в Оули гонца. С него спроса нет, — Архиль указал на Антона. — Он здесь менее года, к тому же чужак. Но вы правите землями много лет. "Не придали значения", — передразнил король. — А наместник ждет пока подсохнут дороги...

Он замолчал. Сидевшие за столом опустили взоры.

— Ладно! — вздохнул король. — Об этом позже. Сейчас нужно думать о зургах. Ты предлагаешь, — он посмотрел на Антона, — дать им бой. Но зургов вшестеро больше. Пятнадцать магов.

— Никто из них не успеет ударить Кулаком. Я убью их раньше.

Все уставились на Антона.

— Сегодня я демонстрировал свое оружие. Но оно маломощное. Есть другое. Два пулемета, снайперская винтовка и автомат. Более чем достаточно.

— Ты привез это в Оули? — заинтересовался король.

— Да, Ваше величество. Пулеметчики тоже здесь.

— Зачем брал?

— На всякий случай. Все-таки лазутчик...

— Учитесь, лофы! — Архиль указал на Антона. — Едет на смотр, а собирается как на войну. Уверен, что маги зургов не приблизятся на удар Кулака?

— Да, Ваше величество! — вскочила Люсиль.

— Я спрашивал лофа, — буркнул Архиль.

— Я его заместитель по боевой подготовке. Видела действие его оружия, стреляла сама. Энтону могут не поверить — он здесь чужак. Но я, Люсиль, дочь Бергиля, ответственнс заявляю: ни один маг зургов не приблизится к нашему войску ближе трехсот шагов. Мы их убьем!

— Хорошо! — кивнул Архиль. — Садись, Люсиль, дочь Бергиля. Приятно видеть такую любовь к мужу.

За столом вспорхнули смешки. Груз тяжелой новости спал с плеч собравшихся, и они позволили себе веселье. Люсиль запунцовела и опустилась на скамью.

— Магов мы убьем, — продолжил Архиль, — а что дальше? Все-таки три тысячи против пяти сотен. Лофы ударят Кулаками... Сколько у них камней?

— По два-три, — ответил Рексиль.

— В казне есть запас?

— Отвезли в столицу, — вздохнул наместник. — Не ждали большой войны.

— А она пришла! — сказал король. — Семь лофов с двумя-тремя камнями у каждого...

Тысячу зургов они убьют. Останется две.

— Я тоже маг, — поспешил наместник. — И камней у меня пять.

— Еще пятьсот зургов, — согласился Архиль. — Останется полторы тысячи. С ними кунург, и они не побегут. Полторы тысячи против наших пятисот... — он покрутил головой.

— Каждый маг получит адамант!

Все уставились на Антона. А тот вытащил из кармана и высыпал на стол горсть черных камешков. Собравшиеся ошеломленно смотрели на них. Антон понял это по-своему.

— Вот! — он взял камень и протянул его ближнему лофу. Тот осторожно взял.

— Щиплется! — сказал изумленно. — И вправду адамант!

— Адамант! Адамант! — зашумели за столом.

Антон сгреб камни и двинулся вокруг стола, раздавая их. Лофы принимали адаманты бережно, зажимали в кулаки, и выражение их лиц с настороженного сменялось восторженным. Антон закончил раздачу и хотел сесть, но не тут-то было.

— А нас, почему обошел? — спросил Архиль. — Мы с ним, — он указал на Лодорка, — тоже маги.

— Вы выйдете на сражение? — удивился Антон.

— Мы не такие старые! — ухмыльнулся Архиль.

— Ваше величество!.. — подскочил Рексиль.

— Сиди! — окрысился король. — Приграничье чуть не просрал, и еще будешь меня учить? Давай! — кивнул он Антону.

Тот подошел и вручил старикам по камню.

— Что ж, — сказал Архиль. — Выступаем на рассвете. Рексиль, лофы, позаботьтесь!

Все встали и потянулись к дверям.

— Высокородный Иль-Ин! — окликнул король. — Задержитесь.

— А я? — обернулась Люсиль.

— И ты тоже! — вздохнул Архиль.

* * *

— Пришлый умен, — заметил Лодорк. — Очень. Даже удивительно для его лет. Никто в Руме не додумался разобрать камни у Источника.

— Он просто знал! — хмыкнул король. — В его мире умеют перерабатывать отвалы. Ты сам слышал. Там, где возились рудокопы, работают "машины", — последнее слово Архиль произнес неуверенно. — Их мир стар, и они многому научились. Их знания велики. Детей учат с малого возраста. Они вырастают, становятся зрелыми, но все учатся. Иль-Ину более двадцати лет, а он не завершил обучение. Представляешь, сколько знает?

— Ты уже решил?

— Да, — кивнул Архиль. — Иль-Ин уедет со мной. Тем более что Люсиль просила.

— А Гонсей?

— Отдам Куворку.

— Правильно! — согласился Лодорк. — Справится. Воины у него добрые.

— Сколько их уцелеет? — вздохнул король.

— Думаю, много, — сказал Лодорк.

- Если Иль-Ин сдержит обещание.
- Сам говорил, что многое умеет.
- Посмотрим, — буркнул король.

* * *

— Это все? — спросил кунург.

— Да, Святозарный! — подтвердил Нург. — Разъезды проверили окрестности.

— Их пять сотен!

— Около шести.

— Пусть так, — согласился кунург. — Но шесть сотен против трех тысяч? Сколько у них магов?

— Мои разведчики видели десять флагов. Один из них с головой волка на синем поле.

— Архиль? Здесь?

— Воины близ флага богато вооружены. Железные кольчуги и такие же шлемы. Синие щиты с медными умбонами. Это личная сотня короля. Только они носят такие.

— Мне это не нравится, Нург!

— Почему?

— Старый лис осторожен. Не знаю, как он оказался здесь, но выйти с шестью сотнями против трех тысяч? С десятью магами против пятнадцати? Не похоже на Архилья. Он что-то задумал. Вдруг у них адаманты?

— Их хранят в казне. Выдают только в случае большой войны. Король не мог знать о нашествии. В противном случае привел бы войско. Но перед нами воины наместника и отряды лофов. Мои разведчики хорошо рассмотрели. Обычное вооружение. Выделяется только сотня короля.

— Думаешь, Архиль сошел с ума?

— Просто ошибся. Недооценил нас. Никогда раньше мы не приходили так рано и с такими силами. Не знаю, что донесли ему дозорные, но они вряд ли рассмотрели нас хорошо. Наши разъезды идут плотно, к войску не допустят. Архиль решил, что это обычный набег, и повел сотни сам. Теперь понял, но поздно. Ему не уйти.

— Хорошо, если так, — вздохнул кунург.

— Не понимаю твоей тревоги, — улыбнулся Нург. — Все складывается как нельзя лучше. Вместо того чтобы осаждать Оули, разобьем орков в поле. Беззащитный город сам падет к нам в руки. Затем придет черед замков лофов. Они, как и Оули, стоят без воинов. Мы растечемся по землям орков, захватим рабов. Погоним их к Источникам. Орки добудут камни. Тех будут сотни, в том числе адаманты. Рум падет. Мы захватим их города, казну, пойдем в земли других. Нимей признает твое могущество, Святозарный!

— Да будет на то воля богов! — кивнул кунург. — Я принесу им жертвы. Лучших коней, молодых рабов. И все-таки мне тревожно, Нург. Приведи Хухруга!

Нург поклонился и ускакал. Кунург тем временем вновь осмотрел поле, вернее, обширный пойменный луг. С пригорка, на котром стоял повелитель, открывался отличный вид. Две рати, отделенные расстоянием в полтысячи шагов, готовились к битве. Одна, большая, растянувшаяся на три полета стрелы, нависала над маленькой, прижатой к реке. "У них хватило ума перебраться на наш берег, — подумал кунург. — Боялись, что мы обойдем.

Теперь им не убежать. Попробуют — утонут". Он привстал на стременах. Зурги закончили построение. Перед войском, развеваемые ветром, трепетали бунчуки магов. За ними теснились ряды всадников. Наконечники их копий блестели в лучах Светила. Все верно. Маги ударят первыми. Часть орков убьют, другим расстроят ряды. В эти прорехи ворвется конница. Орков прижмут к воде и вырежут. Если Нург прав, все произойдет быстро. А если нет? Что может противопоставить враг? Своих магов? Их меньше. Битва начнется с их противостояния. Часть магов орки убьют, но и сами лягут. Уцелевшие маги зургов довершат разгром.

"Вдруг у орков есть адаманты? — подумал кунург. Мысль была неприятной, холодной, от нее скребло на душе. — Все-таки здесь Архиль. Он мог взять с собой камень. Потому и вышел с войском?"

Он не додумал. Маг в пестрой одежде на рыжем коне подскакал к повелителю. За ним следовал Нург. Маг поклонился.

— Ты звал меня, Святозарный?

— Да, — ответил кунург. — Держи!

Он протянул мешочек. Маг взял и распустил шнурок. Вытряхнул на ладонь камень.

— Святозарный!..

— Ты лучший из магов, — сказал кунург. — Самый сильный и умелый. Тебе и владеть.

— Я буду славить твое имя! — выкрикнул маг.

— Лучше убей короля орков, — сказал кунург. — Его сотня в центре. Синий флаг с волчьей головой, у воинов такого же цвета щиты. Ударь их издалека, чтоб не попасть под ответный Кулак. Сможешь?

— С адамантом моя сила возрастет! — заверил Хухруг. — Ударю с трехсот шагов. Они полетят, как листья!

— Скачи! И будь осторожен. У орков может быть адамант.

— Повинуюсь, Святозарный!

Хухруг приложил камень ко лбу, низко поклонился и ускакал.

— Ты дал ему адамант! — покачал головой Нург.

— Если мы разобьем орков, их будет много, — ответил кунург. — Лучше отдать камень, но избежать случайностей.

— Ты мудр, Святозарный! — поклонился Нург.

— Давай сигнал! — велел повелитель.

Нург взял желтый флаг у воина из стражи и замахал им над головой. В середине войска взвыли медные трубы — сигнальщики не упустили знак. Кунург привстал на стременах. От передней линии войска зургов отделились пятнадцать групп конных. Отъехав с сотню шагов, маги спешили. Их примеру последовали сопровождавшие их воины. Коноводы увели лошадей. Все, как положено. С седла Кулаком не бьют. Лошадь может дернуться и помешать магу сосредоточиться. Или же его удар пройдет мимо цели. Воины закрыли магов щитами и те двинули навстречу противнику. Строй орков не шелохнулся. "Почему их маги не вышли навстречу? — удивился кунург. — Они позволяют моим подойти? Это же верная смерть!" Дурное предчувствие ледяными иголками укололо грудь. Кунург прошел не одну битву, и те начинались одинаково. Сначала противостояние магов, затем — войск. Но здесь все шло по иному. "Надо отозвать магов! — мелькнула мысль. — Что-то не так".

Кунург повертел головой в поисках Нурга. Советника рядом не оказалось — ускакал в передние ряды. Кунург вспомнил, что сам отослал его проследить. Он хотел позвать

стража, но не успел. Со стороны войска орков сухо треснуло — как будто палкой по дереву ударили. Кунург повернул голову и похолодел: шагавший в центре Хухруг лежал на земле. Над ним, укрывая мага щитами, склонились стражники. В следующий миг затрещало часто-часто. И маги зургов стали падать один за другим...

* * *

В ночь перед битвой Антон плохо спал. Причиной был разговор с королем и его воеводой. Старички вытянули из него все. Допрашивать они умели, и этой чертой походили на отца. Тому врать было бесполезно. Антон рассказал все, в том числе об адамантах. Это сообщение изумило старичков. Узнав, что камни нашлись в куче отходов, они уставились на Люсиль. Та подтвердила слова мужа. После чего король с воеводой долго ругались. Поминали светлых и темных богов, называли кого-то баранами и козлами, обещали по возвращению в столицу оторвать им все выступающие части тела. Старички бушевали минут пять. После чего умолкли и уставились на Антона. Тот поежился.

— Зурги знают об адамантах? — спросил Архиль.

— Не исключено.

— Почему так решил?

— Куча, которую мы разгребли... Зург копался в ней.

— Бревно им в задницу! — рыкнул король. — И кол в горло! Чтоб у них член на лбу вырос, и они, что поссать, шапки снимали! Стерво песье! — он прекратил ругаться и посмотрел на Антона. — Их надо остановить, лоф. Любой ценой! — Архиль сжал кулак. — Если зурги получают адаманты... — он помолчал. — Ты обещал убить их магов. Сдможешь?

— Постараюсь! — сказал Антон.

— Сделай! — приказал король. — Если зурги прорвутся к Источникам, это полбеды. Но если у них будут маги, мы не выстоим. Руму конец. Понял?

— Так точно, Ваше Величество! — вытянулся Антон.

— Справишься — не забуду. Что хочешь?

— Лофство для Куворка.

— Да хоть пограничье! — хмыкнул король. — Рексиль просится в столицу, к тому же оказался недалевидным. А ведь я считал его лучшим, — Архиль вздохнул.

— Пограничье не нужно, — попросил Антон. — Куворку нравится Гонсей.

— Гонсей, так Гонсей, — не стал спорить король. — Иди, сынок, думай! И отдохни. Завтра у нас тяжелый день...

И вот теперь Антон лежал, раз за разом прокручивая в голове ситуацию. И, как бы не рассматривал план битвы, выходило, что у них выйдет. Оружие отказать не может. Это Калашников и Драгунов, изготовленные на советских заводах. Оружие вычищено и смазано. Пулеметчики подготовлены и знают дело. Они могут растеряться — все-таки в первый раз, но Антон проследит. Поначалу, он собирался рассредоточить огневые точки по фронту — так было правильно с тактической точки зрения. Но у противника нет средств подавления пулеметов. Кулак не считается — не долетит. Так что они сделают дзот. Распределят цели. Нулорк с Вилорком возьмут на себя фланги. Он — центр. Люсиль подстрахует их автомата. Антон даст ей АКМС, сам будет с винтовкой.

Приняв решение, Антон забылся. Сон, который к нему пришел, был странным. Он видел

комнату постоянного двора, в которой спал, прикорнувшую у стены Люсиль, сундук у окна, стол, лавку. Но все было в зеленоватых тонах, как будто Антон смотрел сквозь "Ясень". Так назывался прибор ночного видения, который имелся на КПП. Предназначался он для негласного обыска квартир и других мест. Зачем "Ясень" понадобился на границе, Антон не понимал. Какие там квартиры? Прибор использовали при проявке пленок. Саше Шубину, который фотографировал документы иностранцев и прочие, интересующие КГБ бумаги, нельзя было ошибиться. Недодержанную или перепроявленную пленку ему бы не простили. Так что он наблюдал за процессом сквозь "Ясень". Инфракрасный фонарь пленке не вредил. В нужный момент Саша выхватывал ее из бачка, совал в воду, а затем — в фиксаж. Снимал Саша и пограничников. Дембельский альбом — это святое. Антон фотографировать умел, поэтому помогал другу. И хорошо запомнил этот зеленоватый цвет.

И вот сейчас он озарял комнату. Внезапно Антона вынесло наружу. Он парил над постоянным двором, отчетливо различая длинное, похожее на барак здание, сложенное из толстых бревен, сарай, конюшни, будку пса. Присмотревшись, он различил в ней яркое пятно. Пес спал, положив голову на вытянутые лапы. "Это я сквозь крышу вижу!" — догадался Антон. Он решил проверить открывшееся умение и взмыл над зданием. И почти тотчас разглядел такие же пятна в комнатах. Орки спали, вытянувшись на топчанах, некоторые ворочались, двигали руками и ногам. Антон рассмотрел себя и Люсиль. Жена, как обычно, прижималась к нему. Их яркие пятна почти слились в одно. "Это я вылетел из тела, — понял Антон. — Поэтому и вижу себя".

Странно, но он несколько не испугался. Наоборот, порадовался. Он решил осмотреть город и поднялся выше. Но сверху жители различались плохо — яркие пятнышки в домах — и все. Антон спустился и заскользил над стенами. Он видел стражников. Те стояли у ворот, патрулировали стены, двое находились на вершине башни и смотрели на восток. "Бдят!" — с удовлетворением отметил Антон. Он собрался лететь к дворцу наместника, но в последний миг передумал. Чего там смотреть? Он вернулся к постоянному двору, скользнул в свою комнату и несколько мгновений смотрел на себя и жену. Люсиль, примостив голову на его плече, тихо сопела. Внезапно она завозилась, Антона потянуло вниз, и он проснулся.

Открыв глаза, он приподнял голову и осмотрелся. Вокруг него все было то же, только не зеленоватое, а темно-серое. И различалось плохо. Обычный вид ночной комнаты. Станный сон. Подумав, Антон решил, что ему не привиделось. Слишком реальным было то, что он наблюдал. "Это во мне что-то открылось", — решил он. Следовало проверить, и он закрыл глаза. Его вновь вынесло наружу к уже знакомым конюшням. И даже пес в будке лежал в той же позе. Антон захотел вернуться, и это получилось. Он открыл глаза, скосил взгляд на спящую Люсиль и опустил голову на подушку. "Мы с этим разберемся!" — решил он и уснул. В этот раз без сновидений.

Утром навалились заботы, и Антон не стал ничего проверять — некогда. На рассвете войско покинуло город. К полудню они увидели реку, перебрались на другой берег и стали строиться. Почти тот час на противоположном краю поймы показались разьезды зургов. Они выскочили на луг и направились к ним. Подскакав на полет стрелы, принялись разглядывать. Архиль велел зургов отогнать, что орки и сделали. Пока шла вся эта возня, воины Гонсея наполнили несколько мешков речным песком. Антон показал, как сложить бруствер. Получилась разогнутая подкова, выпуклой стороной направленная в сторону противника. Мешки замаскировали травой. Внутри бросили войлочные попоны. Антон установил пулеметы, в центре пристроил винтовку и автомат. Лег к каждому стволу и

наметил секторы обстрела. Они с лихвой перекрывали друг друга. Антон уложил к пулеметам Вилорка с Нулорк, объяснил задачу. Потребовал повторить, приложиться к прицелу и даже пощелкать вхолостую. Стрелять было нельзя — враг рядом. Пока огневую точку готовили, со стороны луга ее закрывали воины короля. Они отступили, когда стрелки залегли. Прямо перед собой Антон увидел выстроившееся войско зургов. От такого количества врагов у него перехватило дух. И не только у него.

— Сколько же их! — воскликнул Вилорк. Нулорк промолчала, но Антон увидел, как дрогнули плечи девушки.

— Больше пришло, больше здесь и останется! — сказал он. — Так, Люсиль?

Та фыркнула по-кошачьи. Пулеметчики засмеялись.

— Огонь — после моего выстрела, — напомнил Антон. — Наша цель — маги. С другими разберутся лофы. Все поняли?

Ему ответили: не стройно, но твердо. Антон присоединил магазин к винтовке, дернул за рукоятку затворной рамы. Остальные повторили его действия. Антон угнездил цевье винтовки на мешке с песком и приник к окуляру оптического прицела. Дальномерная сетка помогла прикинуть расстояние — около пятисот метров. Далеко. Он не снайпер, поэтому наверняка промахнется. Про пулеметчиков и говорить нечего. А им нужно ударить наверняка. Антон наклонил ствол и рассмотрел примерно на середине расстояние между ними и зургами чахлый кустик. Прикинул дистанцию — 250–300 метров. Кустик станет ориентиром.

Тем временем в рядах зургов завывли трубы. От передних рядов отделились группы всадников. Отлипнув от прицела, Антон смотрел, как те приближаются. Маги ехали пышно и торжественно. Трепетали на поднятых копьях бунчуки из конских хвостов. Сами маги были обряжены в цветные одежды. "Они б еще мишени на груди нарисовали!", — подумал Антон и мысленно хмыкнул. Проехав с сотню шагов, маги с охранниками спешили. Коноводы взяли поводья лошадей, и увели их. Охранники подняли щиты и закрыли магов. "Вот, значит, как! — подумал Антон и приник к прицелу. — Видели мы такое". Спустя мгновение он понял, что несколько поторопился с выводами. Мага за щитами видно не было, как и его охранников. Куда стрелять? У него винтовка, а не пулемет, очередью не полоснешь. Внезапно он словно воспарил над лугом, и в тех же зеленоватых тонах рассмотрел цель. В центре приближавшегося к нему построения сияло пятно. Два, поменьше, двигались по сторонам. "Щитоносцы", — понял Антон. Он вернулся к себе и приник к прицелу. Маг с охранниками миновали кустик. Антон прицелился и потянул спуск. Выстрела он не услышал — СВД лишь толкнула в плечо. В тот же миг по обеим сторонам загрохотали очереди. Антон увидел, как щиты перед ним склонились к земле, и догадался, что попал. Охранники его не интересовали, и он перевел прицел на соседнюю цель...

* * *

Кунург, открыв рот, смотрел, как убивают его магов. "Тра-та-та-та..." — неслось от войска зургов. И вслед этим звукам, падали на землю маги и сопровождавшие их воины. Предчувствие не обмануло его. Эта хитрая лиса, Архиль, провел его. В тайне приготовил необычное и смертоносное оружие, способное убить мага на большом расстоянии. И он, кунург, угодил в ловушку. Без магов он словно цапля против кречета.

Тем временем треск смолк. Вместе с ним кончились и маги. Они лежали на траве ворохами ярких одежд в окружении воинов, которые разделили их судьбу. В стане орков пропела труба. Из рядов войска выехало десять групп всадников. Над каждым отрядом развеялся флаг. Кунург не мог рассмотреть нарисованные на них символы, но знал, что Архиль возглавляет один из них. Старый лис не мог упустить такую возможность.

— Святозарный!

Кунург повернул голову. К нему на взмыленной лошади подскочил Нург.

— Святозарный! — вновь выпалил он. — Надо уходить. Маги убиты, а без них нам выстоять. Отдай повеление! Скорей!

— А кто говорил, что мы разобьем орков? — ощущая, как закипает гнев, спросил кунург. — Кто уверял, что разведчики все рассмотрели? Я спрашиваю тебя, отродье шакала!

Ответить Нург не успел. Повелитель выхватил меч и полоснул клинком по горлу советника. Тот захрипел и свалился к ногам коня.

— Стоять! — рявкнул кунург ошеломленной охране. — Скачите в войска! Передать всем: стоять до последнего! Нас больше, и мы разобьем орков. Зурги не бегут. Живо!

Охрану смело с пригорка. Кунург повернулся к полю. Маги орков спешили, и, как и зурги ранее, шли к противнику. Воины прикрывали их щитами. Кунург рассмотрел, как в передних рядах его войска лучники натягивают тетивы. На миг кунург ощутил радость. Его зурги не растерялись. Знают, что делать. Все не так плохо, как утверждал этот трус. Магов орков засыплют стрелами. Чтобы пустить Кулак, им нужно выглянуть поверх щита. Кого-то убьют, кого-то заденут. Раненый маг не воин. В их построении появятся прорехи. Туда рванутся зурги. Обойдут магов с боков и перебьют их. Многие не доскачут, но воинов у кунурга много...

Маги орков встали перед зургами на расстоянии полета стрелы. "Боятся подойти ближе! — возликовал кунург. — С такого расстояния Кулак не нанесет вреда. Они попусту растратят Силу".

В этот миг на войско зургов будто обрушился шквал. Передние ряды снесло. Кунург ошеломленно смотрел, как, кувыркаясь, летят воздухе воины и лошади, как они рушатся на задние ряды, убивая и калеча не затронутых Кулаком воинов. "Как это может быть? — изумился он. — До магов так далеко!"

Тем временем шквал повторился. Вновь в воздух взлетели зурги и лошади. Кунург не заметил, как тронул поводья коня и спустился с пригорка. Но ускакать не успел. Его затопил поток воинов. Не обращая внимания на крик повелителя, зурги нахлестывали коней, спасаясь от ужаса, что шел вслед. Будь с повелителем охрана, она навела бы порядок. Но кунург ее отослал. Его завертело в потоке и выбросило к противнику. Здесь убежавших не было. Валялись тела воинов и коней — порознь и кучами. Везде слышались стоны и жалобное ржание. Кунург развернул коня. В следующий миг на них свалилось тело лошади. Ни всадник, ни конь удара не выдержали. Основной удар пришелся на шею лошади. Хрустнул позвоночник, и конь рухнул, придавив всадника к земле. Тяжелый круп сломал ногу кунургу. Боль лишила его сознания. Придя в себя, он попытался выбраться из-под мертвой лошади. Не смог.

Некоторое время кунург барахтался, не обращая внимания на дикую боль, но все бестолку. Поняв тщетность своих усилий, он застыл. Сегодня боги немилостивы к нему. Он умрет. Смерти кунург не боялся — она ходит по пятам за воинами. Но обидно умереть не в бою, а вот так, придавленным собственным конем. Он не сумел захватить земли орков, и

Зургия не станет великой страной. Он обманул надежды Степи. Его проклянут и назовут отродьем. Так, как он обозвал Нурга.

Шум битвы стихал. Неподалеку слышались голоса. Кунург оперся на руки и приподнялся. Смерть он встретит достойно. По полю битвы шли воины врага. Они рассматривали тела зургов, собирали оружие и обшаривали трупы. Среди них кунург к удивлению заметил женщину. На ней была кольчуга и шлем, на поясе — меч и клевец. Через плечо на ремешке висел странный деревянный футляр. Меч женщина держала в руке, время от времени втыкая клинок в тела зургов. "Добывает раненых", — понял кунург.

Женщина, видимо, почувствовала его взгляд. Она повернула голову и направилась к нему. Подойдя, остановилась в шаге. Кунург рассмотрел ее. Большие глаза травяного цвета, аккуратный носик и маленький рот с пухлыми губками. "Иль с лицом хумми, — удивился он. — Красивая! Она бы украсила мой гарем. Жаль..."

— Что я вижу! — насмешливо сказала женщина. — Сам кунург!

— Я его приближенный, — соврал повелитель. Он говорил на языке орков.

— Не лги! — нахмурилась женщина. — На тебе доспех и шлем с золотой насечкой. На навершии — алый бунчук. Только кунург вправе его носить. Я рада видеть тебя, зург. Мечтала об этой встрече. Я Люсиль, дочь Бергиля. Два года назад зурги напали на войско моего отца. Он погиб, как и другие воины. Меня искалечили, но я выжила. Мечтала отомстить.

— Это война, — буркнул кунург.

— Которую развязал ты. Орки не ходят в земли зургов, а вот вас к нам будто на мед тянет. Нападаете исподтишка, разоряете селения, угоняете рабов. Но теперь все. Ни ты, ни твои подданные больше не придут. Войска у зургов более нет, как и магов. Мы пройдем по вашим землям огнем и мечом. Навсегда отобьем охоту нападать на Рум. Понял?

— Что будешь делать? — спросил кунург.

— Отнесу твою голову королю. Он порадуетя.

— За меня дадут выкуп, — поспешил кунург.

— Мы возьмем его и без тебя, — сказала женщина и взмахнула мечом.

Кунург ощутил дикую боль. Миг — и его голова скатилась с плеч. Последнее, что увидели глаза повелителя, был круп лошади.

Антон гнал УАЗ по лесной дороге. Тент с машины он снял, и теперь встречный воздух врывался в кабину, ерошил его волосы и приятно охлаждал тело. Поднятая колесами пыль клубилась за автомобилем и оседала на придорожных кустах и траве. Антон со злорадством думал о следующем за ними в отдалении короле и его воинах. Пусть глотают! А то вздумали воткнуть его посреди колонны! Антон пару раз глотнул пыли и затребовал изменения порядка движения. Архиль для приличия поупирался и кивнул. Дороги в этой части королевства безопасны — их регулярно патрулируют отряды лофов. Обнаружат разбойников — вырежут беспощадно. Сил и умения у них хватит. Но главной причиной согласия короля было желание ехать спокойно. Кони боялись автомобиля — шарахались и вставали на дыбы. Пусть лучше чужак катит впереди!

Вот Антон и катил. На очередном повороте он заложил вираж, Люсиль взвизгнула и привалилась к его плечу. Визжать, по мнению Антона, было не с чего — скорость УАЗа не превышала пятидесяти километров в час. Но для эмоций Люсиль хватало. Поездка жене нравилось. У нее горели глаза, она протягивала руки, ловя напор набегавшего воздуха, а повизгивала лишь от полноты чувств.

Где Антон раздобыл бензин для поездки? У-у-у... Антон не читал современной нам фантастики и поэтому не знал, что для мага превратить воду в бензин — это как пальцем об асфальт. Или головой — кому как нравится. Попыхтел немного, сотворил пару плетений — и принимай, Родина, месторождение высокооктанового бензина. Была река, теперь Кувейт. Но Антон не относился к поколению, испорченному ЕГЭ, поэтому в физике разбирался. Знал, что такое в принципе невозможно, потому и не заморачивался насчет плетений. С бензином ему повезло. Свалился рояль. Большой такой, черный и с лакированной крышкой. Случилось это после битвы с зургами, и было так. После третьего удара Кулаками степняки побежали. А что им оставалось? Последствия магических ударов были страшны. Летящие в воздухе тела людей и коней, горы трупов... Как объяснила Люсиль, использование обычных камней не давало такого эффекта. Маги били, пока не кончалась Сила. Потом наступал черед воинов. Но в этот раз у лофов были алмазаны. Зургам пришлось худо. Они ринулись наутек, и Архиль приказал с Кулаками завязать. Конные сотни устремились в погоню, пехота (взвод Гонсея и сотня наместника) осталась прочесывать поле битвы. Воины собирали трофеи и добивали раненых.

Антон добивать не пошел — претило. Но Люсиль отпустил — понимал, что ей движет. Жена взяла взвод и отправилась сводить счеты. Она притащила королю голову царька степняков — кунурга. Хвасталась, что срубила ее лично. Архиль в ответ только кивнул, и велел голову выбросить — нечего всякую падаль в лагерь тащить. Люсиль обиделась, но скоро отошла. Занялась трофеями. Под ее присмотром воины складывали добычу в кучи: оружие, доспехи, одежду... Пригоняли и сбивали в табун уцелевших лошадей. После все подсчитают и поделают по справедливости между участниками сражения. Антон оказался не при делах. С трофеями разберутся и без него. Он сел в седло и отправился осматривать поле битвы. Прежде ему не доводилось видеть такое количество трупов. Смотреть на них было жутко, но любопытство перевешивало.

Навстречу вышли трофейщики. Они гнали к реке повозки зургов — добрались до обоза. Скрипели несмазанные колеса, мычали быки, воины подгоняли их, поминая зургов и их

мать. Антон потянул поводья, как вдруг ветер донес до него забытый запах. Бензин? Откуда? Антон решил, что ему почудилось. Однако запах усилился. Он шел от обоза, и Антон подскакал ближе. В одной из повозок стояли ряды бочек. Пахло явно от них. В повозке сидел немолодой воин, который подгонял запряженных быков ударами вожжей.

— Что везешь? — поинтересовался Антон.

— Земляное масло, — ответил воин.

— Хочу посмотреть.

Орк не стал спорить. Выехал из колонны и остановил повозку. Затем взял тесак и выковырял деревянную пробку из бочки. Антон обмакнул палец в жидкость, достал, понюхал и даже лизнул, не забыв, разумеется, позже сплюнуть. Это был бензин — чистый и прозрачный.

— Откуда у зургов масло? — спросил воина.

— Из-под земли, — пояснил орк. — Говорят, есть целые озера.

— И что зурги с ним делают?

— Добавляют соль и жгут в лампах. Без соли нельзя — так вспыхнет, что глаза сожжешь. Соли у зургов много — тоже озера. Наши купцы ее возят. Покупают мешок за чешуйку, продают за серебряк, — воин сморщился. — А ту соль рабы добывают — наши, орки. Больше двух лет не выживают... — он помолчал. — Еще зурги маслом жгут наши селения. Привязывают к стрелам паклю, обмакивают, поджигают и пускают в крыши. Могут полить маслом ворота и тоже поджечь, — воин сплюнул.

— Продай! — попросил Антон.

— Добычу не делили, — засомневался орк.

— Вместо нее отнесешь серебро, — Антон вытащил из кошелька горсть монет и всыпал в ладонь воина. — Хватит?

— Много! — покрутил головой орк. — Не стоит оно столько.

— Остаток возьми себе.

Орк хмыкнул и спрятал серебро.

— Найдешь высокородную Люсиль, отдашь ей повозку и объяснишь, что купил муж.

— Знаю вас, высокородный! — поклонился орк. — Не сомневайтесь, все сделаю.

... В Гонсее Антон залил "масло" в бак УАЗа, мысленно перекрестился и завел двигатель. Тот "схватился" с пол-оборота. Труба выплюнула сизый дымок, и вскоре сарай, где стояла машина, наполнился выхлопными газами. Антон заглушил двигатель — не хватало угореть. Прошлой весной, используя домкрат (инструмент в машине был), он поставил УАЗ на колодки. Снял колеса, сбросил с аккумулятора клеммы — все, как учил отец. Но надежды использовать автомобиль не было. Антон даже порывался отдать его кузнецу на металл. А что? Сталь хорошая, много лучше, чем местная. Но вовремя спохватился: УАЗ казенный, кто дал ему право разбазаривать добро? Правильно поступил. Проветрив сарай, Антон прикрутил к УАЗу колеса, завел и прокатился по окрестностям. Двигатель работал ровно, смесь в цилиндрах не детонировала, карбюратор регулировать не пришлось. Вот и отлично! Поразмыслив, Антон понял, откуда бензин. Друзья отца как-то рассказывали. В Азербайджане имелись месторождения белой нефти, то есть чистой и прозрачной. Ее заливали в баки машин и ездили. А что? Октановое число белой нефти где-то 60. Для двигателей той поры вполне. Мотор УАЗа, хоть и другого поколения, предназначался для военного автомобиля. Надежный и неприхотливый, он жрал белую нефть за милую душу. "Еще б моторного масла раздобыть", — подумал Антон. Это, впрочем,

могло подождать. Автомобиль Антону достался новый, что не удивительно — их только начали выпускать. Пробег никакой, все жидкости — под завязку. Есть комплект инструментов и "запаска". Что еще нужно для счастья? Не хватало только бензина, но нашелся и тот.

Далее было прощание и проводы. Антон оставил Куворку два АКМ и ящик патронов. Пулеметы забрал. Отбить нападение хватит и автоматов. Нулорк с Вилорком переучивать не придется. РПК и АКМ практически идентичны. У пулемета длиннее и тяжелее ствол, ести сошки, остальное все то же. Еще Антон оставил десяток гранат. Куворк не маг, ему нужнее. В ответ новый лоф отдал другу адаманты.

— Бери! — сказал, отвечая на возражения. — Мне без нужды. Понадобятся — добудем. Источник есть.

Потом был обед, объятия и поцелуи. Проводить лофа съехалось чуть ли не все лофство. И как только узнали? Орки выстроились вдоль дороги. Антон на груженной до верха машине катил сквозь толпу. Ему махали руками, выкрикивали пожелания, призывали на его голову милость богов. Так длилось, пока замок не скрылся за поворотом.

— Не ожидала, что тебя так любят, — сказала Люсиль. — Ладно, слуги, но селяне? Ты-то правил всего нечего. Почему?

— В эту зиму никто не голодал и мерз, — ответил Антон. — В разгаре весна, а в домах есть хлеб. Прежде не было.

— Дело не в хлебе, — сказала Люсиль, — мои тоже не голодают. Но чтоб так провожали... Ты относишься к ним, как к равным. Почему?

— В моем государстве нет простолюдинов и высокородных. Я к этому привык.

— Орки это видят, — заключила Люсиль. — Поэтому и любят. Но я так не могу.

— Привыкнешь! — приободрил Антон.

Они отъехали от Гонсея пару миль, как вдруг на дороге возник волк. "Тоже пришел проводить", — подумал Антон. Он остановил УАЗ и вышел.

— Уезжаю, Серый Брат, — сказал, подойдя ближе.

"Другие двуногие меня не тронут?" — спросил волк.

— Если оставишь в покое их скот.

"Дичи в лесу много. Хотя овца, которую ты дал мне зимой, была вкусной", — волк облизнулся.

— Забудь! — посоветовал Антон. — Иначе кончится плохо.

"Хорошо, — согласился волк. — Но ты приезжай. С тобой приятно иметь дело".

Антон развел руками. Волк шагнул к нему, лизнул в щеку и порскнул в кусты.

В Оули они прибыли к вечеру. Конным понадобилось бы тащиться пару дней. Вот что значит автомобиль! Катит себе и отдыха не требует. В Оули бочку с нефтью и часть ящиков с патронами перегрузили в повозку с другим имуществом. Антон оставлял его в Оули — все равно уезжает. Везти в машине — угробить подвеску. Местные дороги не асфальт, сломаешь рессоры — где починить? Так что ехали они налегке, что и позволяло держать скорость. Впрочем, умеренную. Дорога была узкой и не совсем ровной, хотя ухабов не имела. Их регулярно засыпали селяне из окрестных деревень. Этим путем в случае войны перебрасывали войска. От скорости их передвижения зависело многое.

Крутя баранку, Антон время от времени нагонял на себя знакомое состояние и отправлял веред свое второе "я". И тренировка и развлечение. После битвы с зургами он убедился, что может действовать в двух ипостасях. Один Антон вел автомобиль, второй в это

время летел вперед и осматривал окрестности. При этом изображение получал в зеленоватых тонах, как сквозь прибор ночного видения. Ну, и что? Деревья не мешали Антону видеть животных — их выдавало свечение тел. Антон мог опустить своего "наблюдателя" и рассмотреть животное подробнее. На прошлой стоянке таким образом увидел оленя, взял автомат и добыл животное. Воины обрадовались. Припасов хватало, но свежее мясо есть свежее мясо. Олень, правда, был тощ — весна, но пошел за милую душу.

Вот и теперь Антон замечал в лесу оленей и кабанов. Попадались и лоси. Звук мотора их не пугал. Звери лишь замирали и прислушивались. Непуганые. Можно было остановиться и поохотиться, но Антон не спешил. Завалить лося легко. Но затем нужно вытащить тушу из леса, погрузить в машину. А если учесть, что весит лось с полтонны... Ну, его! Дичи в лесах много, встанут на ночевку, кого-нибудь да добудет. Кликнет воинов, и те притащат добычу.

Лес под "наблюдателем" внезапно кончился. Второе "я" вылетело на обширный луг. Здесь дорога спускалась с пригорка вниз. Выбежав на луг, пересекала его и пряталась за выступавшим вдали лесным мысом. Антон метнулся взором к нему и замер. Сквозь деревья просвечивали яркие пятна. Много, очень много. Это не могли быть животные. Подлетев ближе, Антон рассмотрел воинов в полном вооружении и их коней. Воины сидели и лежали на траве, оседланные кони щипали травку. Всадники явно кого-то ждали.

Антон возвратил "наблюдателя" и остановил автомобиль. Заглушил двигатель.

— Чего встал? — удивилась Люсиль.

— Впереди засада. Конные, много.

— Как ты их разглядел? — Люсиль покрутила головой.

— Я могу направлять свой дух вперед, и тот видит.

Люсиль посмотрела на него. Взгляд ее выражал сомнение.

— Могу доказать, — пожал плечами Антон. — Здесь я впервые, дороги не знаю. Так вот. За поворотом кончается лес. Дорога спускается к лугу. А за ним — лесной мыс, в котором и прячутся всадники.

— Это так, — согласилась Люсиль. — Я ездила этим путем. На лугу путники обычно встают на дневку. Там протекает ручей, мелкий, но чистый. Есть вода, трава для коней. Отдыхать хорошо.

— Там на нас и нападут. Улучат момент и...

— С Архилем сотня воинов.

— Они не выстоят против Кулака.

— У разбойников нет магов.

— Это не разбойники. Во-первых, они отлично вооружены. Во-вторых, их много. Сотни две.

— Может, они ждут короля, чтобы проводить в столицу?

— Тогда зачем прячутся?

Люсиль задумалась.

— Я проверю! — сказала, трянув головой.

— Это опасно! — возразил Антон. — Лучше подождать остальных.

У него заныло в груди. Предчувствие, скверное.

— Я пойду лесом. Попроюсь незаметно. Ты хуже ходишь в лесу, поэтому оставайся здесь.

— Люсиль!

— Все будет хорошо, — сказала жена, выбираясь из машины. — Разведаю и вернусь.

Может, зря беспокоимся.

Она выбралась из машины и стала снаряжаться. Накинула на себя кольчугу, надела шлем. Прицепила к поясу меч, перебросила через плечо ремешок кобуры. С АПС Люсиль не расставалась — пистолет ей нравился. Антон на смотрел на ее сборы с тоской. Предчувствие не отпускало. Но переубедить Люсиль, если та приняла решение — попусту сотрясать воздух. Упрямая она у него.

— Ладно, — вздохнул Антон. — Но если что-то пойдет не так, беги на луг. Я прикрою из пулемета.

Люсиль кивнула и растворилась в лесу. Антон только моргнуть успел. Умеет. Может, обойдется? Предчувствие подсказало, что нет. Антон сел за руль и отогнал машину к началу спуска. Отсюда луг, дорога и лесистый мыс просматривались великолепно. А вот снизу УАЗ не разглядеть. Защитного цвета, он теряется на фоне леса. Антон откинул рамку ветрового стекла вперед, достал из багажника и бросил сверху сложенное одеяло. Установил на него сошки пулемета. Затем стал снаряжать магазины. Он вез их без патронов — зачем ослаблять пружину? Понадобится — снарядит. Понадобилось... Один за другим патроны исчезали в горловине магазина. Монотонная работа позволила запустить "наблюдателя". Тот скользнул в сторону и вскоре нашел Люсиль. Та пробиралась лесом, то замирая, то перебегая от ствола к стволу. Сторожилась. "Может, и обойдется", — подумал Антон.

Он снарядил пять магазинов. Один присоединил к пулемету и загнал патрон в ствол. Поколебавшись, выставил прицел на постоянный. Если Люсиль доведется убежать, кто знает, где выскочит на дорогу? А сменить прицел может не оказаться времени. Антон перебрался на пассажирское место — отсюда удобнее стрелять, на водительское уложил заряженный АКМС с откинутым прикладом. Оружие ближнего боя. Это если враг прорвется и автомобилю. Подумав, Антон присовокупил к автомату последние оставшиеся у него гранаты. Кто знает, как выйдет? Человеком Антон был обстоятельным и не любил случайностей. А кто их любит?

* * *

Сургиль считал себя добрым воином и отменным полководцем. Это мнение разделяли не все, в том числе и король. Имелись причины. Три года назад Сургиль и его тысячу направили к западной границе — окоротить хумми. Вместо того чтоб вытеснить захватчиков из земель, нападая на них врасплох (так советовал король), Сургиль решил дать хумми генеральное сражение. Так было почетнее. Послал вестника, и хумми согласились. Два войска встретились на большом поле. В исходе битвы Сургиль не сомневался. У него больше магов — шестеро против трех у хумми, отличные воины и стремление победить. Но в ночь перед битвой лазутчики хумми пробрались в лагерь орков. Дозоры Сургиль выставить не стал — они же договорились! Честная битва — и никаких подлостей. Но хумми обманули. Их лазутчики проникли в шатры магов и убили их. Камни захватить не смогли — проснулись орки. Лазутчиков перебили, но что с того? С рассветом войско хумми двинулась на врага. Орки бились насмерть. Магов врага забросали стрелами, конница прорвалась к хумми в тыл. В конце концов враг побежал, но преследовать его не стали — некому. В столицу Сургиль привел лишь сотню орков, половину из которых ранеными.

— Я одержал победу! — сообщил он королю.

— Ты? — ощерился тот. — Чтоб прогнать хумми, ты положил большую часть отборных воинов и всех магов. Хумми сохранили своих и спокойно ушли. И это победа? Ты знаешь, сколько стоит подготовить воина? Кормить его, одевать, платить жалованье? У погибших магов и сотников остались семьи. Теперь королевству их содержать, пока подрастут сироты. Безмозглый баран! Сучий сын! Стерво песье!..

Король бушевал долго. Сургиля поносили на виду у всех. Его вышвырнули из дворца, велели ехать в свои земли и не показывать нос. Могли и казнить — об этом сказали потом. Спасло заступничество знатных родов. Но о военной карьере следовало забыть.

Сургиль подчинился, но затаил обиду. Его, храброго воина и отменного полководца (он был в том уверен) поносили перед представителями знати. За что? Он ведь сражался до конца. А что до потерь... Орчанки новых нарожают. Это иль надо беречь — в Руме их мало. Ни один иль в сражении не погиб, что Сургиль числил заслугой. Но король рассудил иначе.

Через несколько дней Сургиля навестили главы знатных родов. Выразили сочувствие и рассказали новости. Бывшую тысячу Сургиля возглавил орк. Теперь он будет водить ее в бой. Из пяти тысяцких королевства трое — орки. В окружении короля их большинство. Его главный воевода — орк. Если так дело пойдет, иль оттеснят от власти. Наследников у Архилья нет, кто станет следующим королем — вопрос. Архиль сам выберет преемника. С большой долей вероятности им может стать орк.

Сургиль встретил известие проклятиями. Ему дали побушевать, после чего спросили: готов ли он все исправить? Пойдет до конца? Рука не дрогнет?

Сургиль ответил: готов! Если нужно, лично прирежет мерзкого королька. Гости переглянулись и предложили план...

Сургиль переехал в дальний замок. Всех орков выселил. Их сменили неизвестно как пробравшиеся в эти земли хумми. Их пришел целый отряд. Ветераны из иль стали готовить из них воинов. Пришлось попотеть. Отребье, набранное в кабаках, было ленивым и тупым. Из оружия знало нож, да и тем махать не умели. Учились с ленцой. Науку ветераны вбивали палками. Дезертиров (такие нашлись) ловили и вешали. Это дало плоды. Через год у Сургиля появилась сотня. Не лучшая в королевстве, но неплохо обученная. Но с сотней дворец не возьмешь. О чем Сургиль сообщил навестившим его главам родов.

— В нужный час на помощь придет отряд иль, — успокоил его один из глав. — Мы договорились с северными соседями. Это наемники. У них счет к нашему корольку. Архиль выгнал их из Рума и запретил появляться. Было б из-за чего? Подумаешь, пограбили селян и задрали орчанкам подолаы! Велика беда! Так Архиль и виру с них требовал. Кому? Грязным оркам. Драться наемники умеют, за помощь придется заплатить — по десять золотых каждому.

Сургиль сморщился.

— Это тем, кто уцелеет, — успокоил его глава. — Их будет немного.

— А орки? — поинтересовался Сургиль. — Как себя поведут? Они стоят за Архилья.

— Что орки? — пожал плечами глава. — На трон сядет иль. Был один, станет другой. Они к этому привыкли. Мы не изгоним их от двора. Хотя кое-кого попросим, — глава ухмыльнулся. — Лишать их постов будем постепенно. Придет час, когда в королевстве станут править иль. А орки займут подходящее им место слуг и воинов. Кровь иль слишком дорога, чтобы лить ее на полях сражений.

Оставалось ждать подходящего момента. И тот настал. Приискавший в замок гонец привез послание. Архиль и Лодорк отправились в пограничье на смотр войск. Удобный

момент. Одним ударом можно устранить короля и его воеводу. Правда, с ними сотня, Архиль и Лодорк — маги. Но если напасть неожиданно... С посланием гонец передал адамант. Сургиль только головой покачал, разглядев камень. Не поскупились главы родов! Не пожалели золота на благое дело.

В тот же день он выступил в поход. В условленном месте их ждала сотня наемников. Объединившись, войско прибыло к дороге, где Сургиль организовал засаду. Место выбрал удобное. На этом лугу путники останавливались на дневку. Архиль его не минует. Отряд спрятался в лесном мысу. Сургиль выслал лазутчика в ближайшее селение. Там имелись постоянные дворы, где шедшие в столицу караваны останавливались на ночь. Лазутчик прискакал утром. Сообщил, что король с сотней заночевали в селении, на рассвете выступят. Сургиль и вожак наемников расспросили лазутчика. С его слов Архиль и воеводу сопровождала сотня воинов. Еще были двое хумми, мужчина и женщина, которые передвигались в чудной повозке, которая ехала без коня! Оба хумми — маги. Последнее насторожило наемника.

— Четыре мага! — воскликнул он. — Ты говорил о двух.

— Да хоть десять! — рассмеялся экс-тысяцкий. — Число магов имеет значение в битве. Мы нападём неожиданно. Они не успеют ударить.

— Смотри! — сдвинул брови вожак. — Но я требую большей доли в добыче. Две трети.

— Хорошо! — согласился Сургиль.

— Золото само собой.

Сургиль кивнул. Он мог бы отдать все. Добыча не волновала. Главное — устранить короля с воеводой, остальное — ерунда. У Архилья полные сундуки золота. Один-то ему точно выделяют, как и должность воеводы. Так обещали главы родов.

— А что это за железная повозка? — поинтересовался вожак. — Не видел такой.

— Посмотрим! — пообещал Сургиль.

— Может выставить дозор?

— Зачем? — хмыкнул Сургиль. — Куда они денутся? Дорога одна, миновать не получится. Здесь земли Рума, кого бояться? Кроме нас, — хмыкнул он.

Вожак сплюнул и ушел. Сургиль проводил его хмурым взглядом. Наемник раздражал. Чем он командует — сотней? А лезет с советами к воеводе. Но команду готовиться к бою Сургиль отдал. Воины проверили оружие, подтянули подпруги коней. Правда, оставили их пастишь. Вскочить в седло — дело мгновений. Успеют.

Сургиль растянулся на расстеленной попоне и закрыл глаза. Нетерпение сжигало его — он ждал этого момента два года. Но он не выказывал волнения. Пусть воины видят, что вождь спокоен. И наемники угомонятся. А то смотрят на его сотню с презрением. Дескать, они славные воины, а это — сброд... Ничего, бой покажет, кто лучший.

Время текло медленно. Время от времени Сургиль открывал глаза и смотрел вверх. Прямо перед ним тянулась к небу могучая сосна. Когда Светило встанет над кроной, будет полдень. Так определил Сургиль. Светило не спешило. Его край возник над сосной, как пришел вожак.

— Ты хитрый! — сказал, улыбаясь. — Взял с собой девку.

— Девку? — удивился Сургиль.

— Не прикидывайся! — хохотнул вожак. — Одед ее в доспех, дал шлем и оружие. Только косы выдают. Да и лицо. Красивая хумми. Как прятал? Я ее не заметил.

— Где она?

— Беседует с парнями. Вышла из леса, подседа к костру. На иль говорит чисто. Мои глазами пожирают. Если опоздаешь, потащат в кусты.

Вожак заржал.

— В моей сотне нет женщины, — Сургиль вскочил. — Это лазутчица короля. Помнишь, дозорный говорил о женщине-хумми?

— Темные боги! — вскричал вожак и выхватил меч. Сургиль последовал его примеру. Вдвоем они проломились сквозь кусты. На поляне вокруг костра сидели наемники. Среди них Сургиль заметил женщину. Та как раз встала, собираясь уходить.

— Держи ее! — завопил вожак. — Это лазутчица короля.

Женщина метнулась к лесу. Два наемника попытались преградить ей путь. Лазутчица на бегу выхватила меч. Два быстрых, практически незаметных движения — и наемники осели на траву. Лазутчица подбежала к ближней лошади и вскочила в седло. Ударив ее каблуками, поскакала к дороге.

— Догнать! — заревел вожак. — Взять! Десять золотых за живую!

В следующий миг наемники ломанулись к лошадям. Миг — и поляна опустела.

— Возьмут, — хмыкнул вожак. — Жеребец, который под ней, барахло. Квентиль на него давно жаловался. Просил заменить с добычи. Говорил же выставить дозор на дороге!

— Она пробралась лесом, — возразил Сургиль.

Вожак, подумав, кивнул.

— Но Архиль хорош! — заключил со вздохом. — Выслал лазутчика. Пойдем, глянем, как ее схватят. Надо допросить. Узнаем, что задумал король. И почему послал бабу?

Сургиль кивнул, и они выбрались из леса, встав на дороге. Погоня шла в классическом жанре. Одинокая всадница неслась к пригорку. За ней мчались преследователи. Их было много. Щедрая награда раззадорила наемников. Два десятка их, подгоняя коней, преследовали лазутчицу. Скоро Сургиль понял, что вожак прав. Конь под беглянкой, достигнув пригорка, замедлил ход. Всадница била его каблуками, но жеребец не надавал. А вот у преследователей кони были лучше. Расстояние между ними и беглянкой сокращалось. Та затравленно оглядывалась, и вдруг прыгнула с дороги в сторону.

Сургиль не успел этому удивиться. С вершины пригорка донесся треск. Скакавшие впереди наемники рухнули на дорогу. Всадники вывалились из седел, некоторых крупы лошадей придавили к земле. Наверху продолжало трещать, преследователи — падать. Наемники, скакавшие позади, сообразили: что-то не так. Они стали заворачивать коней. Но это не помогло. Спустя мгновение и эти повалились с коней. Сургиль ошарашено смотрел, как рухнул последний. Тем временем лазутчица по обочине выбралась на пригорок и исчезла с глаз.

— Что это было? Кто убил моих парней?

Вожак повернулся к Сургилю. Тот не ответил. У него просто не было слов.

— Надо уходить, — сказал вожак. — Лазутчицу не поймали, она предупредит короля. Нас сметут Кулаками.

"Но как же..." — хотел спросить Сургиль, как вдруг его что-то ударило в грудь. Тело пронзила боль, и мир померк. Он не увидел, как рядом рухнул вожак...

Когда Люсиль вышла к воинам на поляне, Антон успокоился. Значит, не враги. Последующее укрепило его в этом мнении. Люсиль села в круг, стала беседовать с воинами. Приблизив "наблюдателя", Антон видел, как те смеются, с интересом поглядывая на жену. Затем Люсиль встала, собираясь уходить. В этот момент на поляну выломались амбалы с мечами. Они что-то заорали, воины вскочили, Люсиль метнулась к коню. Запрыгнув в седло, рванула к дороге.

Антон застонал и приник к пулемету. Сквозь рамку прицела он видел, скачущую Люсиль и ее преследователей. Но стрелять не мог: жена находилась на линии огня. Погоня сокращала разрыв, а удобного момента не выпадало.

— Уйди с дороги! — крикнул Антон, привстав. — Живо!

Люсиль услышала и прыгнула в сторону. Антон шлепнулся на сиденье и приник к пулемету. Можно. Он прицелился и нажал на спуск.

Первой же очередью он свалил ближних преследователей. Их кони рухнули на дорогу, следующие остановились. Люсиль заскочила в лес, и Антон, не сдерживаемый более опасением ее зацепить, ударил длинной очередью. Пулемет затрясся, выплевывая свинец. До врага было всего ничего — где-то с полсотни метров, передвигался он плотной группой, так что большинство пуль шло в цель. Они прошивали воинов, били их в грудь, валили наземь, а, пролетев мимо, выбивали фонтанчики на дороге. Магазин кончился быстро. Антон сменил его и срезал короткими очередями последних преследователей. Опустив пулемет, оценил учиненный разгром. Его потряхивало. От осознания того, что могло случиться с Люсиль.

А та, как ни в чем ни бывало, нарисовалась рядом с дверцей автомобиля и соскочила с жеребца.

— Ты зачем пошла к воинам?! — закричал Антон. — Нельзя было посмотреть?

— Следовало узнать, кого они ждут, — не смутилась жена.

— Они могли тебя повязать!

— Пусть бы попробовали! — хмыкнула Люсиль. — Обычные наемники. Мечом машут как палкой. К тому же я знала, что ты поможешь. Где снайперка?

— Сзади, — буркнул Антон.

Открыв дверь, Люсиль взяла с сиденья продолговатый сверток. Размотав ткань, вскинула СВД к плечу.

— Ага! — сказала спустя пару секунд. — Сургиль. Предатель, стерво песье. Гляди! — она сунула винтовку мужу. — Он справа, в золоченом шлеме. Видишь?

— Да, — подтвердил Антон.

— Я, как скакала, заметила. Шлем у него блестит. Что смотришь? Стреляй! Убей гада!

— А второго? — спросил Антон.

— Обоих!

Винтовку Антон возил со снаряженным магазином — использовал для охоты. Дернув рукоять затворной рамы, он приник к прицелу. Определил расстояние, взял поправку и нажал на спуск. Приклад мягко ударил в плечо. Воин в золоченом шлеме рухнул лицом в пыль. Антон перевел прицел на другого и вновь выстрелил. Готов! Он поставил винтовку на предохранитель и протянул жене. Та глянула в прицел и гмыкнула.

— Едем! — сказал Антон. — Надо сообщить королю...

Последовавших событий они не видели. Зря. Первыми сообразили наемники. Лазутчица ускакала, наниматель и вожак мертвы — засада провалилась. Пора уносить ноги. Что с ними станет, попади они в руки короля, наемники понимали. Следовало уходить в земли иль, причем, как можно скорее. Перед этим забрать золото — лишним не будет.

Мешочки с монетами нашлись в сумках Сургиля. Наемники принялись их делить. В этот миг нарисовались воины нанимателя и потребовали свою долю. Их шуганули: еще чего? Делиться с хумми? Те ушли, но затаили подлость в душе. Когда иль выбрались на дорогу, их встретили стрелами.

Воины из хумми были так себе. Год — слишком малый срок, чтобы сделать из человека бойца. А вот иль к оружию приучают с детства. Любой наемник легко справился бы с двумя и даже с тремя хумми. Те это понимали, но деваться некуда. Одно дело убежать с полным кошельком, другое — без золота. Еды не купить, лошадей не поменять. Брать силой — привлечь внимание стражи. Так что хумми организовались и дали бой.

На первых порах им сопутствовал успех — напали врасплох. Лучники-хумми не особо метки, но били с близкого расстояния... В считанные мгновения наемники потеряли половину воинов. Два десятка из них убил Антон, так что осталось около сорока против сотни хумми. Но иль это не смутило. Заревев, они бросились на врага.

Сплоченный удар разметал строй хумми. Пошла резня. Наемники рубили, заливая кровью зеленую траву. Но и хумми не отступали. Терять им, как уже сказано, было нечего. Они действовали копьями, которыми владели очень даже уверенно. Уцелевшие лучники, отскочив, пускали стрелы. Наемники теряли бойцов. Каждый из них отправлял к темным богам двух или трех хумми, но погибал сам. Число воинов на лугу сокращалось. Вскоре их осталось всего ничего. Залитые кровью, осатаневшие от охватившей их ярости, они убивали друг друга, не обращая внимания на происходящее вокруг. Не увидели, как из леса выскочила сотня короля. Лодорк, мигом оценив ситуацию, приказал воинам не вмешиваться. Подъехав ближе, спрыгнул с коня и ударил Кулаком. И тот примирил враждующие стороны — посмертно.

Королевские воины бросились искать живых. Как ни странно, нашли. Не все хумми оказались храбрецами. Двое спрятались в лесу, откуда наблюдали за исходом сражения. Там их и обнаружили. Один из пленников оказался наблюдательным и любопытным. Он знал о планах Сургиля, смог перечислить гостей, приезжавших в замок. Спустя полчаса Архиль знал имена заговорщиков. После недолгого совещания Лодорк взял двадцать воинов и сорвался вперед. Каждый вел с собой запасную лошадь — их, в отличие от всадников, уцелело много. Скакал отряд быстро, и скоро достиг столицы. Заезжать в город Лодорк не стал. Первым делом навестил расквартированную неподалеку тысячу. Поднял воинов по тревоге и повел в столицу. Задачи нарезал по пути. Каждая сотня получила свою. Одни взяли под защиту дворец короля, другие окружили дома заговорщиков. Те не сдались — пришлось штурмовать. Кулаки магов выносили ворота, ломали дома. У каждого был адамант — Антон выделил их из своих запасов. Разъяренные воины довершали разгром. Пленных не брали. Щадили слуг-орков и их семьи. Заговор подавили быстро.

А затем наступил хаос. Весть о заговоре взбунтовала горожан. Иль решили убить короля? Их любимого монарха? Орки бросились громить дома иль. Хотели выпустить пар, ну, и пограбить маленько, как без того? Лодорк метался по городу. Уговаривал, угрожал, высылал воинов. Еле справился. И все равно некоторых не причастных к заговору иль убили, дома их сожгли. Когда Антон подкатил к столице, над ней стоял дым.

Ахиль с воинами ускакали наводить порядок. Антон с Люсиль остались одни.

— Поехали! — сказала жена. Выглядела она встревоженной.

УАЗ въехал в распахнутые ворота. Стражи проводили его изумленными взглядами. Следуя указаниям жены, Антон катил узкими, пустынными улицами. Кое-где на деревянной мостовой валялись трупы, Антон их старательно объезжал. Попадались пепелища, над которыми струился дымок. Но в целом сожженных домов было немного. За пределами города картина выглядела страшнее. УАЗ выехал на небольшую площадь, и Люсиль указала на большой дом за высоким забором. Въезд во двор преграждали мощные, окованные железом ворота.

Антон установил УАЗ, Люсиль выскочила и забарабанила в калитку. Ей не ответили. Люсиль постучала еще, затем выхватила кинжал и загрохотала рукоятью.

— Кто там? — раздался из-за калитки дрожащий голос.

— Открывай, Пилорк! — рявкнула Люсиль. — Хозяйка приехала.

— Сейчас, сейчас, высокородная! — послышалось со двора, и калитка распахнулась. Орк, шагнувший на площадь, был стар. Подслеповато взглядевшись в лицо женщины, он побледнел и попытался скрыться. Люсиль схватила его за ворот.

— Я это, Пилорк! — сказала улыбнувшись. — Просто другое лицо. Мне его исправили. Помнишь, прежнее?

— Да, высокородная! — проблеял орк. Было видно, что он не верит.

В этот миг в калитку выскочил пес. Видно, его спустил его с цепи. Подскочив к Люсиль, пес заскулил, затем встал на задние лапы и облизал ей лицо.

— Фурс! — Люсиль потрепала его по холке. — Узнал хозяйку. Умница! Не то, что глупый орк.

— Я тоже узнал! — поспешил слуга. — Только не сразу. Вы стали очень красивой, госпожа.

Он поклонился.

— Открывай ворота! — велела Люсиль. — Я не одна. Со мной муж, высокородный Иль-Ин.

Пилорк засуетился и исчез в калитке. Загремели запоры, и створки ворот поползли в стороны. Антон загнал машину во двор и выбрался наружу. Из дома и хозяйственных построек лезли орки. Среди них были женщины и много детей. Мужчины сжимали в руках тесаки. Они окружили УАЗ, разглядывая Антона и его автомобиль. Люсиль растолкала орков и подошла к мужу. Фурс терся у ее ноги, требуя ласки. Люсиль потрепала его по холке.

— Наша хозяйка вернулась! — объявил приободрившийся Пилорк. — У нее новое лицо. С ней муж, высокородный Иль-Ин.

Орки склонились. Только дети смотрели на Антона во все глаза.

— Что тут творилось, госпожа! — Пилорк закрутил головой. — Воины воеводы бились с заговорщиками, затем жители города кинулись убивать иль. Грабили их дома, поджигали...

— К нам ломились? — спросила Люсиль.

— Пробовали, госпожа. Я сказал, что вы в отъезде, а других иль в доме нет. Но они не поверили. Я вооружил слуг и велел им защищать дом. Хорошо, что подошла стража...

— Правильно сделал, — одобрила Люсиль. — Отправь повозку и двоих слуг к дворцу короля. Туда прибудет обоз. Там повозка с нашим добром. Пусть заберут ее и пригонят сюда. Эту повозку, — она указала на УАЗ, — разгрузить, вещи перенести в дом. И чтоб ничего не

пропало!

— Что вы, госпожа! — обиделся Пилорк.

— Мы с мужем после дальней дороги. Согрейте воды и приготовьте поесть.

Пилорк побежал в дом, Люсиль последовала за ним. Оставшись один, Антон достал из машины мешок. В нем он возил запас гильз. Собрал и те, что остались после расстрела засады. Чего добру пропадать? Развязав стягивавший горловину шнурок, Антон стал оделять гильзами окруживших его детей. Те, толпясь, протягивали ручонки. Антон щедро сыпал в них блестящие трубочки. Получив свою долю, орчата отбежали. Скоро со всех сторон послышался свист. Дети мигом сообразили, как можно использовать непонятные предметы. Эту картину и застала появившаяся Люсиль.

— Идем! — сказала, покачав головой.

Антон бросил мешок в машину и пошел следом. Они поднялись по ступенькам крыльца, миновали дверь, затем — просторную комнату, и оказались в другой. Небольшой, с лавками вдоль стен. Посреди комнаты стояла большая бочка, в которую служанки лили из деревянных ведер воду. Ее или быстро согрели, или же она в доме была.

— Моемся! — сказала Люсиль, попробовав воду.

Они разделись и залезли в бочку.

— Бани у меня нет, — объяснила Люсиль, прижимаясь к мужу. — Пока будем так. Но я прикажу, чтоб сделали. Помой меня!

Антон подчинился. Потом Люсиль мыла его, уделив особое внимание волосам мужа. Они отросли и требовали ухода. Антон порывался остричь, но Люсиль запретила. В Руме стриглись воины и простолюдины. Делали это огромными, кованными ножницами. Антон, как увидел их, так сразу умолк. Ну, его! Пусть будут длинные. Тем более что Люсиль нравились его волосы. Она расчесывала их, восхищаясь, что они выются. У самой Люсиль волосы были прямыми. Почему б не доставить радость жене?

После мыльной пошши обедать. К окончанию трапезы пригнали повозку. Антон проверил и пересчитал вещи. Все было на месте. Бочки с топливом, ящики с патронами и оружием орки перенесли в кладовую. Антон запер ее и вышел во двор. Сел на ступеньки крыльца. Ему никто не мешал — Люсиль вникала в хозяйственные дела. Антон разглядывал УАЗ (надо помыть!), но думал не о машине. Ему было грустно. Близится год, как он провалился в Нимей. Здесь он освоился и нашел жену. К нему благоволит король. Но дома остались отец с сестрой. Он много бы дал, чтоб повидать их. Как хорошо ему ни было здесь, но это другой мир. Здесь идет война. Ее Антон не любил. Ему не нравилось убивать. Он хотел стать переводчиком и увидеть мир. Но не так...

— Ты маг?

Антон вздрогнул. Перед ним стояла девочка лет шести. Худенькая, замурзанная, в мешковатой рубашке из грубого полотна. Правой рукой она прижимала к груди тряпичную куклу.

— Маг? — признался Антон.

— Тогда оживи Никиль!

Девочка протянула ему куклу. Антон взял ее. Куклу сделали грубо. Набитое сеном тельце и голова, тряпичные руки и ноги. Глаза, рот и нос нарисованы угольком.

— Оживить нельзя, но можно сделать другую, — предложил Антон.

— Сделай! — согласилась девочка.

— Где у вас дрова?

— Идем! — девочка взяла его за руку.

В сарае Антон разыскал подходящее полено, достал складной нож. Он любил и умел вырезать. Острый, с многочисленными лезвиями складной нож попал в новый мир вместе с ним. В числе лезвий имелся даже буравчик. Нож достался отцу во время войны. Валялся без дела, пока Антон не обнаружил его в ящике. Отец отдал нож сыну. Антон носил его с собой, даже в армию взял. В свободное время вырезал из дерева фигурки, дарил их друзьям. Тем нравилось.

Кинжалом — подарок Люсиль — Антон выстругал голову и туловище куклы. Обработал их на чистовую лезвием складного ножа. Вырезал кукле глаза, нос, губы. Просверлив в заготовках отверстия, соединил голову с туловищем шпёнком. Подобрал подходящие сучки, выстругал руки и ноги. Закрепил их на туловище шпёнками. Попробовал. Руки и ноги двигались. Антон вытянул куклу перед собой, полюбовался на работу.

— Нужны волосы.

— Я счас!

Девочка убежала, но скоро вернулась. В руке она сжимала клок шерсти. Видимо, оторвала от заготовленной к пряже. Антон клок расправил, ссучил с одной стороны концы и, проделав на макушке куклы щели ножом, закрепил "волосы" щепочками, загнав их в дерево рукоятю.

— Как назовем? — спросил девочку.

— Люсиль! — ответила та, с восторгом разглядывая куклу. — Она красивая, как госпожа.

— Ты так считаешь?

Антон с девочкой повернули головы. У входа в сарай, подбоченившись, стояла Люсиль.

— А я думаю: где мой муж? — улыбнулась она. — Куда пропал? А он куклы делает. Покажи!

Подойдя, она взяла у Антона куклу и принялась рассматривать. Осторожно пригладила кукле "волосы".

— У меня такой не было, — сказала, вздохнув.

— Это мне сделали! — насупилась девочка.

— Конечно!

Люсиль протянула ей куклу. Девочка схватила и убежала. Антон встал и повернулся к жене.

— Это внучка Пилорка, — улыбнулась она. — Подросла. Я помню ее совсем маленькой, — она обняла мужа. — Не знала, что умеешь вырезать.

— Я многое умею, — вздохнул Антон. — Только здесь это не нужно.

— Неправда! — не согласилась Люсиль. — У Архиля в отношении тебя большие планы. Хочет, чтоб ты учил детей. Передал им, что знаешь сам.

— Откуда знаешь?

— После битвы с зургами он позвал меня к себе и долго расспрашивал.

Антон кивнул. По возвращению в Оули Архиль и вправду зазвал жену к себе. Но о чем он с ней разговаривал, Антон не знал — Люсиль не говорила.

— Я не так много знаю, — сказал Антон, подумав. — Иностранные языки, которые я учил, здесь не нужны. История у вас своя. Алгебру с физикой я подзабыл, химию — вовсе. Образование должно быть системным. Нужны учебники, методички. Привезти бы их из моего мира, — он вздохнул.

Люсиль задумалась.

— Если будет возможность попасть в твой мир... Ты вернешься ко мне?

— Да! — ответил Антон.

— Нужно поговорить с Патхилем.

— Это кто?

— Маг. Самый старый и уважаемый в Руме. Верховный жрец храма Иль-Тека. Он был им, когда Архиль только появился на свет. Сколько лет Патхилю, не знает никто. Если он не поможет, то более некому.

— Мне можно с тобой? — загорелся Антон.

— Спрошу, — пообещала Люсиль.

* * *

Навиль уцелел при подавлении заговора по простой причине — его не было в столице. Главы родов отослали его в пригородное имение ожидать делегации знатных иль королевства. Те должны были предложить ему трон. По версии заговорщиков Архиль погибал от рук северных иль, которые числили Рум во врагах. Кого возвести на трон? Навиль подходил как никто другой. Он родственник короля — пусть дальний, но все же. Во время событий пребывал в имении, поэтому не при делах: не был, не участвовал, не состоял. Какие подозрения?

Главы родов опасались орков. Те составляли костяк войска. Взбунтуются — и заговору конец. Навиль не участвовал в интригах двора, поскольку был глуп. Какой от него прок? Отличный боец, но насчет ума... Архиль не доверил ему тысячу. Навиля это обидело. Он этого не скрывал, что привлекло внимание заговорщиков. При недалеком короле реальная власть принадлежит его окружению. А кто там окажется, подсказать?

Навилю сделали предложение, и он его принял. Архиль родственника не жаловал, но нашлись те, которые оценили. Он достоин большего, чем водить тысячу — так сказали Навилю. Лесть любят даже умные. Что говорить о глупце? Навиль отправился в имение, где стал ждать.

Его роль в заговоре не раскрыли. О будущем короле знали главы родов — и все. Но они погибли при подавлении заговора — Лодорк действовал жестко. Навиль уцелел и оказался вне подозрений.

Весть о провале заговора дошла в имение на второй день. Навиль впал в ярость. Он видел себя на троне, свыкся с этим, а тут... Злость требовала выхода. Навиль отметелил гонца, следом — несколько слуг. Он бил посуду и ломал мебель. Как ни странно, это отвело подозрения. Родственник короля злится на заговорщиков — так все подумали. Тем более что Навиль вовремя опомнился. Заплатил гонцу, дал слугам по серебрянку, те остались довольны. Хозяин дерется, зато щедр. Чего роптать?

Другой гонец привез приглашение ко двору. Король собирал знать для важного разговора. Многих это обрадовало. У трона освободились места, удачный момент их занять. Будь Навиль поумнее, то воспользовался бы моментом. Но чего бог не дал...

Во дворец Навиль прибыл в дурном настроении. Злость не оставляла его. Он хмурясь выслушал короля. Архиль говорил не долго. Рассказав о заговоре, объявил о своем решении. Отныне любой пост в королевстве будет дароваться исключительно по заслугам.

Происхождение учитываться не будет. Это вызвало ропот части собравшихся и радость других. Архиль, не обращая внимания, объявил:

— Высокородный Иль-Ин!

К королю подошел молодой хумми. Зал замер. Король не жаловал чужаков, о чем знали. Их приглашение ко двору было нонсенсом.

— Иль-Ин появился в Руме менее года назад, — сообщил король. — Его перенесло к нам из другого мира. Он пришлый.

По собранию прошел шепоток. Пришлых считали легендами. И вот она во плоти.

— Едва придя в наш мир, Иль-Ин спас деревню от зургов. Взял под защиту Гонсей, потерявший правителя и всех воинов. Набрал новых, подготовил из их них отличных бойцов. Благодаря нему, недавно пять наших сотен разгромили трехтысячное войско зургов. В ходе сражения убиты их маги и кунург. Взята добыча и много пленных. Теперь зурги забудут путь в Рум.

Шепот в зале возрос. Таких подробностей здесь не знали. О битве слышали, но как она завершилась — нет.

— Магов зургов убил высокородный Иль-Ин и его воины. Он же снабдил лофов провинции адамандами. Поэтому мы разгромили зургов, не понеся потерь. Но это не все. На пути к столице Иль-Ин обнаружил засаду. Две сотни наемников под командой изменника собирались напасть на короля. Иль-Ин убил предателя и часть его воинов. С остальными справились мы. Так стало известно о заговоре... — Архиль сделал паузу. — В короткий срок этот молодой воин принес Руму пользы больше, чем многие роды за все время своего существования. Берите пример, высокородные! Я жалую Иль-Ину пост моего советника — второго после Лодорка.

Зал ахнул. Милость короля поражала. До сих пор у Архиль советником был Лодорк. Многие мечтали стать вторым. Но даже главы знатных родов не удостоились такой чести. А тут хумми...

— И еще, — Архиль улыбнулся. — Вы знаете о беде, которая постигла Люсиль, дочь моего лучшего тысяцкого. В битве с зургами ей изуродовали лицо. Лучшие маги королевства не могли ей помочь. Подойди, девочка, — король поманил рукой. К нему вышла стройная иль с маской на лице. — Покажи им!

Люсиль сдернула маску и улыбнулась. По залу пронесся стон, причем, в нем преобладали голоса женщин. Перед придворными стояла красавица. С лицом хумми, но необыкновенно привлекательная.

— Это тоже сделал Иль-Ин, — пояснил король. — Он очень сильный маг. Люсиль после этого вышла за него замуж. Правильно сделала. Упускать такого мужчину глупо. Ведь так, высокородные? — Архиль подмигнул.

В зале засмеялись. Многие — искренне, другие — делано. Среди последних преобладали женщины.

— А теперь — пир! — объявил король.

Навиль вместе со всеми потащился к столу, где сел на лавку. Он не чувствовал вкуса подаваемых блюд, да и не ел почти. Зато много пил, не пропуская ни одной здравицы. Стоявший за его спиной слуга не успевал подливать в кубок. И чем больше несостоявшийся король пил, тем более наливался злобой. Та требовала выхода, и Навиль нашел предмет. Иль-Ин! Этот хумми-выскачка сорвал планы заговорщиков. Влез в доверие к королю, взял в жены красивейшую из иль. И богатую. Некогда родители Навиля вели переговоры с отцом

Люсиль о заключении их брака. Не срослось. Родители умерли, но Навиль этого не забыл. Люсиль ему нравилась. Ее воинственность не пугала его. Да и приданое... Единственная дочь тысяцкого! Земли, дома... Архиль жаловал их по заслугам, у родителей Навиля их не было. Не служили, не воевали. Оставили сыну поместье — весьма скромное. Разбогатеть, взяв в жены Люсиль, было бы хорошо. Но помешал хумми... Ничего, он это поправит.

Навиль дождался окончания пира. Гости встали из-за стола и направились в зал для танцев. Навиль поспешил следом. Там быстро нашел хумми. Он стоял рядом с женой в окружении придворных. Навиль легко растолкал их, подошел и схватил Люсиль за подбородок.

— А ничего так! — сказал, ухмыльнувшись. — Хоть и хумми.

В следующий миг удар в челюсть сбил его с ног. Несмотря на выпитое, Навиль вскочил сразу.

— Ты! — заорал, тыча пальцем в Иль-Ина. — Посмел ударить меня, родственника короля! Зарублю!

Он потащил меч из ножен.

— Не смей! — Лодорк, появившийся неоткуда, схватил его за руку. — Обнажившего меч во дворце ждет казнь! Что тут произошло?

— Высокородный Навиль схватил за лицо высокородную Люсиль, — доложил подскочивший придворный. — В ответ высокородный Иль-Ин ударил его.

— Правильно, — заключил Лодорк. — Нечего хватать.

— Но Иль-Ин оскорбил Навиля. Высокородных нельзя бить.

— Некоторых можно, — хмыкнул Лодорк. — Которым вино затуманило мозги.

— Плебей! — не сдержался Навиль. — Вонючий орк! Всех бы вас! — он сжал кулаки. — Жаль, что не получилось.

— Вот как? — глаза Лодорка стали ледяными.

— Я вызываю его на поединок! — Навиль ткнул пальцем в Антона. — Здесь и сейчас. До смерти!

— Что ж, — ответил Лодорк. — Желание твое справедливо, — в его голосе прозвучал сарказм, но Навиль не услышал его. С умом у него было сложно. — Как главный советник короля объявляю условия. Поединок во дворе — во дворце клинки обнажать нельзя. Каждый сражается оружием по своему выбору. Применять магию запрещено. Снимите медальоны!

Антон потащил с шеи цепь и отдал медальон жене. Навиль сунул свой первому же придворному — после боя вернет. Все повалили во двор. Там Лодорк велел придворным встать у дворца, сам отвел противников на посыпанную песком площадку.

— Разойдитесь! — велел. — Приготовить оружие!

Навиль выхватил из ножен меч. Антон достал из кобуры АПС и передернул затвор. Навиль посмотрел на него с изумлением. Хумми будет сражаться странной железкой? Или это магический артефакт?

— Магия запрещена! — напомнил Лодорку.

— В оружии Иль-Ина ее нет, — хмыкнул тот. — Я сам держал его пистолет в руках. Обычное железо. Или ты передумал? Тогда принеси Люсиль извинения, и я отменю поединок.

— Нет! — рыкнул Навиль и взмахнул рукой. — Командуй!

— Начали!

Навиль вскинул над головой меч и шагнул вперед. Сейчас он нарежет из хумми ремней.

Ему нет равных во владении мечом. В ответ хумми вытянул в его сторону странный железный предмет. В следующий миг в грудь Навиля будто палкой ударили. Железной и со всего размаха. Он выронил меч и упал лицом в песок. Лодорк подошел и перевернул тело. Оттянул веко и заглянул в неподвижный глаз.

— Мертв! — сообщил придворным. — В поединке победил Иль-Ин.

Придворные зароптали.

— Несправедливо! — выкрикнул кто-то из толпы. — У пришлого был магический артефакт.

— Нет в нем магии! — рявкнул Лодорк. — Пистолет бросает гремящие стрелы. Ими Иль-Ин и убил магов. В его мире такое оружие дают простым воинам. Навиль этого не знал? Мог поинтересоваться. Король ведь сказал, что Иль-Ин убил магов. Умный задумался бы: как? Но нет. Навиль видел, что Иль-Ин без меча. Пришлый не носит его: он не владеет нашим оружием. Навиль этому обрадовался. Он собирался убить Ил-Ина — завидовал его славе и почестям. Но пришлый их заслужил. А что сделал для королевства он? — Лодорк указал на труп. — Ничего. С его стороны вызов на поединок — хладнокровное убийство. Не владеющего мечом зарезать легко. Только не вышло. Навиль получил по заслугам. К тому же, как явствует из его же слов, он заговорщик.

Толпа замерла.

— Скажу вам больше, высокородные, — продолжил орк. — Если кто впредь замыслит убийство советника короля...

— Ему лучше привязать себе камень на шею и броситься в реку. Тогда он умрет не больно, — раздалось с крыльца. — В противном случае им займусь я.

Придворные обернулись. На ступеньках крыльца стоял Архиль. Выражение его лица не сулило хорошего.

— Все поняли? — спросил король.

Придворные загомонили, наперебой высказывая свою понятливость.

— Тогда марш танцевать! — велел Архиль.

Толпа потянулась во дворец. Спустя несколько минут во дворе остались Антон с женой и Архиль с воеводой. Стражей у ворот, все это время глазевших на представление, можно не считать. Король подошел к Антону.

— Спасибо, сынок! — он потрепал его по плечу. — И как тебе удастся быть полезным даже в таких вещах? — Архиль кивнул на покойника. — Я чувствовал, что этот глупец влез в заговор, но доказательств не было. Ты заставил его раскрыться. Его смерть послужит уроком. Мы искореним эту заразу!

Антон не ответил. Ему было не по себе. Гнев прошел, и сейчас он чувствовал себя убийцей. Но сказать это было стыдно.

— Я говорил с Патхилем, — продолжил король. — Он примет тебя. Завтра вечером.

Он повернулся и пошел к дворцу.

Антон высек кресалом огонь и поджег захваченный факел. Пакля, пропитанная белой нефтью, вспыхнула ярко. Антон поднял факел над головой и осмотрелся. Подвал... Большой, но явно заброшенный. На цементном полу валялись обломки кирпичей, какие-то тряпки, в дальнем углу просматривался щит из почерневших досок. Повсюду лежала пыль, и пахло плесенью. Этот запах пробивался даже сквозь вонь нефти, исходивший от факела. Люди в подвале не появлялись давно.

"Люди? — подумал Антон. — А вдруг меня выбросило не на Землю, а другую планету? И здесь живут какие-нибудь гномы или, того хуже, разумные тараканы? Или пауки?"

Он поежился и осмотрелся по сторонам. Свет факела не доставал до дальних углов. Антону на миг показалось, что там кто-то разглядывает его с интересом. Гастрономическим... Взяв факел левой рукой, он вытащил из кобуры АПС, сдвинул пальцем предохранитель. Напрягая зрение, всмотрелся в темноту. И, разумеется, ничего не увидел.

"Лопух! — обругал себя Антон. — Чего мучаюсь? У меня же есть "наблюдатель"!"

Он отвел руку с факелом в сторону и прикрыл глаза. Второе "я" выскользнуло из тела. Антон увидел себя с факелом в левой руке и пистолетом — в правой. Затем "я" взмыло к сводчатому потолку подвала. Антон разглядел аккуратную кладку с "замком". "Я" занялось исследованием темных углов. Мрак ему не мешал: привычное зеленоватое свечение позволяло их рассмотреть.

Пауков в углах не обнаружилось — только мусор. Зато, проследовав дальше, "я" обнаружило выход из подвала. Потертые ступеньки из кирпича вели вверх и кончались дверью. Антон вернул "наблюдателя", сунул АПС в кобуру и, спотыкаясь об обломки кирпичей, двинулся в нужном направлении. Ступенек было двенадцать. Антон поднялся по ним и толкнул дверь. Та ожидаемо не поддавалась. Антон поднес факел к косяку. Сквозь щель просматривались стальные проушины и толстая дужка навесного замка. Дверь в подвал закрыли надежно.

"Что делать? — подумал Антон. — Выломать дверь? Так она толстая, а у меня инструментов нет. Нужен лом, к тому же мощный. Да и сорванную дверь быстро заметят. Спалюсь. Я тут с разведкой..."

Подумав, он присел на ступеньку и закрыл глаза. "Я", выскочив из тела, преодолело дверь и взмыло вверх. Несмотря на темноту — снаружи стояла ночь — Антон рассмотрел двухэтажную усадьбу с пристроенным к ней флигелем. Здание выглядело заброшенным, как и окружавший его парк. "Я" скользнуло выше, и Антон увидел огни — много. Отчетливо просматривалась улица, освещенная фонарями, горел свет в окнах многоэтажных домов. Парк с заброшенным зданием располагался на окраине большого города. И этот город был современным.

Антон послал "я" к домам. До них было далеко, поэтому получилось с трудом. Он напрягся, и "наблюдатель" подчинился. Скользнул над улицей и замер у большого здания. Завод или фабрика. Возле нее было пустынно — ночь. Огромным усилием Антон опустил "я" к проходной. От напряжения не сразу удалось прочесть буквы вывески, но он все же смог. "Минский камвольный комбинат..."

В себя Антон пришел на ступеньках. Потеряв сознание, он рухнул на них, выронив факел. Хорошо, что не на себя... Опершись на холодные кирпичи, Антон встал, подобрал

факел. Он чувствовал слабость, голова кружилась. Не следовало так напрягаться. Но все это ерунда. У него получилось! Он вернулся в свой мир и даже в Минск. Ура!..

Для встречи с Патхилем требовалось одобрение короля — Антон не хотел действовать за его спиной. Антон с женой навестили Архилья на второй день по приезду в столицу. Сразу не приняли: Архиль был занят — разбирался с заговором. В настроении он пребывал дурном, посетителей встретил неласково.

— Чего вам? — спросил хмуро.

Антон объяснил.

— Не думаю, что Патхиль поможет, — буркнул Архиль. — Не слышал, чтоб кто-то перемещался в другой мир из Рума. Сюда забрасывало, но чтоб обратно... Но я попрошу.

— Спасибо! — поблагодарил Антон.

— А ты не сбежишь? — поинтересовался король.

Антон покачал головой.

— Почему? Ведь там твой мир. Родня...

— Я хочу их увидеть, — сказал Антон. — Но остаться... Придется объяснить, где пропадал. Скажу правду — не поверят. Перед тем, как попасть в Нимей, я служил в армии. Меня сочтут дезертиром и посадят в тюрьму. Или в сумасшедший дом, что того хуже. Если и обойдется... Государство, в котором я жил, скоро развалится. Будет разруха, нищета, войны.

— Откуда знаешь? — сощурился Архиль.

— Видел пророческие сны.

— А об Руме?

— Нет.

— Ты все еще чувствуешь у нас чужим, — сказал король. — Пока. Вот что я скажу. Забирай свою родню к нам. Она большая?

— Отец и сестра.

— Сколько им лет?

— Сестре — двадцать, отцу — пятьдесят шесть.

— Моложе меня, — хмыкнул Архиль. — Люсиль сказала, что он тысяцкий.

— Это воинское звание. На деле — контрразведчик. Он ловил лазутчиков, разоблачал врагов государства. У него это хорошо получалось.

— Мне бы пригодился такой, — заинтересовался Архиль. — Сам знаешь, что тут вышло. У меня есть Лодорк, но он воевода. Умный, но не контрразведчик, — король выговорил последнее слово с трудом. — Проспал заговор, да и я с ним, — Архиль вздохнул. — Отец согласится?

— Не знаю, — признался Антон.

— Поговори с ним! Пообещай... Здесь он получит все. Место подле меня, золото, власть, помощников. И здоровье. Силой можно лечить.

— Сначала нужно попасть в мой мир, — заметил Антон.

— Это да, — согласился король.

...К Патхилью Антон шел весь в сомнениях. Что может древний старик? Ему же лет сто. Развалина, погружившаяся в маразм. Брежнев моложе, но смотреть жалко. Говорит с трудом. "Сиськи-масиськи" вместо "систематический" и "сосиски сраные" вместо "социалистические страны". Вся страна смеется. Анекдоты про генсека рассказывают даже

солдаты. Офицеры знают, но закрывают глаза. Косноязычный генсек надоел всем.

Патхиль его удивил. Он был сед и морщинист, но развалиной не выглядел. Высокий, стройный, он вышел к ним упругой походкой и встал, рассматривая посетителей. Взгляд его льдистых глаз пронизывал насквозь. Антон ощутил себя взвешенным и измеренным.

— Ну? — произнес старик.

Антон торопливо заговорил. Старик слушал, продолжая его разглядывать, от этого Антон чувствовал себя неуютно. Люсиль и вовсе спряталась за спину мужа.

— Идем! — предложил Патхиль, когда Антон смолк. Не дожидаясь согласия гостей, старец двинулся вглубь храма. Антон и Люсиль последовали за ним. Жрец шагал широко. Балахон белого цвета развевался вокруг его ног в такт шагам.

В храме стоял сумрак. Свет пробивался сквозь узкие окна вверху. Стекол в них не было. Как понял Антон, окна сделали под крышей, чтобы не затекал дождь. И снег не залетал. Вообще храм не походил на знакомые ему церкви. Тяжелое, мрачное здание, сложенное из неотесанных камней. Можно было представить, какого труда это стоило. Внизу стен камни были большими, затем все меньше, что и понятно — потаскай их наверх! Убранства не наблюдалось. Ни икон (в Руме не умели их писать), ни статуй (кто их здесь изваяет?), ни даже оштукатуренных и задрапированных стен. В центре храма находился алтарь — большой камень, отесанный по бокам и сверху. Жертв здесь не приносили — в смысле кровавых. Об этом Антон знал. Иль-Тек довольствовался вином и хлебом. Вот и сейчас на плоской поверхности лежал каравай и стоял кувшин.

Патхиль подвел их к алтарю, куда-то сходил и вернулся с факелом.

— Где твой мир?

Он наклонил факел. Антон разглядел на гладкой плите множество точек. Они сливались в линии, образуя прихотливые узоры. "Это же звездная карта!" — догадался Антон и склонился над плитой.

Его учитель астрономии был увлеченным человеком. Свой предмет он не просто любил — жил им. Привязанность старался передать детям. Рассказывал им о звездах, водил в планетарий, выбил для школы телескоп. Дети его любили. Учитель интересно, к тому же все, связанное с космосом, в СССР пользовалось популярностью. Антон помнил, как выглядит Солнечная система, и сейчас попытался ее найти.

Удалось не сразу. Ракурс был непривычным, к тому же на темном камне точки терялись. Антон сказал об этом жрецу. Патхиль кликнул служку, тот принес в кувшине воды. Ее вылили на плиту и растерли по поверхности. На гладкой поверхности вода высохла, в углублениях осталась. Точки стали отчетливо видны. Антон взял у жреца факел и присмотрелся. Схему Солнечной системы он обнаружил в дальнем углу. Узнать ее помогли изображенные вокруг звезды планеты. Их, правда, оказалось девять, а не восемь, как учили Антона, но ничего иного на карте не обнаружилось. А девятая планета... Может, и вправду есть?^[12]

— Вот! — Антон ткнул пальцем в третью точку от звезды. — Планета Земля.

— Иль-Тек называл ее "А-Зет", — глухо сказал жрец. — Он предсказал, что явится пришлый, который узнает свой мир. Ему можно поведать тайну. Идем!

Патхиль забрал у Антона факел и зашагал впереди. Они прошли в угол храма. Там обнаружился вход в подвал, закрытый люком из досок. Призванные жрецом служки подняли его. Патхиль с гостями спустился вниз. В подвале жрец зажег масляные лампы. В их тусклом свете Антон разглядел помещение. Оно было небольшим — подвал не повторял контуры

храма. Те же каменные стены, пара лавок — вот и вся обстановка. На одной из стен Антон разглядел каменный круг с непонятными знаками. Что-то он ему напоминал. Антон присмотрелся и вспомнил. Он видел такой в развалинах поместья, где принял бой. Вот оно что!

— Врата, — подтвердил догадку жрец. — Через них Иль-Тек и люди из вашего мира приходили сюда. Было это давно. Присядьте! — он указал на лавки.

Антон с Люсиль подчинились.

— Поначалу Иль-Тек пришел к хумми, — начал старик. — Но те не приняли его. Смеялись и гнали его из городов. Тогда бог пришел к нам. Сказал, что хочет сделать иль сильными и мудрыми. Вожди обрадовались и попросили оружия. "С ним мы покорим соседей", — говорили они. Но Иль-Тек отказал. Сказал, что мудрость не том, чтобы завоевать соседа. Умный правитель не начинает войны. Он сделает свои земли процветающими и защитит их от врага. Многим вождям это не понравилось. Они отринули Иль-Тека. Но были и те, кто его принял.

Старик помолчал.

— Эти иль и пришли в Рум по приглашению орков. Тогда Иль-Тек и установил здесь врата. Через них в земли орков явились пришлые. Они походили на хумми, но говорили на другом языке. Иль-Тек помог нам его понять. Пришлые много знали. Они учили возделывать землю, растить скот, ковать железо и строить дома. Они создали письменность орков и упорядочили азбуку иль. Научили нас создавать книги. Единственное, чему не учили, так это воевать. Среди них не было воинов. Ты — первый! — жрец указал на Антона.

— Я переместился сюда не по своей воле, — сказал пограничник.

— Знаю, — кивнул жрец. — Вышло случайно. Но ты из того же мира и знаешь язык пришлых. Один. Но языков было два. Пришлых, говорящих на втором, было мало. Их язык в Руме помнят я и мои ученики. Здрав будь, барин! — внезапно сказал старик.

— И тебе здравствовать! — машинально ответил Антон. И только потом понял, ответил по-русски.

— Знаешь! — улыбнулся Патхиль. Антон понял, что прошел вторую проверку. — Ты достоин приобщиться к тайне врат. И пройти ими.

— Как это сделать?

— Нужны алмазаны, много.

— Сколько?

— Чтоб открыть врата на короткое время не менее двух. У тебя есть камни?

— Да, — ответил Антон.

— Тогда приходи с ними завтра к вечеру. Один.

— А я? — заволновалась Люсиль. — Я тоже хочу в тот мир.

— Сначала он, — покрутил головой старик. — Этими вратами не ходили более ста лет. Кто знает, что там ждет? Пришлый разведает и вернется. После решим.

"Мудро", — согласился Антон.

— А что стало с Иль-Теком? — спросил старика. — Почему он исчез и перестал приводить людей?

— Это неведомо, — вздохнул Патхиль. — Возможно, мы плохо следовали его заветам или обидели непослушанием. Иль горделивы, орки упрямы. Не все следуют стезей мудрости. Вот и недавний мятеж... Возможно, тебе удастся призвать бога. Уходя, он сказал, что о нас вспомнят. Хотя после стольких лет я сомневаюсь. Прости, Мудрейший! — жрец обмахнул

лицо большим пальцем.

В следующий вечер Антон пришел в храм. Патхиль взял у него адаманты и внимательно рассмотрел. Подержал каждый в ладони, проверяя Силу. Затем они спустились в подвал. Помня обстоятельства своего переноса, Антон захватил факелы — фонаря у него было. На Земле — если это Земля, конечно — его ждет ночь. Взял он и пистолет — кто знает, как его встретят? Другое оружие брать не стал — не войну идет. Он разведчик, а не захватчик.

— Как только откроются ворота — ступай в них! — просветил старик. — Не медли. Я не смогу держать их долго открытыми. Узнаешь, что там, и вернешься. Жди возле врат. Я открою к утру.

Антон так и сделал. Потому и оказался в темном подвале. А тот оказался закрыт. Но главное он узнал. Проход работает! И выход из него на Земле есть и даже — в Минске! Последнее вовсе чудо. Антон думал, что окажется в Молдавии — там, откуда переместился. А это пограничная зона, где чужак на виду. С большой долей вероятности его задержат. Станут выяснять: кто, откуда? Далее — тюрьма или сумасшедший дом. Предположим, доберется до Кишинева и сядет в поезд. Но советских денег у него мало — хватит ли на билет? Можно продать золото, но это риск. Заинтересуется милиция — и все. Из документов у него только военный билет, а там нет отметки об увольнении в запас. Дезертир. Есть комсомольский билет и кандидатская карточка. Но взносы он не платил давно, соответствующих отметок нет. В милиции спросит о причинах. Что ответить? Его посадят в КПЗ, установят личность — и здравствуй, тюрьма! Обратно не вернуться. Жрец не станет ждать его годы.

Антон вернулся к воротам и дождался их открытия. Торопливо шагнул в открывшийся зев. Его встретил Патхиль.

— Ну? — спросил сходу.

— Это мой мир, — сообщил Антон. — И даже город, в котором я жил. Получилось!

— Слава Иль-Теку! — воскликнул старик. — Рад, что дожил. Ты видел бога?

— Нет, — покачал головой Антон. — В подвале никого не было. Я даже выйти из него не мог — дверь заперта. Но я послал "наблюдателя", и тот рассмотрел.

— Жаль! — огорчился старик. — Я так надеялся узреть бога.

"Его нет", — едва не сказал Антон, но вовремя удержался. Из рассказа жреца следовало, что Иль-Тек не бог. Инопланетянин. Кто еще мог оставить звездную карту и межпланетные ворота? Это Антон сообразил. Тема посещения Земли инопланетянами была популярна в СССР. Всех потряс документальный фильм "Воспоминания о будущем", снятый немецкими кинематографистами. В СССР он шел в переполненных залах. А передача "Очевидное — невероятное", в музыкальную заставку которой переключалась мелодия из кинофильма? Хотя передач Антон видел мало — они только появились, но смотрел их с жадностью. Интересно!

Внезапно за его спиной пропел тихий сигнал. Антон обернулся. У врат стояли двое существ. Невысокие, со странными лицами и зеленоватой кожей. Ее цвет был различим даже в свете масляных ламп.

— Иль-Тек! Вернулся! — жрец рухнул на колени.

Антон сделал шаг назад и опустился на скамью. Ноги отказывались держать тело.

Интерполяция третья

Сигнал вызова разбудил Гнура. Он не заметил, как задремал на дежурстве — старость. Пора удалиться на покой, но что делать на Мериде? Кому он нужен? А вот в пункте наблюдения за системами он к месту. Ни у кого в империи нет такого опыта. Никто не знает столько о перемещениях, как старый Гнур. Ходячий справочник. Хотя ходить ему с каждым циклом все тяжеле. Хорошо, что трудолюбивая практикантка вызвалась стать помощницей. Она девочка умная, и в перспективе заменит его. Если не разочаруется. На станции скучно, развлечений мало, а молодежь их любит. Ел нравится наблюдать за мирами, но сколько это продлится? Захочет иметь семью...

Старик сделал движение пальцами. На голоэкрane возникло лицо Ел.

— Что тебе, девочка?

— Пробой, наставник!

— Опять планета А-Зет?

— В это раз Сигма-2.

— Вот как? — изумился Гнур. — Зайди!

Пока Ел шла к пультам, он вывел на экран данные контрольной системы. Когда Ел возникла в дверях, Гнур уже знал ответ. Опыт...

— Менее цикла назад был похожий пробой, — сказал помощнице. — Помнишь?

— Аварийное перемещение на Сигму с А-Зет?

— Оно. Мы с тобой рассуждали о судьбе аборигена. Ты его жалела.

Ел кивнула.

— Так вот: он не погиб. Более того, сумел найти портал и переместиться на свою планету.

— Не может быть!

— Может, — усмехнулся Смотрящий. — А вот это, — он указал на экран, — тому подтверждение.

— Почему вы решили, что это он? Вдруг кто-то другой?

— Законсервированный портал на Сигме-2 не подавал признаки жизни более ста циклов. Но стоило аборигену с А-Зет переместиться на эту планету, как он заработал. Не прошло и цикла.

— Но он не мог в нем разобраться. А-Зет — отсталая планета!

— Не совсем, — Гнур улыбнулся. — Они уже осваивают околопланетное пространство. Пока робко, но представление о нем уже есть. На этой стадии появляются надежды на встречу с разумными, обитающими в других мирах. Так было и у нас. Абориген в А-Зет психологически готов к перемещению. Тем более, он это пережил.

— Как ему удалось активировать портал?

— Узнаем! — пожал плечами Смотрящий.

— Как?

— Спросим.

— Наставник?..

— Подготовь перемещение на Сигму-2.

— Но...

— Смотрящие могут, — сообщил Гнур. — В случае возникновения чрезвычайных

обстоятельств. А сейчас такое. В секторе 14 второй пробой за цикл. У нас полная кладовая накопителей. Их шлют, несмотря на отсутствие необходимости. Наверное, некогда составили инструкцию и забыли изменить. Почему б не воспользоваться?

— Бегу! — воскликнула Ел и унеслась.

Гнур проводил ее улыбкой. Девочка в восторге. Вот и хорошо. Пусть думает, что пребывание на станции — это не только наблюдение за галактикой. Да и ему неплохо размять кости. Ничего они, конечно, не выяснят. Портал сработал спонтанно. Если Гнур прав, аборигена с А-Зет и след простыл. Он уже на своей планете. Где его искать?

Подготовка потребовала времени. На отдаленные планеты со станции ходили давно. Следовало рассчитать данные, ввести их в вычислитель, проверить накопители. Некоторые потеряли энергоемкость. Их упаковали для возвращения на Мириду. Понадобилось найти и заложить в виртуальный переводчик основные языки Сигма-2. Гнур подумал и добавил к ним языки А-Зет. Их пришлось поискать — исследовали эту планету давно. Основные хлопоты взяла на себя Ел, а Гнур тем временем немного поспал. Ему более ста циклов, силы не те.

Любая работа рано или поздно кончается. Завершилась и эта. Разбудив наставника, Ел сообщила, что все готово. Они шли к порталу, когда сработало оповещение. Ел сообразила первой. Активировала голоэкрэн, и впиалась глазами в данные.

— Снова пробой, — сообщила растерянно. — На этот раз с А-Зет на Сигму.

— Абориген вернулся назад? — удивил Гнур. — Зачем?

— Узнаем! — его же словами ответила Ел и вставила накопитель в гнездо портала...

В себя Антон пришел скоро — что значит молодость! Тем более что гости не выказывали агрессии. Стояли, с любопытством разглядывая коленопреклоненного жреца и сидящего Антона. Он в свою очередь уставился на инопланетян.

Выглядели они непривычно. Невысокие, стройные фигуры, черты лиц вполне человеческие, хотя инопланетность заметна. Ушей и волос не видно — их скрывали облегающие шапочки, похожие на подшлемники. Глаза у гостей большие, с огромными белками и маленькой радужкой темного цвета. Каким точно, в свете ламп не разобрать. Ну, и зеленоватый цвет кожи... Одеты гости были в облегающие тело комбинезоны серебристо-серого цвета. К поясам прикреплены такого же цвета небольшие сумки. На груди виднелись маленькие диски, похожие на значки. Антон присмотрелся и различил, что один из инопланетян — мужчина, вторая — женщина. Последняя — молодая и симпатичная. Мужчина явно старик. Лицо в морщинах, как печеное яблоко. В детстве Антон их ел. Бабушка клала яблоки на противень, посыпала сахаром и ставила в печь. Доставала оттуда сморщенными, но горячими и мягкими. Вкусными...

Воспоминание придало Антону решимости.

— Здравствуйте! — произнес он.

Значки на груди инопланетян курлыкнули. Старик прокурлыкал в ответ.

— И тебе доброго здоровья! — механическим голосом ответил значок. "Робот-переводчик!" — понял Антон.

— Ты говоришь на языке планеты А-Зет? — спросил старик.

— У нас она называется Земля.

— А-Зет, — сказал переводчик. — Третья планеты системы Надих, желтого карлика. Но я могу звать ее по-вашему. Как твое имя?

— Антон.

— Я — Гнур, это моя помощница Ел. Мы Смотрящие за галактикой. Прибыли узнать причину пробоя. А это кто? — старик указал на Патхия.

— Главный жрец храма Иль-Тека. Мы сейчас в нем.

— Иль-Тека? — старик задумался. — Руководителя проекта развития цивилизаций звали Ильтей.

— Здесь его считают богом.

— Икс-три, — непонятно пробурчал старик. — Я могу осмотреть храм?

Антон перевел его слова жрецу. Патхиль встал и поклонился. Лицо его выражало благоговение. Они поднялись по ступеням. В храме было темно, лишь близ алтаря горели лампы. Шагавшие сзади инопланетяне что-то сделали, и храм залил свет. Он исходил от двух шариков, повисших над головами гостей на высоте где-то метра. Сияние от них исходило мягкое, но сильное.

— Полевые светочи, — объяснил Гнур в ответ на любопытный взгляд Антона. — Применяются в экспедициях. Хватает на несколько дней. Следуют за исследователем, который их активировал.

— Они разумны?

— Просто имеют вычислитель, — возразил старик и стал разглядывать храм. Его спутница занялась тем же. Спустя короткое время гости направились к алтарю. Светочи

последовали за ними. Гости встали у алтаря и склонились над верхней плитой.

— Карта галактики! — удивленно воскликнул старик. — Здесь?

— Это оставил Иль-Тек, — ответил Патхиль, после того, как Антон перевел вопрос. Русский жрец знал слабо. — Нанес рисунок и велел высечь.

— Зачем?

— Бог сказал, что наступит час, когда явится пришлый. Он найдет на плите свой мир. Ему можно будет открыть врата.

Инопланетяне переглянулись.

— Он нашел, — жрец указал на Антона. — Вот! — Патхиль указал точку на карте.

— А-Зет системы Надих, — курлыкнула женщина.

— Потому я и выполнил завет бога, — поклонился жрец.

— Как ты открыл портал? — спросил жрец.

— Камнем Силы.

Патхиль протянул гостю адамант. Гнур взял его и стал разглядывать.

— Что это? — спросила Ел.

— Природный накопитель энергии, очень мощный, — ответил наставник. — Здесь, видимо, есть месторождение. Я слышал о них, но вижу впервые. Природными перестали пользоваться давно — искусственные намного дешевле.

Гнур вернул камень жрецу. Ел провела пальцем над диском. Гнур кивнул и повторил ее жест. Переводчики отключились.

— Как можно классифицировать цивилизацию, научившуюся пользоваться порталами? — спросила Ел. — Это ведь не "икс-три"?

— Они не научились, — возразил наставник. — Им рассказали и показали. Не питай иллюзий. Приматов с планеты Урхей обучают пользоваться вычислителями. Они набирают комбинацию на экране, после чего открывается контейнер с едой. Но это не делает приматов разумными.

— Аборигены не приматы.

— Разумеется, — согласился старик. — Но их стадия развития отстоит от нашей на четыре ступени. Я говорю о землянине. Жрец и вовсе "икс-три". Верит в богов. Интересно Ильтей знал, что ему построят храм?

— Думаю, да, — сказала помощница. — Он выбрал оптимальный способ передачи знаний. Иной здесь не восприняли бы.

"Вот оно влияние Крила, — подумал старик. — Она еще грезит развитием цивилизаций".

— Что будем делать? — спросила Ел.

— Портал нельзя оставлять в пользовании аборигенов.

— Ты их убьешь?

"И это Смотрящая! — огорчился Гнур. — Рано ей. Слишком эмоциональная".

— Зачем? Достаточно вывести портал из строя. Навсегда.

— Жаль! — сокрушилась Ел. — Я хотела посмотреть их мир. Никогда не была на планетах с "икс-три".

"Нет тут ничего интересного, — хотел сказать Гнур, но смолчал. Глаза Ел горели энтузиазмом. — Совсем девочка, — подумал старик. — Все внове. Ладно..."

— Я поговорю с землянином.

— А жрец?

— С ним бесполезно. Наши слова он воспримет как откровение. У верящего в богов разум спит...

Когда пришельцы отключили переводчики и заговорили между собой, Антон ощутил себя неуютно. Зеленокожие вели речь о них. Можно догадаться, о чем. Отсталые аборигены влезли в их портал. Как Антон поступил бы на их месте? В лучшем случае дал бы по шаловливым ручкам. Запретил бы подходить к воротам или вовсе вывел из строя. В худшем... Об этом не хотелось думать. Хоть гости не выказывали агрессии, Антон понимал: стоит им захотеть... Пистолет не поможет.

Антон глянул на Патхилия. С лица жреца не сходила восторженная улыбка. На пришельцев он смотрел с благоговением. Самая малость удерживала жреца от желания бухнуться на колени и разбить лоб о каменный пол. "Фанатик! — подумал Антон. — Хотя... Сотню лет служить богу. Такому не объяснишь, что тот инопланетянин..."

Зеленокожие закончили разговор и повернулись к ним. Антон ощутил в груди холодок.

— Мы хотим говорить с тобой, — старик указал на Антона. — Ты, жрец, можешь идти.

Хотя Гнур сказал это по-русски, Патхиль понял. Поклонился и зашагал к выходу. Инопланетяне проводили его взглядами. Затем повернулись к Антону.

— Кем ты был на своей планете? — спросил старик.

— Студентом. Учил иностранные языки, собирался стать переводчиком.

— У вас разве нет трансов? — Гнур указал на диск.

Антон покрутил головой:

— Даже не слышал о таких.

— Восьмая ступень, — проворчал старик. — В начальной стадии. Как ты попал на Сигму?

— Был бой.

— Вы ведете войну?

— Нет. Следовало задержать дезертиров. Они стреляли.

— Студенты ловят преступников?

— Я проходил службу. В моей стране молодые мужчины, если они здоровы, подлежат призыву.

— Военная повинность, — кивнул старик. — У нас не существует. Нет смысла в количестве воинов, если они плохо обучены. А два цикла — слишком малый срок. Продолжай.

— Мы обнаружили автомобиль дезертиров. Сами они ушли к границе. Я послал младшего наряда в село сообщить на заставу.

— У вас не было коммуникатора?

— Рации? — догадался Антон. — Нет, не было. Их мало, и они тяжелые. К тому же на больших расстояниях бесполезны.

— Даже хуже, чем я думал, — продолжал старик. — Говори!

— Я охранял автомобиль, когда вернулись дезертиры. Я предложил им бросить оружие. Они стали стрелять, я — в ответ. Убил обоих, но один успел бросить гранату. Я спрятался в автомобиль. В этот момент все пыхнуло, и я оказался здесь — вместе с автомобилем.

— Где проходил бой?

— У развалин. Некогда там стоял дом, большой, но со временем он разрушился. Осматривая развалины, я увидел ворота. Правда, тогда не знал, что это портал. Понял здесь.

— Что я говорил! — Гнур посмотрел на Ел. — Аварийное перемещение. Вычислители

портала сработал штатно.

Взгляд помощницы выразил восхищение. Гнуру стало приятно.

— Как встретили тебя на Сигме? — спросил Антона.

— Неласково. Деревня, к которой я вышел, оказалось в осаде. Напали зурги. Собирались ограбить селян и угнать их в рабство.

— Что сделал ты?

— Убил зургов. У меня имелось оружие.

— А потом?

— Селяне просили взять их под защиту. Я согласился. Но это не понравилось владельцу земель. Он взял воинов и пришел наказывать селян. Грозил расправой.

— А ты?

— Убил владельца и его воинов, — вздохнул Антон.

— С целью защиты аборигенов?

— Да, — подтвердил Антон.

— Продолжай.

— Мне предложили стать владельцем этих земель. Я согласился.

— Право сильного, — пробурчал старик. — Икс-три. Глава государства не возражал?

— Я передал ему адаманты. Здесь они редкость.

— Накопители? — удивился старик. — Как их используют?

— На войне. Силу камней маг формирует в Кулак, после чего бьет им во врага. Сравнимо с разрывом крупнокалиберного снаряда.

— Хм! — Гнур задумался. — Мне незнаком этот метод. А кто такой маг?

— Человек, умеющий извлекать из камней Силу.

— Ты умеешь?

— Да.

Антон взял в кулак медальон. Кувшин на краю алтаря взмыл в воздух, пронесся над плитой и вернулся обратно. Ел восторженно взвизгнула.

— Использование энергии живым существом, — покачал старик. — Необычно. На Сигме много магов?

— Мало.

— А на твоей планете?

— Не знаю, — ответил Антон. — Не было возможности определить. У нас в магию не верят.

— Техногенная цивилизация, — заключил Гнур. — Но ты маг?

— Способности проявились здесь.

— Любопытно, — сказал старик. — Очень. Это открывает... — он торопливо умолк. — Что было дальше?

— Весной в пограничье приехал король. Я привел воинов на смотр. Но тут выяснилось, что в дне пути стоит войско зургов — пришло с набегом. Их было вшестеро больше.

— Ты помог их разбить?

— Откуда знаете? — удивился Антон.

— Догадаться не трудно. Сколько оружия ты принес в это мир?

— Ну... — Антон замялся.

— Это оно? — старик указал на кобуру.

— Да.

— Покажи!

Антон вытащил АПС и протянул Гнуру. Тот взял пистолет и повертел в руках. Затем дал подержать его Ел.

— Как оно действует? — спросила женщина.

— В магазине — патроны. Механизм подает их в ствол. Боек разбивает капсуль, который воспламеняет порох. Горячие газы выталкивают пулю из ствола.

— Кинетическое оружие, характерное для "икс-восемь", — заключил Гнур. — Применяется в цивилизациях до уровня "икс-девять". На последующих ступенях заменяется лучевым и плазменным.

Он вернул пистолет Антону. Тот сунул АПС в кобуру.

— Король просил тебя сделать такой?

— Нет.

— Почему?

— Здесь это невозможно. Нет оборудования, технологий, нужных металлов. Не развита химия, без которой не сделаешь порох и капсули.

Гнур кивнул и задумался.

— Зачем ты ходил в свой мир? — спросил вдруг.

— На разведку, — признался Антон. — Я не знал, куда открывается портал.

— Теперь знаешь. Почему не остался в своем мире?

— В скором времени мою страну ждут беды. Она развалится по частям, будут войны. Я не смогу этому помешать.

— Откуда знаешь?

— Здесь я начал видеть сны, вещи. В них все ясно и отчетливо. Я верю им.

Гнур глянул на Ел и отключил переводчик. Помощница последовала его примеру.

— Он Видящий? — спросила восторженно.

— Похоже, — кивнул старик.

— Никогда их не видела.

— Я — тоже, — сказал Гнур. — Но читал. Последний Видящий погиб в Галактической войне, которую сам же и предсказал. Тогда ему не поверили. Спыхватились поздно — Видящий был мертв. Император издал указ: беречь Видящих как высшую ценность. Но было поздно — другие не объявились. Возможно, помнили о судьбе последнего.

— Этот землянин — ценность?

— Не думаю. Он видит сны о своем мире.

— А если перевезти на Мериду?

— Не думаю, что он станет видеть наше будущее. Хотя... — Гнур задумался. — Если приобщить его к достижениями цивилизации, показать Мериду... Но на это уйдут годы, а результат неясен. Потребуется разрешение Галактического Совета. Аборигенам с отсталых планет нельзя посещать наш мир.

— Мы доложим об этом руководству?

— Посмотрим! — тряхнул головой Гнур. — А пока... — он улыбнулся и активировал переводчик. Ел — тоже.

— Каковы твои намерения? — спросил Антона.

— Принести в этот мир знания.

Зеленокожие переглянулись.

— Этот мир отсталый, — поспешил Антон. — Здесь не знают элементарных вещей,

даже делить и умножать. Король хочет, чтобы я учил детей. Но нужны учебники. Сам я помню мало.

— Правитель не просил оружие?

— Нет, — покрутил головой Антон. — О нем речь не шла. К тому же мне его не дадут.

— Почему?

— В моей стране оружие принадлежит государству. Его дают воинам, проходящим службу. По завершении ее забирают. Таков порядок.

— Но ты можешь попросить. Сказать, для кого. Твоей стране не интересна эта планета?

— Мне не поверят. Сочтут рассказ выдумкой. Определят в сумасшедший дом...

Пришельцы снова переглянулись. Старик что-то буркнул. Антон разобрал что-то вроде "икс-восемь".

— Учебники — это все? — спросил Гнур.

— Нет, — Антон замялся. — Планировал забрать отца и сестру. Не хочу, чтобы они пережили беды. Они много знают и были бы полезны, — сказал, увидев выражение лица старика.

— Хорошо! — кивнул тот. — Забирай. Можешь привести на Сигму и других людей — кого захочешь. Но оружие приносить нельзя. Мы будем за этим следить. В случае нарушения закроем портал. Понятно?

Антон кивнул.

— Проводи нас.

Они спустились в подвал.

— Это я оставляю тебе, — старик указал на светочи. — Когда в них отпадет нужда — протянешь ладонь. Светоч опустится на нее. Накроешь его другой рукой, он погаснет и станет плоским. Захочешь активировать вновь — просто подбрось в воздух. Периодически держи их на свету для подзарядки. И еще, — он полез в сумку и достал овальные камешки. — Это накопители. Они мощнее алмазиков. Одного хватит, чтобы воспользоваться порталом несколько раз. Ты сможешь открывать его и со своей планеты. Когда заряд кончится, накопитель посветлеет. Следи за этим! С разрядившимся накопителем можно попасть в беду.

Гнур вложил камни в руку Антона.

— Спасибо! — поблагодарил землянин.

— Спустя время мы посетим тебя. Оценим твои успехи. Это сделает она, — Гнур указал на Ел. — Покажешь ей все, что попросит. Согласен?

— Да.

Антон поклонился.

— Прощай, землянин!

Старик вложил накопитель в гнездо врат. Пропел сигнал, и на месте плиты возник черный зев. Инопланетяне шагнули в него и исчезли. Антон некоторое время стоял, глядя на возникшую вновь плиту, затем вытянул руку ладонью вверх. Ближний светоч спикировал в нее. Антон накрыл его ладонью. Светоч погас. Антон убрал руку. На ладони лежал маленький диск, похожий на печенючку. Антон подбросил его вверх. Диск превратился в шар и засиял.

— Вот значит как... — пробормотал Антон...

А на станции империи, за много парсеков от Сигмы-2 в это время беседовали двое: старый Смотрящий и его помощница.

— Зачем вы разрешили ему пользоваться порталом? — спросила Ел. — И даже дали накопители?

— Он собирается развивать мир Сигмы-2.

— Но вы не верите в теорию Крила!

— Это не влияет на результат. Посмотрим, что выйдет. Проведем эксперимент. А ты проследишь.

— Я? — удивилась помощница.

— В отличие от меня ты разделяешь эту теорию. Кому, как не тебе?

— А нам разрешат? — загорелась Ел.

— Нужно составить донесение правильно. Я это умею.

— Наставник!..

Ел схватила руку Гнура и прижала ее ко лбу. Затем унеслась по коридору.

"Побежала освежать знания, — догадался Гнур. — Подымет записи лекций Крила, найдет результаты прошлого эксперимента. Вот и хорошо. У девочки появилась цель. Выйдет у землянина или нет, но работы у Ел хватит на циклы. Она останется на станции. Мне не будет одиноко..."

На миг старик почувствовал себя неловко. Он вмешивается в судьбу Ел, руководствуясь эгоистическими мотивами. "Но ей самой этого хочется, — успокоил он себя. — К тому же удачный эксперимент позволит ей сделать имя в научном мире. Она станет профессором, как ее обожаемый Крил. Переберется на Мериду, будет учить студентов. А я... Меня к тому времени уже не будет".

Успокоенный этой мыслью, Гнур пошел к себе. Нужно составить отчет. Первым делом указать, что пробой вышел случайно, и виной тому оставленные на планетах порталы. Спросить за это уже не с кого. Зато происшествие может обогатить империю новыми знаниями. Обязательно стоит указать, что эксперимент не потребует затрат. Накопители можно не считать — мелочь, к тому же большая часть их подлежит списанию — срок хранения вышел. О том, что землянин — Видящий, сообщать не нужно. На Мериде могут заинтересоваться и забрать аборигена. А на нем завязан проект развития. Если землянина заберут, Ел улетит — ей станет скучно. Решено! Ни слова.

Игорь Иванович закрыл за собой дверь комнаты и прошел к шкафу. Открыл дверцу, взял с полки бутылку водки и стакан. Перенес их на письменный стол и добавил к натюрморту извлеченный из кармана ломоть хлеба. Поднял глаза. На стене в деревянной рамке висел портрет Антона. Сын, улыбаясь, смотрел в объектив камеры, словно говоря: "Все в порядке, отец! Жизнь продолжается!"

— Прости, сынок! — сказал полковник и свернул пробку с бутылки. Водка, булькая, полилась в стакан, по-фронтовому наполнив его до краев. Игорь Иванович помедлил, затем, быстро выпил. Водка горячим потоком пробежала по горлу и растеклась по желудку. Полковник сморщился, занюхал хлебом, затем откусил от ломтя кусок и зажевал.

На войне Ильин-старший пил мало — обстановка не позволяла. Подразделение СМЕРЦ могли поднять ночью. Если выпил с вечера, какой из тебя боец? Сам пропадешь и людей погубишь. Потом появилась семья, дети. Деньги уходили на них. Так вот не приучился. Но гибель Антона подкосила полковника. Его мальчик... Умница с блестящими способностями, красивый и сильный. Отлично учился в институте, отменно служил. Награжден всеми знаками солдатской доблести, стал старшиной. Несколько раз Игорь Иванович получал письма из пограничного отряда. Командование благодарило его за воспитание замечательного сына. Письма полковник складывал и периодически перечитывал, каждый раз испытывая гордость. Дочь показывала письма подругам, хвастаясь братом. Девушки перебирали карточки Антона, ненавязчиво интересуясь, когда брат Лизы вернется домой... Игорь Иванович сам этого ждал. Представлял, как раздастся звонок в дверь и через порог шагнет сын — высокий, сильный, в парадной форме, украшенной знаками солдатской славы. Скажет: "Здравствуй, отец! Я вернулся".

Но Антон погиб. Эта весть искорежила твердокаменного полковника. Его не смогла согнуть даже смерть жены, но тут... После ухода Ольги остались дети. В них он видел смысл своего существования. Но судьба, словно посмеявшись, забрала сына. Его надежду и опору, лучшего из детей. Дочь Игорь Иванович любил, но прекрасно понимал: до старшего ей далеко. Лиза окончит институт, станет хорошим специалистом, матерью и женой, но больших высот ей не достичь. А вот Антон...

Самым страшным было осознавать, что это он, полковник Ильин, погубил сына. Отправил служить ради карьеры. Не подумал, что сын может не вернуться — в армии гибнут даже в мирное время. В тот злосчастный день Антон вел себя достойно. Отправил с донесением молодого бойца, сам остался сторожить автомобиль с оружием. Мог уйти, но тогда пули полетели бы в других. И нашли бы цель — дезертиры сдаваться не собирались. Сын принял удар на себя, поступил как настоящий советский человек. Так сказали Игорю Ивановичу. Но это не утешало.

— С-суки! — выдохнул Игорь Иванович. — Во что превратили страну? Чтоб вы сдохли!

Советскую власть (не путать с Родиной!) Игорь Иванович не любил. Ничего удивительного. Власть любят те, кому она мать родна. Чиновник, севший в уютном кабинете, писатель, обласканный за "правильные" книги, рабочий, умеющий говорить на собраниях нужные слова. Таких власть холит и лелеет. А вот полевым агентам, вроде Игоря Ивановича, она отравляла жизнь. В 30-е от сотрудников НКВД требовали выявлять врагов народа в соответствии с доведенными показателями. Есть враги или нет, руководство не

волновало. Нужное количество представь, да еще возьми повышенные обязательства. В репрессиях Игорь Иванович не участвовал — служил в Иностранном отделе, но про "лимиты" знал. Сам в них попал. В 38-м его арестовали. Следователи требовали признаться в содружестве с иностранной разведкой — любой. Список зачитывали по алфавиту — от английской до японской. Били, не давали спать. Игорь Иванович устоял. Это его спасло — тех, кто подписывал протокол, ждала пуля. Через три месяца его выпустили. Вернули звание, награды, но перевели в другое управление. Так кончилась его карьера нелегала.

Со смертью Сталина легче не стало. Сменивший его Хрущев чудил. Чистил органы выгоняя профессионалов. Вакансии заполняли туповатые комсомольцы. Оперативникам запретили держать агентов. Дескать, хватит сексотов^[13], не при Сталине живем. Но без агентов оперативник слеп, найти преступника трудно. Показатели раскрываемости поползли вниз, ухудшилась криминогенная обстановка в стране. Распоряжение отменили, но вреда оно принесло много. Еще Хрущ боролся с церковью. Заявил, что увидит последнего попа. Чем они ему помешали? В войну многие священники помогали партизанам. Верующие покупали для фронта танки и самолеты. Даже Сталин пересмотрел свой взгляд на религию и прекратил преследование церкви. Какой от нее вред? Верующие — люди богобоязненные. Работают хорошо, ведут себя примерно. За что их?

Игорь Иванович видел, как деградирует власть. При Сталине начальники боялись воровать. С его смертью пустились во все тяжкие. Тащили, пристраивали детей и родственников на теплые места. И попробуй тронь! Там, где обычным гражданам светил срок, партийные отделялись выговором.

Жить в СССР было душно. В газетах — сплошное вранье, по телевизору — тоже. Везде кумовство и блат. Детям начальников двери открыты, другим — узкая щелочка. Из-за нее Игорь Иванович отправил сына в армию. И погубил мальчика...

Хуже всего было вечерами. Днем отвлекали повседневные заботы: Игорь Иванович ходил в магазин, закупал провизию, готовил обеды и ужины. Стирал одежду и убирал в квартире, отстранив от этой работы студентку-дочь. Та пробовала возражать, но отец настоял. Сказал, что ей нужно думать об учебе. На самом деле искал забвения. Оно приходило, но на короткое время. А вот вечерами становилось худо. Наползали мысли — тяжелые и беспросветные. Переживала и дочь. Запиралась в своей комнате, и Игорь Иванович, стоя под дверью, слышал, как она плачет. Следовало зайти и утешить, но слов не находилось. Уснуть стало проблемой. И тогда полковник нашел выход. Ему было стыдно перед собой и дочерью, но водка приносила забвение хотя бы на короткое время. Потом наступало утро — еще более мерзкое, чем вечер, но до него следовало дожить.

Ощувив затопившее мозг отупение, Игорь Иванович посмотрел на бутылку. Выпить еще? Некоторое время он колебался, переводя взгляд с бутылки на обкусанный ломоть, затем решительно протянул руку. В этот момент из прихожей донесся звонок.

Игорь Иванович убрал руку и глянул на часы. Полчаса до полночи. Кого принесло? Соседку? После смерти жены полковник увидел ее интерес. Еще не старый, крепкий военный пенсионер привлекал женщин. Особо усердствовала соседка по площадке — вдова академика. Угощала его своей стряпней, зазывала в гости. Игорь Иванович отбивался, как мог. Соседка ему не нравилась — жадная и глупая. Полковник не без основания полагал, что ей интересна его пенсия, а не он сам. При жизни академика соседка шикавала: разъезжала по курортам, меняла наряды. Со смертью мужа об этом пришлось забыть. А тут свободный мужчина с хорошей пенсией...

"Не пойду! — мотнул головой Игорь Иванович. — Пусть катится! Да и пахнет от меня спиртным. Растреплет всем, что пью. С нее станется — сплетница еще та..."

Звонок повторился. По коридору прошелестели шаги — Лиза пошла открывать. "Если придет звать, скажу, что уже сплю", — решил Игорь Иванович и прислушался. В прихожей щелкнул замок, затем донесся радостный визг дочери. "Это кто явился?" — удивился полковник. Из прихожей послышалось бормотание, затем восторженный крик дочери:

— Папа! Папа! Иди сюда! Скорее!..

Игорь Иванович поколебался и вышел из комнаты. Замер. У порога стоял... Антон. Он обнимал сестру, а рядом, смущенно улыбаясь, стояла незнакомая девушка — высокая и очень красивая. Некоторое время полковник стоял, не веря глазам. Профессиональным взглядом отметил, что сын здорово изменился. Подросток — вон Лиза ему по плечо, возмужал. Возможно, его старили длинные волосы, зачесанные назад и ниспадавшие на плечи. Плюс редкая, курчавая борода. И одет сын странно...

Антон заметил отца. Оторвал от себя сестру и улыбнулся.

— Здравствуй, отец! Посмотри, какую невестку я тебе привел!

Он обнял за плечи стоявшую рядом незнакомку. Полковник качнулся. Мир стал стремительно сужаться, пока не превратился в точку. Игорь Иванович осел на ковровую дорожку...

В себя он пришел на диване. И первое, что увидел, было встревоженное лицо сына.

— Ну, ты даешь, батя! — сказал Антон. — Напугал.

— Ты же погиб, — прошептал Игорь Иванович.

— Не-а! — сын покрутил головой. — Не веришь, можешь потрогать.

Полковник поднял руку и коснулся щеки сына. Та была теплой, живой.

— Но как?..

— Расскажу, — сказал Антон и спросил заботливо: — Как ты себя чувствуешь?

Игорь Иванович прислушался к себе. Странно, но ничего не болело. Более того, он ощущал необычную бодрость. О чем и сказал вслух.

— Не удивительно! — хмыкнул Антон. — Столько Силы в тебя влил! Девочки! — он повернул голову, и полковник различил за спиной сына две женские фигуры. — С отцом все в порядке. Готовьте ужин.

Фигуры исчезли. Игорь Иванович сел.

— Где ты был? — задал животрепещущий вопрос.

— Далекко.

— За границей?

— Ага, — подтвердил Антон. — Солнечной системы.

— То есть?

— Сейчас!

Антон поискал взглядом, затем подтащил к дивану кресло. Сел.

— О том, что случилось год назад, рассказывать?

— Нет, — ответил полковник. — Знаю. Был бой с дезертирами. Ты застрелил двоих.

— Один успел бросить гранату, — кивнул Антон. — Я спрятался в УАЗ. Не подумал, правда, что там ящик с гранатами. Но поступил правильно. Взрыв активировал портал, и тот выбросил меня вместе с машиной на другую планету.

Игорь Иванович покрутил головой.

— Не веришь, — заключил сын. — Сам бы не поверил. Портал, другая планета... Не

случилось именно так. Сейчас кое-что покажу.

Сын полез в карман. Игорь Иванович разглядел, что он одет в какую-то странную куртку — длинную, синего цвета. Тем временем Антон вытащил из кармана плоский круглый предмет, похожий на печенюку. Подбросил его вверх. Тот взмыл в воздух и превратился в шарик. Затем вспыхнул и залил комнату ярким светом.

— Смотри!

Сын встал и сделал несколько шагов. Шарик следовал за ним, как привязанный. Антон вытянул руку ладонью вверх. Шарик опустился на нее. Сын накрыл его другой рукой, затем убрал и показал отцу. На ладони лежала "печенюка".

— Это светильник вроде нашего фонарика. Активируется, когда подбросишь, прекращает гореть, когда накроешь другой рукой. Следует за хозяином. Видел что-нибудь подобное?

— За границей могли придумать, — сказал полковник.

— Ага! — хмыкнул Антон. — Отчего не в СССР? У нас же лучшие в мире военные технологии. Этот светильник, вдобавок, распознает хозяина и следует за ним. Успокойся, отец! На Земле нет, и еще долго не появится чего-либо подобного.

— Откуда он у тебя?

— Инопланетяне дали, — пожал плечами Антон. — Думаю, у них этого добра... Если они порталами на огромные расстояния перемещаются... Раз — и ты на другой планете!

— Почему не пришел раньше?

— Не знал как, — Антон сунул светильник в карман и сел в кресло. — Про порталы недавно узнал. Меня не к зелененьким занесло. Они появились позже. Выбросило на планету Нимей в королевство Рум.

— Королевство? — уцепился полковник.

— Да, пап! У них там Средневековье, Киевская Русь, если оценивать по-нашему. Король, феодалы...

— Как же ты уцелел?

— Пришлось пострелять, — пожал плечами Антон. — Оружие у меня было, патроны — тоже. Вышел к селению, а там зурги. На орков напали.

— Орков?

— Местные себя так зовут. Похожи на людей, хотя выглядят непривычно. Рум — их государство. Зурги — кочевники, вроде наших половцев. Головы, как у жаб. Приходят грабить, угоняют орков в рабство. Я этих жабьеголовых покروшил. Орки обрадовались, попросили стать их защитником. Согласился. Потом лоф местный явился... Много всего было. Засады, сражения... Меня сделали лофом — это как князь у нас, потом — и вовсе — советником короля.

Несмотря на невероятность услышанного, Ильин-старший ощутил гордость. Сын стал советником короля! Менее чем за год! В его возрасте! Как бывший нелегал полковник оценил достижение.

— А эта девушка?

— Моя жена. Познакомились спустя несколько месяцев после моего появления. Она обучала воинов в моем замке. Вот мы...

Антон смутился.

— Она воин? — удивился полковник.

— Еще какой! Ее отец был лучшим мечником королевства. Тысяцкий. Считаю по-

нашему, командир полка. Погиб в бою. Но Люсиль успел обучить.

— Она служит?

— Необходимости нет. Люсиль богата. Есть земли, дом в столице, поместье.

— Так ты помещик?

— Можно сказать и так, — засмеялся Антон. — Понимаю, о чем подумал. Но у них такой строй. Не волнуйся: Люсиль не эксплуататор. У нее полон дом слуг. Я как-то спросил: зачем столько? Половины хватит. Отвечает: "Не могу прогнать. Куда пойдут? У них же дети..." Орки ее любят. Она строгая, но справедливая

— У нас придется работать.

— Не-а! — Антон помотал головой. — Не придется. Мы тут проездом. Погостим и вернемся.

— Тебя обвинят в измене, — Игорь Иванович покачал головой.

— Не начинай, пап! — Антон сморщился. — Кому я изменил? Родине? Разве я перебрался на Нимей по своей воле? Сбежал на Запад, как диссиденты или предатели? Клеветал на СССР? Свой долг перед страной я выполнил. Убил преступников, не позволил им перебраться через границу. Не моя вина, что оказался на другой планете. Это первое. И второе. Что меня ждет в СССР? Обвинят в дезертирстве, посадят в тюрьму. Или запрут и сумасшедший дом. Разве не так?

Полковник промолчал. Сын был прав.

— Понимаешь, пап! — Антон вздохнул. — Там тоже люди. Непохожие на нас внешне, но в остальном такие же. Я им нужен. Король попросил меня создать в Руме систему образования. Орки неграмотны. Считают на пальцах, делить-умножать не умеют. Представь, что меня попросили обучать негров в Африке. Ты бы возражал?

Игорь Иванович покрутил головой.

— Так в чем разница?

Игорю Ивановичу стало неловко. Что-то его понесло. Сын вернулся — живой, здоровый, а он...

— Тебя наградили орденом? Знаешь?

Антон покрутил головой.

Игорь Иванович встал, прошел к секции и вытащил ящик. Достал из него красную коробочку и протянул Антону. Тот взял и открыл.

— Ого! Красное Знамя!

— За мужество и героизм, проявленные при защите рубежей Родины. Посмертно.

— Последнее — зря! — засмеялся Антон.

— Кто ж знал, что ты уцелел? — вздохнул Игорь Иванович. — На месте развалин осталась запекшаяся глыба. Собственными глазами видел — приглашали меня. Тебя навечно внесли в списки отряда, в казарме — мемориальное спальное место. Портрет твой над койкой висит, — он помолчал. — Нам с Лизой было плохо без тебя, сын. Вдруг ты появляешься и говоришь, что проездом. А мы?

— Перебирайтесь к нам. Места хватит — у Люсиль большой дом.

— Жить помещиками?

— Почему бы и нет? Пушкин им был и Некрасов... Александр Невский и вовсе князь. Но мы их почитаем. Земли в Руме дают за заслуги перед страной. Не хотел это говорить сейчас, но раз пошло... После перемещения в Нимей у меня открылись кое-какие способности. Смотри! — он сунул руку в карман. Игорь Иванович с изумлением увидел, как

оставленный им диван взмыл над полом. Проплыл в середину зала, и полковник увидел на полу пыльный прямоугольник. Диван тем временем обернулся кругом и вернулся на прежнее место. — Вот так! — прокомментировал Антон. — На Нимее это называют магией. Чтобы сделать так, нужен камень. — Антон достал из кармана и показал отцу овальный камешек черного цвета. — Инопланетяне — те, которым принадлежит портал, назвали его природным накопителем энергии. Кроме магии у меня появился дар предвидения. Я вижу вещи сны. В них будущее СССР печально.

— А именно? — насторожился полковник.

Словам сына он не удивился. В молодые годы тогда еще сержант безопасности Ильин выручил старуху-цыганку. Ее взяли в оборот гопники у вокзала. Ильин услышал за углом крик и прибежал на помощь. Вовремя — налетчики уже держали в руках ножи. Ильин выхватил револьвер, пальнул в воздух, после чего сбил с ног ближайшего бандита. Остальные ножи бросили. Ильин отвел гопников в привокзальное отделение милиции. После разбирательства тех задержали, Ильина и цыганку отпустили.

— Дай руку! — сказала старуха, когда они вышли на перрон.

— Я не верю в гадания! — засмеялся Ильин.

— И все-таки дай! — не отстала цыганка.

Ильин подчинился. Цыганка схватила его руку и долго вглядывалась в линии на ладони.

— Ну! — поторопил ее Ильин. — Дальняя дорога не просматривается? Или казенный дом?

— Все тебе будет — и дорога, и дом, — сказала старуха. — Только не такие, как ждешь. Много переживешь, многое увидишь. Кровь свою прольешь не раз, но уцелеешь там, где погибнут другие. Женишься поздно — на женщине, которую спасешь. Она родит тебе сына и дочь. Дети вырастут красивыми и умными. Но жена рано умрет. Сына ты потеряешь, но обретишь вновь.

— Это как? — удивился Ильин.

— Не знаю! — ответила старуха. — Но линии говорят так.

— А дальше? — спросил Ильин. — Когда умру?

— Здесь этого нет, — цыганка отпустила его руку.

— Как нет? — не поверил сержант.

— Совсем, — ответила старуха и, шурша многочисленными юбками, пошла прочь.

— Эй! — окликнул ее Ильин. — Ручку позолотить?

— Тебе не нужно, — цыганка обернулась. — Уже позолотил...

Ильин забыл про гадание в тот же день. Комсомолец, он не страдал суевериями. Вспомнил только после смерти жены, да и то мельком. Предсказание сбылось, но это могло быть случайностью. После гибели сына вспомнил вновь. Терзаясь, таил в душе крохотную надежду. Цыганка сказала, что он обретет сына. Не обманула старуха...

— Говори! — поторопил полковник.

— В ноябре 1982 года умрет Брежнев, — сказал Антон. — Генеральным секретарем станет Андропов. Но он умрет в феврале 1984 года. Его сменит Черненко, который проживет после этого чуть более года. Придет Горбачев, который и развалит СССР.

— Ты кому-нибудь это говорил? — насторожился Игорь Иванович.

— Только тебе.

— Вот и молчи!

Игорь Иванович ощутил холодок в груди. Если власти узнают об одиссее Антона и его

предвидении, он во второй раз теряет сына. В этот раз — навсегда. Замучат мальчика. Не уж, пустьдохнут! Заслужили!

В этот момент в зал заглянула Лиза.

— Папа! Антон! Идите к столу!

— Пошли! — Игорь Иванович взял сына за локоть. — После поговорим.

В кухне их встретила Люсиль. В руках она держала нечто завернутое в алую ткань. Люсиль поклонилась полковнику и произнесла нечто певучим голосом.

— Жена говорит, что рада видеть отца мужа, — перевел Антон. — Много слышала о тебе. Для нее честь войти в семью Иль-Ина. Ее мать умерла, отец погиб, поэтому главой рода становишься ты. Она просит принять тебя соответствующий знак.

Люсиль развернула ткань. На алой материи лежал золотой медальон на такой же цепи.

— Возьми! — подсказал Антон. — И надень. Не то обидишь.

Игорь Иванович подчинился. Люсиль вновь поклонилась ему. Именно это окончательно заставило полковника поверить в случившееся. Глаза его защипало.

— Что ж вы на сухую? — спросил, переведя взгляд на стол. — Я сейчас!

В зале он вытер повлажневшие глаза, достал из секции бутылку вина и вернулся в кухню. Сам вытащил из бутылки пробку и разлил по бокалам вино.

— С возвращением, сын!

Они выпили и закусили. Все были не голодны, поэтому ели мало. Под напором сестры Антон повторил рассказ о своих приключениях, продемонстрировал шар-светильник. Лиза ахала и делала большие глаза. Игорь Иванович рассматривал на сына и невестку. Обратил внимание на их одежду. На Антоне — рубаха с прямым воротом, штаны и сапоги. У Люсиль — длинное платье до пят. Из-под подола выглядывали носки сапог. Игорь Иванович покачал головой:

— Как вас милиция не повязала в такой одежде?

— Сам боялся, — ответил Антон. — Но другой нет. Сшить возможности никакой — нет образцов. Поэтому прошли через портал вечером. На улице темно, людей мало. Троллейбусы ходят, считай, пустыми. А у меня и талончиков не было — негде купить в такое время. Ехали зайцами.

— Хорошо, что вечером, — одобрил полковник. — Нельзя, чтобы соседи видели.

Он умолк. Лиза стала расспрашивать невестку, Антон переводил, Игорь Иванович смотрел на них, чувствуя тепло в груди. Семья в сборе. Он рассмотрел в ушах дочки золотые сережки с зелеными камушками. Лиза заметила взгляд и похвасталась — подарок невестки.

Посиделки затянулись до часа ночи.

— Пора спать! — сказал Игорь Иванович, бросив взгляд на часы. — Завтра договорим. Вы ведь не собираетесь уходить сейчас?

— Нет! — покрутил головой сын. — Планировал побыть несколько дней. Есть дела.

— Значит, решено! — подвел итог Игорь Иванович. — Лиза, постели молодым в зале. Мы с Антоном посидим.

Сын перевел его слова. Люсиль встала, поклонилась полковнику и ушла с Лизой.

— Какие у тебя дела? — спросил Игорь Иванович.

— Нужно купить учебники, — Антон стал загибать пальцы. — Одежду мне и Люсиль, чтобы не ходить пугалами. Еще кое-что по мелочи. Но советских денег у нас, считай, нет. Поможешь?

Игорь Иванович кивнул.

— Это — взамен! — Антон вытащил из кармана и высыпал на стол горсть желтых монет. — Они золотые. Можно сдать в скупку.

— Сразу спалишься! — покачал головой полковник. — На них чеканка вашего королевства. Спрячь и никому не показывай!

— Не хотел грабить вас, — возразил Антон, но монеты убрал.

— Есть у меня деньги, — сказал Игорь Иванович. — Скопил к твоему возвращению из армии. Одежду следовало купить, обувь. Планировал потратить на тебя, вот и сделаю.

— Спасибо! — поблагодарил Антон.

— Завтра сниму деньги с книжки. Лиза с Люсиль сходит в магазин и купит ей одежду и обувь. Учебники беру на себя — напишешь какие. Ты из квартиры — ни ногой! Соседи знают, что ты погиб, и вдруг — на тебе, объявился. Кто-нибудь донесет — и все.

— Жаль! — опечалился Антон. — Хотел по Минску пройтись. И одежду лучше покупать самому. Вдруг не подойдет?

Игорь Иванович задумался и посмотрел на сына.

— С этими волосами и бородой тебя узнать. Здорово изменился.

— Там все так ходят. И Люсиль мои волосы нравятся, — Антон смутился.

— Значит, будешь музыкантом. Из этих... ВИА. Они носят патлы. Мулявин, к примеру.

— Отец?..

— У твоей матери был брат. После войны уехал на Север, и там сгинул. Мы искали, но не нашли. Представим, что он есть. Жив, здоров, дети... Лицом ты в мать, сойдешь за племянника. Зовут, скажем, Артем, приехал проведать родственников. Живешь на Севере, в этом, как его, Оймяконе. Из-за этого и одежда странная. Кто в Минске знает, что носят в Якутии? Легенда дохлая, но соседям хватит. Главное, не болтать с ними. "Здравствуйте!", "До свидания" — и все. Я сам скажу, если спросят.

— Понял, батя!

— Жену предупреди: пусть молчит. Она русского не знает, это вызовет подозрения. Пусть кивает и улыбается.

— Хорошо.

— Жаль снова тебя терять, — вздохнул Игорь Иванович.

— Не хочешь с нами?

— Не знаю. Бросить все... Здесь, конечно, хреново, но я привык. И Лиза пока учится. Что нам делать Средневековье?

— Работы — во! — Антон поднял ладонь над макушкой. — В Руме нет контрразведки — совсем. Из-за этого прозевали заговор против короля. Могло кончиться плохо. Ты у меня дока в этих делах. Полная грудь орденов. Король просил за тебя, ждет. Обещал полную свободу действий и любую помощь. Титул, дом, земли — что пожелаешь. Лиза и сейчас знает больше, чем тамошние мудрецы. Будет преподавать. Языку я вас обучу, он не сложный. Для начала побудте у нас в гостях. Поживете, посмотрите Рум. После определимся. Идет?

— Лизе это понравится, — улыбнулся Игорь Иванович. — Другая планета... Да и мне интересно.

— Договорились! — Антон хлопнул по столу ладонью.

Ранним осенним утром немолодой, но крепкий мужчина вышел из подъезда дома, стоящего на тихой улочке Минска. В руках он нес чемодан и рюкзак. Окинув двор цепким взглядом, мужчина поставил ношу у лавочки и присел.

Единственным, кто заметил его появление, был дворник, сметавший налетевшую за ночь листву. Подумав, он бросил метлу и подошел к лавочке.

— Доброго утра, Иванович!

— Здравствуй, Жора! — отозвался Ильин.

— Давно тебя видно не было, — сказал Жора, присев. — Лечился, что ли? Выглядишь хорошо — как лет десять сбросил.

— Я сейчас на два дома живу, — улыбнулся Ильин. — Дочь замуж вышла, переехала к родителям Николая. У них частный дом в автозаводском поселке. Хлопот с ним много: хозяйство, то-се. Я помогаю. Вот кое-что отвезти надо, — он указал на вещи.

— А что у тебя не живут? — спросил Жора. — Места ж хватает. Три комнаты.

— Не хотят, — развел руками Игорь Иванович. — Зять на МАЗе работает, далеко ехать. А так ему десять минут пешком. Дом у сватов двухэтажный, комнат много. Мне с ними веселее.

— Ага, — заключил Жора.

Он хотел еще что-то спросить, но тут с улицы свернуло такси.

— Это за мной, — сказал Игорь Иванович и встал. Он погрузил в багажник "Волги" вещи и помахал рукой Жоре.

— Будь! — отозвался дворник и направился к метле. А Игорь Иванович, оказавшись в салоне, назвал адрес, который удивил бы Жору, если бы тот мог слышать.

Спустя четверть часа такси остановилось у многоэтажного дома на улице Маяковского. Игорь Иванович расплатился с водителем, забрал вещи и дождался, пока "Волга" уедет. Оглянулся по сторонам. В этот ранний час на улице было пустынно. Игорь Иванович подхватил вещи, перешел дорогу и углубился в парк. Спустя пять минут он был у красивого особняка. Подойдя к двери, ведущей в подвал, поставил чемодан с рюкзаком и достал из кармана ключи. Загремел замком. Никто не обратил на это внимание. Если человек открывает подвал, значит, имеет право. Сторож, наверное, или завхоз. Правда, сторонний наблюдатель, случись он рядом, пришел бы в недоумение. "Завхоз" скрылся в подвале, прихватив вещи, но замок на двери остался висеть. Он болтался в проушинах, будто говоря: "Я на страже! Никого не впускал".

Стороннего наблюдателя, впрочем, не оказалось. И раскрывать ему загадку Игорь Иванович не собирался. На службе он проделывал и не такие шутки. Бывших коллег Ильин не опасался — знал их способности. Они ленивые и нелюбопытные. Милиция искать его с дочерью не будет — нет заявления. А легенду для соседей по дому он скормил дворнику. Всем растреплет...

В подвале Ильин активировал светоч, отнес вещи к portalу. Возле него стояли канистры, доставленные вчера. Игорь Иванович достал накопитель и вложил его в гнездо на плите. Тихо пропел сигнал, и плита исчезла. Вместо нее возник черный овал. Игорь Иванович перебросил в него вещи, затем, прихлопнув светоч ладонями, шагнул сам. И зажмурился от яркого света.

— Что так долго? — послышался недовольный голос. Он был неживым. — Я заждалась.

— Простите меня, госпожа! — поклонился Игорь Иванович. — Думал, придете позже.

Ел, а это была она, фыркнула и подошла ближе.

— В канистрах машинное масло, — сказал Игорь Иванович. — Это для автомобиля. В чемодане — книги, в рюкзаке — запчасти и одежда. Будете проверять?

— Нет, — ответила Ел и сделала знак храмовым служкам. Те подбежали и разобрали груз. Игорь Иванович с Ел поднялись по ступенькам и вышли из храма. Позади служки тащили вещи. На ступеньках их встретил Патхиль.

— Святозарная!

— Рада видеть тебя, жрец! — кивнула Ел. — Мог не встречать.

— Мой долг приветствовать дочь бога. Чем могу услужить?

— Не вели закрывать подвал. Я сегодня уйду.

— Твое слово — закон! — поклонился жрец.

Тем временем служки загрузили вещи в машину. Игорь Иванович открыл дверь и помог Ел сесть на пассажирское место. Обойдя УАЗ, устроился на водительском сиденье. Захлопнул дверцу и завел мотор. Спустя минуту они катили по улице столицы. Прохожие жались к домам и провожали автомобиль взглядами.

— Надоел этот жрец! — пожаловалась Ел. — Постоянно кланяется и норовит целовать руку. А у него рот слюнявый.

— Терпи! — ответил Игорь Иванович. — Портал у него в храме. Обидится и не пустит. Что тогда?

Ел вздохнула и замолчала. УАЗ выкатил на площадь и встал перед высокими воротами. Игорь Иванович просигналил. Створки ворот поползли в стороны. Ильин загнал машину во двор и выключил зажигание. Подбежавший слуга открыл дверцу. Другой сделал это для Ел. Игорь Иванович с гостьей выбрались наружу.

— Кто дома? — спросил Ильин на языке орков.

— Никого, — поклонился слуга. — Госпожа ускакала в имение. Высокородный Иль-Ин и его сестра ушли в училище.

— Ладно, — кивнул Игорь Иванович. — Разгрузите машину. Канистры — в кладовую, вещи — ко мне в комнату.

— Слушаюсь, господин!

Слуги захопотали у машины. Игорь Иванович достал из рюкзака бумажный кулек и стал наделять конфетами набежавших детей. Те, получив угощение, радостно убегали. Осталась девочка лет семи. Зажав в кулаке конфету, она уставилась на Ел.

— Почему ты зеленая? — спросила гостью.

— У нашего Светила другой спектр излучения, — ответила Ел, и диск на ее груди перевел. — Родись ты у нас, была бы зеленой.

— Я бы хотела, — вздохнула девочка. — Ты красивая.

Ел потрепала ее по голове. Девочка убежала. Игорь Иванович с Ел прошли в дом и поднялись по лестнице. Следовавшие за ними слуги несли чемодан и рюкзак. В комнате Ильин показал, где их сложить и отпустил слуг. Те поклонились и вышли. В тот же миг Ел бросилась ему на шею.

— Что ты, девочка? — Игорь Иванович погладил ее по плечикам.

— Соскучилась, — вздохнула Ел. — Тебя не было так долго.

— Непросто было купить нужное, — сказал Игорь Иванович. — Такая страна... Все и

дефиците.

— Хочу! — потребовала Ел и чмокнула его в губы. Комбинезон словно сам собой спал с ее тела. Игорь Иванович взял женщину на руки и отнес в кровать...

Некоторое время в комнате были слышны звуки поцелуев и сладкие стоны. Наконец тела на кровати расцепились. Ел оперлась на локти и заглянула возлюбленному в глаза.

— Тебя не смущает, что я зеленая?

— Нет, — ответил Игорь Иванович и обнял женщину. — На моей планете есть люди с черной кожей. И ничего. Зеленая даже красивее. А вот разница в возрасте тревожит.

— На Меринде это обычное дело! — фыркнула Ел. — Мы живем долго. К тридцати только заканчиваем учебу. Семьи создавать не спешим. В твоём возрасте мужчина у нас — жених. К тому же сын тебя хорошо подлечил, — она хихикнула и ткнула возлюбленного пальцем в живот. — Жаль нельзя взять тебя на Меринду.

— Почему?

— Запрет. Было время, мы завозили аборигенов. Использовали как слуг. Но им сложно адаптироваться в нашем мире. Многие тосковали, кончали с собой. Правозащитники подняли шум, император издал указ.

— А вам можно жить на других планетах?

— Конечно! — пожалала плечами Ел. — Я свободная женщина. Где хочу, там и живу.

— Перебирайся сюда!

— Пока не могу, — погрустнела Ел. — Я нужна Гнуру. Он мне как отец. Потом...

Игорь Иванович не стал уточнять, что значит "потом". Понял.

— Привезла? — спросил, чтобы отвлечь женщину.

— Да!

Ел соскочила с кровати и подобрала с пола сумочку. Достала из нее черный футляр.

— Вот! — она высыпала на ладонь Ильина прозрачные бусинки с крохотными хоботками. — Это передатчики. Втыкаешь этот хоботок в одежду, или куда-нибудь еще, придавливаешь пальцем — и все. Передатчик закрепляется и меняет цвет, подстраиваясь под фон. Можно разглядеть только в специальный прибор. Передатчик транслирует звук и изображение на коммуникатор, — она достала овальную, продолговатую коробочку и провела над ней пальцем. Над коробочкой вспыхнул экран размером с подсолнух. — Передатчики к нему привязаны. Видишь значки! Это их номера, разберешься. Звук и изображение записываются. Сейчас покажу, где это хранится и как найти.

Некоторое время Ел учила возлюбленного обращению с техникой. Замолчала, только убедившись, что тот разобрался. Отложила футляр и приникла к мужчине.

— Трудно поверить, что у вас это может купить любой, — сказал Игорь Иванович. — Таковую технику!

— Ее используют родители, которые хотят знать, где их дети. Это разрешено. А вот постороннему прикрепить передатчик нельзя. Коммуникатор его обнаружит, виновного накажут.

— Здесь не найдут, — сказал Игорь Иванович и чмокнул Ел в носик. — Дорого заплатила?

— Ерунда! — махнула рукой Ел. — Денег у меня много. Медальон, что ты мне дал, продала с аукциона. В описании сообщила: боевой артефакт с Сигмы-2. Приложила видео. На нем маг сносит вершину холма Кулаком. Антона попросила, — Ел улыбнулась. — Такой ажиотаж был! Торговались отчаянно. Медальон ушел за шестьсот сорок тысяч кредитов. У

меня просят еще.

— Будут! — пообещал Игорь Иванович.

— Еще мне писали женщины, — Ел хихикнула. — Интересовались Антоном. Жаждут познакомиться.

— А вот этого не нужно! — помотал головой Игорь Иванович. — Ты знаешь Люсиль.

— Знаю! — согласилась Ел. — Поэтому отказала. Они обиделись. Решили, что Антон — мой мужчина.

— Пусть думают, — сказал Игорь Иванович.

— Пусть! — согласилась Ел и приникла к возлюбленному.

Спустя час они вышли во двор. Игорь Иванович отвез Ел в храм. В подвале они церемонно попрощались. Ел шагнула в портал, а Игорь Иванович сел в УАЗ и поехал к дворцу. Архиль принял его сразу.

— Чем порадуешь, контрразведчик? — спросил, усадив гостя.

Игорь Иванович достал футляр и показал прибор. Король впечатлился, велел кликнуть воеводу. Лодорк пришел быстро. Втроем они испытали систему. Лодорк цеплял передатчик, ходил по залам, говорил со слугами. Архиль с Игорем Ивановичем наблюдал за этим из комнаты. Вернувшимся Лодорку показали запись. Тот пришел в восторг.

— Вот, где они у нас теперь! — показал кулак.

— Как додумался? — Архиль глянул на Ильина.

— Такая техника есть на Земле, — сказал Игорь Иванович. — Но там ее не достать. Используют специальные службы. Зеленым можно купить.

— Дорого заплатил? — спросил король.

— Отдал медальон мага.

— Всего-то? — усмехнулся Архиль. — Да я их десяток дам. Скажи казначею, пусть выделит. Это я оставлю себе, — он указал на футляр. — Себе еще раздобудешь.

— И мне! — поспешил Лодорк.

— Много сразу нельзя, — покрутил головой Игорь Иванович. — Подведем девочку. Руководство насторожится.

— Влюбился? — усмехнулся король.

— Она хорошая, — вздохнул Игорь Иванович. — Хорошая и наивная. Но дело не в ней. Начнем тащить технологии, закروют эксперимент. Да еще портал выключат. А он нужен.

— Значит, он подождет, — Архиль ткнул пальцем в Лодорка. — Теперь о тебе. Что в награду?

— Дом, — сказал Игорь Иванович. — Мне обещали. Неудобно стеснять сына. Он-то рад, да и Люсиль не против. Но мне неудобно.

— Понимаю, — усмехнулся король. — Принимать женщину лучше в своем доме. Раз обещал — будет! Площадки в столице есть, остались после подавления заговора. Те, где сгорели дома. Я забрал их в казну, могу выдать любую. Подбери. Тебе построить или сам справишься?

— Сам, — сказал Игорь Иванович. — Но деньги нужны.

— Дам! — пообещал Архиль. — Научи меня этим пользоваться, — он указал на футляр.

...В дом невестки Игорь Иванович вернулся к вечеру. Сначала учил короля, затем был обед и составление списка потенциальных заговорщиков. Ильин их не знал, но присутствовал — нужно.

Семья была в сборе. Все сели за стол. За едой дети разговаривали, рассказывая с

прошедшем дне. На Ильина вдруг накатило. Некогда он с Ольгой вот также сидел за столом, а дети наперебой хвастались успехами в школе. Он почувствовал, как повлажнели глаза. "Старый стал, сентиментальный!" — выругал он себя. Но чувство не ушло.

— Папа?

Игорь Иванович перевел взгляд на сына. Тот смотрел на него в упор.

— Ничего, — сказал Ильин-старший и вытер глаза. — Просто вспомнилось.

— Как сходил?

— Нечего особенного. Побывал дома, раздобыл кое-что. После ужина покажу. Заехал к Архиллю. Вот и все.

— Мне говорили: была гостья, — сощурился сын. — Зелененькая такая.

— Ой! — всплеснула руками Лиза. — Ел приходила? Почему не дождалась? Мы бы поболтали.

— Спешила она. Служба.

— Поэтому вы запирались в комнате? — усмехнулся Антон.

— Но-но! — погрозил ему пальцем Игорь Иванович. — Будешь отца учить!

— Не буду, — согласился Антон. — Я, если хочешь знать, не против. Лиза — тоже.

Будет у нас зелененькая мачеха. Так, Лиз? — он подмигнул сестре. Та прыснула.

— Совсем распустились! — буркнул Игорь Иванович. — Вот сниму ремень... Мне король участок в столице дает. Из тех, где дома сгорели. Буду строиться. Посоветуйте: какой взять?

— Я знаю! — оживилась Люсиль. — За два дома от нас.

— Там косогор, — возразил Антон. — Неудобно. Есть через три улицы. И размером больше.

— Зато этот рядом! Недалеко в гости ходить.

— У отца автомобиль есть.

— Что ж ему, каждый раз ездить?

Дети заспорили. Игорь Иванович слушал их, кивая, но думал о другом. Как странно и неожиданно изменилась его судьба! Он потерял и обрел сына. Не соврала гадалка. Теперь ясно, почему она не видела смерти Игоря Ивановича. Это произойдет не на Земле. И не скоро. Почему-то Игорь Иванович был в этом уверен.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С-100 "Скала" — инженерно-техническое ограждение с контактной электрической сигнализацией, принятая на вооружение пограничными войсками СССР в 1955 году. Представляла собой забор из колючей проволоки. Стоило двум проволочкам сомкнуться, как на пульт оператора поступал сигнал с указанием участка, где произошло замыкание. После чего туда выезжал тревожный наряд. Этот забор стал символом неприступности границы СССР.

МЗП — малозаметное препятствие. Представляет собой сеть из тонкой, но прочной проволоки, спрятанной в траве. В случае попадания в нее ногами, выбраться весьма непросто.

КТО ВЫ? (МОЛД.)

Как вас зовут? (молд.)

Господин! (молд.)

Сорт вина из гибридных сортов винограда.

Хорошо (молд).

Мыт — сбор, пошлина за проезд по определенной территории, мосту через реку, въезд в город и т. п.

Красавицы (молд.).

Автор осознает, что в мире фэнтези жесты могли быть другими. Но кукиш понятнее.

То есть гауптвахту.

Американские астрономы оценивают вероятность ее существования в 90 %.

Сексот — секретный сотрудник, агент.